

Сопоставительные исследования 2008

**Воронеж
2008**

**Центрально-Черноземное региональное отделение
Научно-Методического Совета по иностранным
языкам Министерства образования и науки РФ
Воронежский государственный университет
Факультет романо-германской филологии
Кафедра английского языка
естественно-научных факультетов**

**Сопоставительные
исследования
2008**

**Продолжающееся
научное издание**

**Воронеж
2008**

Сопоставительные исследования 2008 – Воронеж: Истоки, 2008. – 190 с.

Предлагаемый межвузовский сборник научных трудов является пятым в серии ежегодных публикаций, посвященных проблемам сопоставительных исследований. Сборник подготовлен на кафедре английского языка естественно-научных факультетов факультета романо-германской филологии ВГУ. Материалы, включенные в сборник, выполнены в русле исследований теоретико-лингвистической школы кафедры общего языкознания и стилистики ВГУ.

Для студентов, аспирантов, преподавателей вузов, научных работников.

Редакционная коллегия:

проф. А.П. Бабушкин, проф. В.Б. Гольдберг, проф. И.А. Стернин,
проф. М.А. Стернина, проф. В.М. Топорова, доц. Н.М. Шишкина

Научный редактор – М.А. Стернина

Компьютерная верстка, оригинал-макет – М.А. Стернина

© Коллектив авторов, 2008
© Издательство «Истоки», 2008

Раздел 1.

Теоретические проблемы сопоставительных исследований

М.А. Стернина

О новых направлениях в развитии сопоставительных исследований

Одним из новых направлений в развитии сопоставительных исследований является разработка формализованных параметров описания национальной специфики языковых подсистем. Разработка и последовательное применение подобных параметров для описания языковых подсистем различных языков призваны решить основную задачу сопоставительной лингвистики – сопоставление языковых систем в целом. Механизм подобного сопоставления предусматривает сопоставление разных языковых подсистем внутри системы языка по единым формализованным параметрам, а затем - суммирование полученных данных для описания национальной специфики языков в целом.

В ряде диссертационных исследований последних лет, выполненных под нашим руководством, предложен и апробирован целый набор формализованных параметров, позволяющих сопоставлять языковые подсистемы разных языков. Для каждого параметра вычисляется соответствующий формальный *индекс*, который является *показателем степени проявления специфики той или иной языковой подсистемы по определенному параметру*.

Рассмотрим данные индексы более подробно.

Так, Н.М. Шишкиной в сопоставительном плане была изучена национальная специфика полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках (Шишкина 2004). В ходе исследования автором были выделены и посчитаны:

Индекс полисемантичности – отношение общего количества семем, развиваемых лексемами данной подгруппы/группы, к общему количеству лексем этой подгруппы/группы.

Индекс принадлежности к исследуемой ЛСГ – отношение общего количества семем с семой данной лексической группировки, развиваемых лексемами данной подгруппы/группы, к общему количеству семем этой подгруппы/группы.

Как показало исследование, средний индекс полисемантичности ЛСГ глаголов речевой деятельности в английском языке почти в полтора раза больше, чем в русском: 2,65 и 1,91 соответственно. А вот средний индекс принадлежности к исследуемой ЛСГ в английском языке по сравнению с русским меньше: соответственно 49,8 % и 60,6%.

В среднем значения индексов принадлежности к исследуемой группе выделенных подгрупп в ЛСГ глаголов речевой деятельности в русском языке достаточно высоки и варьируются от 56% до 85 %. В английском же языке в основном отмечены невысокие индексы принадлежности подгрупп к исследуемой ЛСГ - от 40 % до 60%.

Сравнение индексов полисемантичности выделенных подгрупп исследуемых ЛСГ выявило, что в английском языке индексы полисемантичности подгрупп существенно больше, чем в русском - если в русском языке самый большой индекс полисемантичности равняется 2,81 (подгруппа глаголов имитационной речевой деятельности), то в английском языке самый высокий индекс полисемантичности равен 3,82 (подгруппа глаголов, выражающих совет и пожелание). Таким образом, самый высокий показатель индекса полисемантичности в английском языке оказывается на 1,01 больше, чем соответствующий показатель в русском языке.

Индексы полисемантичности и принадлежности подгрупп к исследуемой тематической группе лексики были также использованы Н.И. Черновой при описании национальной специфики тематической группы лексики (на материале наименований зданий и помещений в русском и английском языках) (Чернова 2006). Проведенное исследование также показало, что в большинстве случаев индексы полисемантичности минирупп в английском языке выше индексов аналогичных минирупп в русском языке. Было также установлено, что средний индекс принадлежности выделенных подгрупп к исследуемой группе лексики в английском языке (71,64%) превышает средний индекс принадлежности в русском языке (63,74%).

При описании национальной специфики наименований зданий и помещений в русском и английском языках Н.И. Черновой были дополнительно предложены следующие формализованные индексы:

Индекс внутригрупповой структурно-семантической связности группы – отношение количества лексем, входящих разными семемами в разные структурные единицы группы, к общему количеству лексем данной группы.

Индекс семантической близости единиц группы – отношение количества лексических единиц, образующих синонимические пары и/или ряды, к общему количеству лексем данной группы.

Индекс яркости подгруппы внутри тематической группы – отношение количества единиц, входящих в структурную единицу группы, к общему количеству лексем данной группы.

Проведенное сравнение русской и английской тематической группы по этим параметрам показало, что уровень внутригрупповой структурно-семантической связности группы в русском языке (7,86%) превышает аналогичный индекс в английском языке (5,43%) более чем на 2%. Индекс семантической близости единиц группы в английском языке составляет 0,58, что существенно превышает аналогичный индекс (0,21) в русском

языке. Весьма заметными оказались также и различия в индексах яркости подгрупп внутри тематической группы – так, для наиболее многочисленных подгрупп в русском языке этот показатель составил 74,03% и 15,72%, а в английском языке – 62,44% и 25,12%.

Выделенные Н.И. Черновой индексы, равно как и предложенный Н.М. Шишкиной индекс принадлежности структурной единицы к группе, были также успешно использованы И.Ю. Востриковой в процессе сопоставительного описания национальной специфики лексико-семантического поля «Трудовая деятельность» в русском и английском языках (на материале глагольной лексики) (Вострикова 2006).

Исследование показало, что средний индекс принадлежности выделенных структурных единиц к ЛСП «Трудовая деятельность» в русском языке (60,9%) превышает средний индекс принадлежности к полю в английском языке (51,4%). Средний индекс структурно-семантической связности поля в английском языке (44,25%) значительно превышает аналогичный средний индекс в русском языке (14,65%). Индекс семантической близости единиц поля в русском языке составляет 10,88%, в английском языке аналогичный индекс равен 30,98%. Степень яркости групп внутри рассматриваемых полей также различается по языкам, хотя и не так существенно. Так, например, индексы яркости самой многочисленной в обоих полях группы **«Наименования процессов первичной трудовой деятельности»** составляют в русском и английском языках 84,35% и 86,38% соответственно.

В выполненном диссертационном исследовании И.Ю. Востриковой были предложены еще четыре новых индекса:

Индекс лексико-семантической замкнутости структурной единицы поля – отношение количества лексем, все семемы которых не выходят за рамки данной структурной единицы, к общему количеству лексем данной структурной единицы.

Индекс семантической противопоставленности единиц поля – отношение количества лексических единиц, образующих антонимические пары, к общему количеству лексем данного поля.

Индекс стилистической и эмоциональной окрашенности единиц поля – отношение количества лексических единиц со стилистической и/или эмоциональной окраской к общему количеству лексем данного поля.

Индекс представленности одноименных зон поля – отношение количества лексических единиц в той или иной зоне поля к общему количеству лексем данного поля.

Как показало исследование, средний индекс лексико-семантической замкнутости структурной единицы рассмотренного ЛСП в русском языке (43,59%) существенно превышает подобный средний индекс в английском языке (25,93%). Индекс семантической противопоставленности единиц поля в русском языке (4,63%) практически в два раза превышает этот индекс в английском языке (2,62%). Индекс стилистической и эмоциональной окрашенности единиц поля также существенно различается

по языкам и составляет 16, 19% в русском языке и 2,17% - в английском. Индексы представленности одноименных зон поля в русском и английском языках также различаются и составляют соответственно: для ядра – 0,81% и 1,53%, для ближней периферии – 73,78% и 57,02%, для дальней периферии – 14,95% и 26, 93%, для крайней периферии – 3,26% и 6,93%.

Как показал опыт использования перечисленных формализованных параметров, они одинаково успешно «работают» и на материале ЛСГ, и на материале тематических групп, и на материале одноименных лексических полей, что в определенной степени может свидетельствовать об их универсальности.

В ходе подготовки диссертационного исследования на тему «Национальная специфика тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках» С.В. Колтаковой было предложено еще три формализованных параметра определения национальной специфики семантики: *индекс первичной денотативной отнесенности к группе* – отношение количества лексем, входящих в структурную единицу по семеме Д1¹ к общему количеству лексем данной структурной единицы; *индекс вторичной денотативной отнесенности к группе* – отношение количества лексем, входящих в структурную единицу по семеме Д2 к общему количеству лексем данной структурной единицы; *индекс первичной и вторичной денотативной отнесенности к группе* – отношение количества лексем, входящих в структурную единицу по семемам Д1 и Д2 к общему количеству лексем данной структурной единицы. (Об использовании этих параметров для сопоставления конкретных тематических групп лексики см. в статье С.В. Колтаковой в данном сборнике.)

Целый ряд формализованных параметров для контрастивных исследований, также представленных в виде соответствующих индексов, были разработаны в диссертационных исследованиях, выполненных под руководством профессора И.А. Стернина. Так, в диссертации И.П. Зленко «Национальная специфика семантики слова (контрастивное описание наименований процесса труда и наименований лиц по отношению к труду в русском и французском языках)» (Зленко 2004) были предложены три следующих индекса -

Индекс безэквивалентности – отношение количества безэквивалентных единиц к общему числу исследуемых единиц;

Индекс эквивалентности – отношение количества эквивалентных единиц к общему числу исследуемых единиц;

Индекс национальной специфики – отношение количества единиц с национальной спецификой семантики к общему числу исследуемых единиц.

¹ Терминология М.М. Копыленко и З.Д. Поповой (Копыленко, Попова 1989, с. 31-32)

На материале лексики трудовой деятельности в русском и французском языках диссертантом было установлено, что индекс безэквивалентности русской лексики относительно французской составляет 0,42, индекс эквивалентности – 0,22, а индекс национальной специфики – 0,36. Таким образом, предложенные индексы четко показывают, что исследуемая лексическая группировка демонстрирует значительно более яркие межъязыковые семантические различия, чем сходства.

В диссертационном исследовании Т.А. Чубур на тему «Национальная специфика семантики слова и проблемы ее лексикографической фиксации (на материале наименований *незанятости трудовой деятельностью* в русском и английском языках)» (Чубур 2005) для выявления национальной специфики изучаемой лексической группы использованы индексы, предложенные И.П. Зленко, а также введен новый индекс:

Индекс относительной номинативной плотности - отношение количества единиц, номинирующих определенную внеязыковую сферу в исходном языке к количеству аналогичных единиц в языке сопоставления

Индекс номинативной плотности наименований *незанятости трудовой деятельностью* в русском языке относительно английского языка, по данным исследователя, составляет величину 1,08, что отражает незначительное превышение номинативной плотности лексической группировки русского языка по сравнению с аналогичной английской группой.

Т.А. Чубур была также уточнена формулировка введенного И.П. Зленко термина «*Индекс национальной специфики*». Данный термин был заменен на новый – «*Интегральный индекс национальной специфики лексической группировки*», что представляется вполне оправданным, поскольку формализованный параметр, представленный данным индексом, определяется совокупностью безэквивалентных единиц и единиц с национальной спецификой семантики в их отношении к общему числу единиц исследуемой группировки.

Интегральный индекс национальной специфики русских наименований *незанятости трудовой деятельностью* относительно английских составил 0,81 и, по мнению исследователя, может быть квалифицирован как очень высокий (при максимальном значении равном единице).

Совокупные данные, полученные при помощи всех перечисленных выше индексов, дали основание диссертанту прийти к выводу, что исследуемая лексическая группировка демонстрирует значительно более яркие семантические различия, чем сходство.

В диссертации Е.А. Маклаковой «Национальная специфика семантики наименований лиц (на материале русского и английского языков)» (Маклакова, 2006) помимо индексов, предложенных И.П. Зленко и Т.А. Чубур, использованы также еще три новых индекса -

Индекс денотативной национальной специфики исследуемой лексико-семантической подсистемы - отношение числа контрастивных пар с

денотативной национальной спецификой к общему числу контрастивных пар.

Индекс коннотативной национальной специфики - отношение количества контрастивных пар с национально-специфическими оценочными и эмоциональными семами к общему числу контрастивных пар исследуемой лексико-семантической группировки.

Индекс функциональной национальной специфики - отношение количества контрастивных пар с национально-специфическими функциональными семами к общему числу контрастивных пар группировки.

Индекс денотативной национальной специфики исследованной диссертантом лексико-семантической группировки наименований лиц русского языка при контрастивном сопоставлении с переводными соответствиями в английском языке составил 0,59. Индекс коннотативной национальной специфики данной группировки при контрастивном сопоставлении с английским языком составил 0,41. Индекс функциональной национальной специфики оказался равным 0,61. Таким образом, предложенные исследователем индексы наглядно показывают, что наибольшие различия в данных группировках наблюдаются в функциональных и денотативных семах.

В ходе выполняемого под нашим руководством контрастивного исследования наименований речевых событий в русском и английском языках Л.В. Лукиной предложены четыре новых формализованных параметра, также представленных в виде индексов:

Индекс множественности соответствий, под которым понимается количество лексических единиц в языке сопоставления, выступающих в качестве соответствий конкретной лексической единицы языка, являющегося базисным для контрастивного исследования.

Индексы денотативной, коннотативной и функциональной идентичности лексем, под которыми понимается отношение совпадающих соответственно денотативных, коннотативных и функциональных сем к общему числу сем этой категории, выделенных у рассматриваемых лексем.

Об использовании этих параметров в контрастивном исследовании см. в статье Л.В. Лукиной в данном сборнике.

В целом на данный момент в лингвистический обиход введено 12 индексов для сопоставительных исследований и 11 – для контрастивных.

Индексы для сопоставительных исследований:

- индекс полисемантности
- индекс принадлежности к исследуемой ЛСГ
- индекс внутригрупповой структурно-семантической связности группы
- индекс семантической близости единиц группы
- индекс яркости подгруппы внутри тематической группы

- индекс лексико-семантической замкнутости структурной единицы поля
- индекс семантической противопоставленности единиц поля
- индекс стилистической и эмоциональной окрашенности единиц поля
- индекс представленности одноименных зон поля
- индекс первичной денотативной отнесенности к группе
- индекс вторичной денотативной отнесенности к группе
- индекс первичной и вторичной денотативной отнесенности к группе

Индексы для контрастивных исследований:

- индекс безэквивалентности
- индекс эквивалентности
- индекс относительной номинативной плотности
- интегральный индекс национальной специфики лексической группировки
- индекс денотативной национальной специфики
- индекс коннотативной национальной специфики
- индекс функциональной национальной специфики
- индекс множественности соответствий
- индекс денотативной идентичности лексем
- индекс коннотативной идентичности лексем
- индекс функциональной идентичности лексем

Отметим, что каждый из перечисленных индексов разработан соответственно либо для сопоставительных, либо контрастивных исследований. Однако такой параметр, как индекс относительной номинативной плотности, разработанный для контрастивного анализа, с успехом может быть применен и в сопоставительных исследованиях.

Литература

1. Вострикова И.Ю. Национальная специфика лексико-семантического поля «Трудовая деятельность» в русском и английском языках (на материале глагольной лексики): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2006.
2. Зленко И.П. Национальная специфика семантики слова (контрастивное описание наименований процесса труда и наименований лиц по отношению к труду в русском и французском языках): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2004.
3. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии – Воронеж, 1989.
4. Маклакова Е.А. Национальная специфика семантики наименований лиц

(на материале русского и английского языков): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2006.

5. Чернова Н.И. Национальная специфика тематической группы лексики (на материале наименований *зданий и помещений* в русском и английском языках): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2006.
6. Чубур Т.А. Национальная специфика семантики слова и проблемы ее лексикографической фиксации (на материале наименований *незанятости трудовой деятельностью* в русском и английском языках): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2005.
7. Шишкина Н.М. Национальная специфика полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2004.

Е.Г. Пермякова

О некоторых методиках сопоставительного исследования лексических систем

Сопоставительная лингвистика как самостоятельное направление в языкознании, уверенно заявившая о себе во второй половине XX в., продолжает активно развиваться в настоящее время. Неослабевающий интерес современных ученых к проблемам сопоставительного изучения языков расширяет методологическую базу исследований, которая пополняется новыми, более эффективными методами и методиками.

Анализ современных публикаций позволил выделить несколько методик сопоставительного описания лексических систем:

1. Методика сопоставления оригинальных текстов и их переводов (М.А. Грошева, Ю.З. Богданова, Н.С. Павлова). Данная методика позволяет выявить как факты эквивалентности лексем разных языков, так и лакуны. Исследование М.А. Грошевой связано с изучением глагольно-именных словосочетаний (ГИС) в русском и английском языках, автор выявляет сходства и различия когнитивных и коммуникативных возможностей ГИС как способа обозначения действия в обоих языках (Грошева 2004). В своем диссертационном исследовании Ю.З. Богданова проводит грамматическое и лексическое сопоставление русских форм прилагательных и их соответствий в немецком переводе рассказов А.П. Чехова, в качестве сопоставляемых переводных материалов использовались известные переводы этих рассказов на немецкий язык (Богданова 2004). Н.С. Павлова обращается к анализу способов вербализации обонятельных образов на материале оригинального текста романа Патрика Зюскинда «Парфюмер» и текста русского перевода Э.В. Венгеровой (Павлова 2006).

2. Методика сопоставительного исследования на материале словарных толкований лексем различных частей речи, выявленных путем сплошной выборки (А.Н. Злобин, Н.В. Золотарева, С.В. Татаренко, С.Д. Погорелова). Данный подход дает возможность провести детальный анализ состава ЛСГ

разных языков. Так, А.Н. Злобин (Злобин 1993) сопоставляет глаголы передвижения в близкородственных немецком и английском языках. Н.В. Золотарева (Золотарева 1999) исследует глаголы речевой деятельности в русском и английском языках. В своих исследованиях С.В. Татаренко и С.Д. Погорелова обращаются соответственно к исследованию прилагательных эстетической оценки и лексики утилитарной оценки в русском и английском языках. Оба исследования проводятся на материале словарных толкований, однако, специфика исследования заключается в изучении оценочной семантики в лексических системах двух языков, что в свою очередь, позволяет выявить и изучить в сопоставительном аспекте национальную психологию и национальное видение мира. Такие исследования представляют одно из перспективных направлений – современную лингвистическую аксиологию (Татаренко 1999; Погорелова 2002).

3. Методика сопоставления, основанная на лексическом материале, отобранном путем сплошной выборки из лексикографических и оригинальных литературных источников (О.Г. Скворцов, Р.Р. Закиров, Э.М. Гилязева). Эта методика предполагает детальное описание лексико-семантических групп различных языков, поскольку исследование проводится с учетом речевого употребления лексических единиц на основе контекстуального анализа. Данный подход позволяет полнее охарактеризовать специфику ЛСГ исследуемых языков, обнаружить их расхождения и сходство.

Особый интерес представляют диссертационные исследования Р.Р. Закирова и Э.М. Гилязевой, направленные на изучение фразеологических единиц в разноструктурных и типологически различных языках (Закиров 2003; Гилязева 2006). Предметом исследования Э.Э. Закирова послужили фразеологические единицы (ФЕ) с компонентом цветообозначения в английском, русском и татарском языках. Э.Н. Гилязева обращается к исследованию семантических свойств фразеологических единиц с компонентом «предметы быта» татарского и немецкого языков. В обоих случаях исследование проводится в несколько этапов, на первом из которых ФЕ отбираются путем сплошной выборки из ряда одно- и двуязычных словарей сравниваемых языков; далее - на основе фактического языкового материала, включающего в себя примеры употребления единиц в произведениях художественной литературы.

4. Методика сопоставительного описания лексических систем на материале сплошной выборки из текстов оригинальных литературных произведений, материалов прессы, официальных документов (Инькова-Манзотти 2001). При таком подходе отсутствует предварительный отбор единиц из лексикографических источников, исследование опирается на изучение собственно языкового материала и основано на методе контекстуально-ситуативного анализа. В докторской диссертации О.Ю. Иньковой-Манзотти, представлено подобное сопоставительное

исследование, направленное на установление сходств и различий в функционировании коннекторов во французском и русском языках.

Как мы видим, можно выделить четыре различных методики сопоставительного исследования лексических систем, каждая из которых отличается, прежде всего, методом отбора материала для исследования. Можно ограничиться только изучением словарных дефиниций в сравнении, можно анализировать как словарные дефиниции, так и текстовый материал. Исследователь может обратиться к изучению речевого употребления лексических единиц в оригинальных текстах в сравнении с переводным материалом. Также есть возможность провести более детальное описание лексико-семантических групп различных языков, исследуя лексические единицы на основе контекстуального анализа оригинальных текстов двух и более языков.

Литература

1. Богданова Ю. З. Русские имена прилагательные и их соответствия в немецком переводе (на материале рассказов А. П. Чехова): автореф. дис. ... канд. филол. наук.– Тюмень, 2004.
2. Гилязева Э.Н. Лингвокультурологические особенности фразеологических единиц с компонентом «предметы быта» в татарском и немецком языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2006.
3. Грошева М.А. Номинативный потенциал глагольно-именных словосочетаний типа «принять решение» и «to give a smile»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2004.
4. Закиров Р.Р. Фразеологические единицы с компонентом цветообозначения в английском, русском и татарском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2003.
5. Злобин А.Н. Глаголы передвижения в немецком и английском языках (синхронно-диахронное исследование): автореф. дис. ... канд. филол. наук.– Н.Новгород, 1993.
6. Золотарева Н.В. Семантическое пространство глаголов речевой деятельности в русском и английском языках): автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук.– Екатеринбург, 1999.
7. Инькова-Манзотти О.Ю. Коннекторы противопоставления во французском и русском языках (сопоставительное исследование): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Москва, 2001.
8. Павлова Н. С. Лексика с семой 'запах' в языке, речи и тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2006.
9. Погорелова С.Д. Сопоставительное исследование лексики утилитарной оценки в русском и английском языке (по материалам лексикографии).– Екатеринбург, 2002.
10. Сковрцов О.Г. Методы исследования лексических систем. – Екатеринбург: Издательство АМБ, 2001.
11. Татаренко С.В. Сопоставительное исследование прилагательных эстетической оценки в русском и английском языках.– Екатеринбург, 1999.

Реалия в аспекте лингвистического переводоведения

Термин *реалия* стал частью понятийного аппарата переводоведения в середине XX века и получил широкое распространение после выхода в свет в 1980 году работы болгарских исследователей С. Влахова и С. Флорина «Непереводимое в переводе»

Под реалиями, вслед за С. Влаховым и С. Флориным, стали понимать слова, называющие предметы и понятия быта и культуры, исторической эпохи и социального строя, государственного устройства и фольклора, передающие специфические особенности одного народа, отличающие его от других народов. К ним также относили названия произведений искусства и литературы, имена исторических личностей, общественных деятелей, ученых, писателей, композиторов, популярных спортсменов, персонажей художественных произведений, явления природы, носящие региональный характер, а также множество разрозненных фактов, не поддающихся классификации (Влахов, Флорин 2006, с. 10, 156).

Изложенная в книге болгарских ученых теория представляет реалию как «особую категорию средств выражения», имеющих собственные признаки и отличающихся от других классов слов (там же, с. 161, 212). Реалии обладают специфическим денотативным значением, которое выявляется в оппозиции «свой» /«чужой». Их коннотативные характеристики связаны с передачей национального (регионального, местного), временного (исторического) и социального колорита. Рассматривая реалию как факт «непереводимого в переводе», который «можно и должно перевести, т.е. переложить, перевыразить, воспроизвести для нового читателя на его языке», авторы привлекают внимание к «парадоксу реалий»: понятие «перевод реалий» дважды условно. Реалия, как правило, непереводима (в словарном порядке) и, опять-таки, как правило, она передается (в контексте) обычно не путем перевода (там же, с. 94).

Предложенная болгарскими переводоведами оригинальная концепция является до настоящего времени единственной комплексной теорией, рассматривающей реалию как «часть большой и важной проблемы национального и исторического своеобразия» (там же, с. 19).

Несмотря на то, что предложенное авторами толкование термина реалия не нашло единодушного признания ученых (подробнее см.: Фененко 2007), проблемы, связанные с приемами передачи реалий при переводе, стали активно обсуждаться различными направлениями как отечественного, так и зарубежного переводоведения.

В настоящей статье будут рассмотрены решения проблемы реалии, представленные в исследованиях по лингвистической теории перевода, в которых переводческая проблематика рассматривается с позиций языкознания, включающего теорию перевода в число лингвистических дисциплин.

Исследование реалии в лингвистическом переводе осуществляется с учетом важнейших категорий лингвистической теории перевода и на основе ведущего методологического принципа межкультурного лингвистического анализа - принципа взаимной переводимости как главного свойства, присущего всякой паре языков (Гарбовский 2004, 184).

Основа системного подхода к реалии с точки зрения лингвистической теории перевода заложена в работах Я.И. Рецкера и связана с разработанным им понятием закономерных соответствий (Рецкер 1974). Автор различает постоянные и равнозначные «эквиваленты» (эквивалентные соответствия), вариантные и контекстуальные аналоги, а также контекстуальные замены (или переводческие трансформации). Первое соответствие относится к сфере языка, два последних – к сфере речи, хотя граница между ними весьма подвижна. Реалии как единицы, сигнализирующие отсутствие соответствия в языке перевода, входят частично во второй, частично в третий тип классификации Я.И. Рецкера.

Передача реалии при переводе осуществляется с учетом содержания и стилистических особенностей текста, а также на основе одного из приемов адекватной замены – конкретизации недифференцированных понятий, лексического развития или компенсации. Таким образом, в работе Я.И. Рецкера были впервые сформулированы и описаны основы теории переводческих соответствий, касающиеся непосредственно специфики «перехода» реалии из исходного текста (ИТ) в текст перевода (ПТ). Принципы подобного перехода обусловлены знаковой природой языка: любой язык, состоящий из знаков, должен быть переводим на любой другой в соответствии с этими правилами, поскольку именно здесь лежит их общая основа (ср. также Мунэн 1978).

В монографии Л.С. Бархударова «Язык и перевод» (Бархударов 1975), оказавшей значительное влияние на развитие лингвистического переводеведения, реалия рассматривается в рамках общей теории перевода, важнейшим постулатом которой является эквивалентность как сохранение неизменного плана содержания при замене плана выражения оригинала (там же, 11). Ученый считает, что неизменность плана содержания – понятие относительное, поскольку в переводе неизбежны потери. Данное понятие предполагает передачу, наряду с предметом сообщения, ситуацией и участниками общения, различных типов языковых значений: референциального, резюмирующего отношение знак – класс обозначаемых предметов или ситуаций; прагматического (отношение знак – участник речевого процесса), внутрилингвистического (знак – другие знаки). Указанные значения при переводе проявляются через один из типов соответствий: полное соответствие, частичное соответствие или отсутствие соответствия (Бархударов 1975, с.74). Реалии – это типичный случай отсутствия соответствия, который восполняется в переводе транскрибированием (транслитерированием), описательным или приблизительным способом или при помощи переводческих

трансформаций. Сопоставление лексических единиц разных языков, которые при первом подходе воспринимаются как полностью совпадающие, при более детальном рассмотрении свидетельствует о значительном различии их референциальных значений (там же, с. 75) и, следовательно, о текучести границ между типами соответствий. С этой точки зрения реалия сближается с другими типами лексических единиц (ЛЕ), поскольку полное совпадение слов в разных языках «во всем объеме их референциального значения относительно редки» (там же).

Наиболее подробно реалия проанализирована в работах А.В. Федорова по основам общей теории перевода.

Автор рассматривает реалии как крайний случай безэквивалентности - безэквивалентность «в чистом виде» (Федоров 2002, с. 184) и связывает решение вопроса об их передаче с теорией лексических вариантов. Лексические варианты, в понимании ученого, это часть тех соотносительных и параллельных средств, которыми язык располагает для выражения более или менее однородного содержания. Перевод, подчеркивает исследователь, никогда не ограничивается выбором из числа тех элементов, которые зафиксированы в словарях (даже подробных) как соответствия определенному слову оригинала: словарь не в состоянии предвидеть все конкретные сочетания, в которые попадает слово и которые чрезвычайно разнообразят его содержание. Почти каждый перевод сколько-нибудь сложного оригинала дает целый ряд примеров того, как слово подлинника находит соответствие, взятое за пределами синонимии двуязычных, а иногда и одноязычных словарей, и точное по смыслу контекста

Анализируя перевод на русский язык новеллы Мопассана «La bête à Mait' Belhomme» («Зверь дяди Бельома»), ученый показывает, что ЛЕ *diligence* (дилижанс), а также расширяющие, сужающие и конкретизирующие его значение синонимы – *véhicule* (экипаж), *voiture* (каре́та), *guimbarde* (старый неудобный экипаж, колымага) переведены не только при помощи вышеприведенных соответствий, но при помощи других, более отдаленных синонимов – *рыдван*, *ковчег*, каждое из которых «играет определенную стилистическую роль, выражает отношение автора к изображаемым вещам, оттеняет ту или иную сторону описываемого» (там же, с. 198).

Следовательно, параллельные по условиям контекста синонимические средства гораздо шире понятия синоним в его точном лингвистическом значении. Они близки к понятию текстового эквивалента в концепции французской переводоведческой школы, разрабатывающей интерпретативную модель перевода (Seleskovitch, Lederer 2002; Lederer 1994), а также к понятию текстового переводческого эквивалента у Дж. Кэтфорда (Кэтфорд 1978).

Согласно точке зрения А.В. Федорова, лексическая вариантность, допускающая «значительные колебания», типична и для передачи обозначений реалий, несмотря на то, что речь идет о понятиях и вещах,

предполагающих точное описание и определение. Она реализуется в рамках одного из четырех способов перевода, к которым относятся:

1. Транслитерация либо транскрипция (полная или частичная), непосредственное использование данного слова, обозначающего реалию, либо его корня в написании буквами своего языка или в сочетании с суффиксами своего языка.

2. Создание нового слова или сложного слова, или словосочетания для обозначения соответствующего предмета на основе элементов и морфологических отношений, уже реально существующих в языке. Этот способ называется также описательным, перифрастическим, переводческой перифразой, способом функциональной замены.

3. Использование слова, обозначающего нечто близкое (хотя и не тождественное) по функции к иноязычной реалии, – иначе – уподобляющий перевод, уточняемый в условиях контекста, а иногда граничащий с приблизительным обозначением.

4. Гипонимический или обобщенно-приблизительный перевод, при котором слова ИЯ, обозначающие видовое понятие, передается словом ПЯ, называющим понятие родовое (Федоров 2002, с.207).

Рассматривая достоинства и недостатки каждого из перечисленных способов перевода, А.В. Федоров особо подчеркивает, что в практике переводческой работы они применяются не изолированно, а в сочетании друг с другом. Исключительное использование только одного из них имеет следствием либо перегрузку переводного текста иноязычным словесным материалом или «экзотизмами» (при транслитерации или транскрипции), либо непомерное расширение текста (при описательном, перифрастическом способе), либо ведет к полной утрате национальной специфичности (при уподобляющем способе), либо к обеднению вещественного смысла (при гипонимической передаче) (Федоров 2002, 214). Аналогичного мнения придерживается и Л.С. Бархударов, который считает, что передача слов, обозначающих реалии, должна осуществляться на основе семантической эквивалентности с учетом принципа подчинения элементов целому (Бархударов 1975, 17).

А.Д. Швейцер рассматривает *реалию* в связи с прагматикой перевода, определяющей отношения между языковым выражением и участниками коммуникативного акта – отправителями и получателями сообщения (Швейцер 1973, с. 239). Ученый считает, что прагматика лежит в основе переводческой эквивалентности: если содержание исходного и конечного текста воспринимается по-разному их получателями, то из этого следует, что перевод как двуязычный коммуникативный акт не достиг своей цели (Швейцер 1973, с. 239). С этой точки зрения его позиция близка концепции «динамической эквивалентности» Ю. А. Найды (Найда 1978; Nida 2002), классификации текстов с ориентацией на читателя, предложенной А. Нойбертом (Нойберт 1978), функциональной эквивалентности, основанной на прагматике значения в трактовке Г. Егера (Егер 1978).

Прагматический компонент содержания, подчеркивает А.Д. Швейцер, оказывает определенное влияние на передачу всех других его компонентов и позволяет расширить диапазон средств, используемых для передачи безэквивалентных ЛЕ.

Применительно к реалиям важным оказывается такой критерий, как «степень знакомства с предметом». Так, при передаче на английский язык реалий – советизмов наблюдается следующая закономерность: в текстах, рассчитанных на специалистов, на читателей, знакомых с советскими реалиями, преобладают такие способы передачи советизмов, как транслитерация и калька, тогда как в текстах, адресованных более широкой аудитории, чаще встречаются объяснительный, описательный и другие виды перевода, а транслитерация и калька обычно сопровождаются пояснительными комментариями (Швейцер 1973, 251).

Таким образом, в концепции А.Д. Швейцера важное значение приобретает «фактор адресата» и его информационный запас, в другой терминологии – степени преинформационного запаса (Миньяр-Белоручев 1999), уровни способности понимания (Найда 1978).

Другой важный критерий, предлагаемый А.Д. Швейцером, – функциональная роль реалии в сообщении. Переводчик может «снять реалию» в нескольких случаях:

- если она несет незначительную нагрузку в смысловой структуре текста,
- если она упоминается лишь эпизодически,
- если она выполняет не денотативную, а экспрессивную функцию и, следовательно, не может вызвать конкретные образные ассоциации у читателя текста перевода.

Этот прием известен также как «опущение реалии» или «нулевой перевод» (Влахов, Флорин, 2006, с.109). Он может снижать когнитивную ценность художественного текста, но не мешает достижению основной его функции – поэтической (Гарбовский 2004, с.486).

Выдвигая в качестве решающего критерия эквивалентности при переводе условие прагматической адекватности, А.Д. Швейцер подчеркивает, что социально-культурные различия между получателями исходного и конечного сообщения позволяют говорить лишь о соответствии, но не о полном тождестве восприятия ими соответствующих текстов. Поэтому переводческое решение носит не максимальный, а оптимальный характер, обусловленный стремлением учесть два противоречивых требования – отражение жанрово-стилистических особенностей оригинала и уподобление соответствующим произведениям на языке перевода (Швейцер 1973, с. 162).

Анализ реалии, как и других языковых фактов, с позиций лингвистического моделирования предполагал выделение и описание жестко заданного инвентаря трансформационных моделей передачи реалии из ИТ в ПТ.

Критикуя подобный подход, О. Каде пишет: «Не сомневаясь в релевантности для перевода трансформаций, обусловленных структурой данных двух языков, мы, однако, не согласны сводить сущность перевода к механизму внутри- и межъязыковых трансформационных операций» (Каде 1978, с.5).

В любом хорошем переводе, считает немецкий ученый, найдется немало законных и закономерных изменений по сравнению с оригиналом (в частности, изменений лексико-семантической структуры текста), возникающих в результате учета переводчиком ситуативно обусловленных норм речевого поведения носителей данного языка, наличия или отсутствия у них (как членов исторически сложившейся коммуникативной общности) необходимой для понимания текста предварительной информации (pre-information) и других неязыковых факторов, играющих роль в коммуникативно-речевой деятельности. Микролингвистические модели перевода, включая трансформационные, такие изменения не охватывают (там же). Система межъязыковых эквивалентностных отношений имеет потенциальный характер, а ее актуализация в процессе перевода (выбор функционально эквивалентных единиц ПЯ при создании коммуникативно эквивалентных единиц речи на ПЯ) только частично определяется факторами, заложенными в структуре данных двух языков. По мнению О. Каде, она в значительной степени обусловлена неязыковыми факторами, порождаемыми в результате установки речепроизводства на коммуникативную ситуацию и, следовательно, представляет собой весьма сложный ансамбль языковых и неязыковых условий, которым должен удовлетворить любой текст, чтобы он функционировал как коммуникат, т.е. как средство передачи информации.

Таким образом, подытоживает свои рассуждения автор, любой частный вопрос трансформации ИТ в ПТ должен решаться на основе понимания перевода как особого рецептивно-продуктивного вида речевой деятельности с учетом экстралингвистической коммуникативной направленности (там же, с.6).

Как видно, уже в рамках самой лингвистической модели перевода постепенно складывалось понимание необходимости привлечения факторов, не связанных исключительно с внутренней системой языка.

С этой точки зрения наиболее эффективными для решения проблемы реалии стали концепции, ориентированные на роль этнокультурного фактора в переводе, который и обуславливает различного рода преобразования.

Такой подход реализуется, например, в трудах известных отечественных германистов Л.К. Латышева и А.Л. Семенова, определяющих перевод как вид языкового посредничества, способного обеспечить двуязычную коммуникацию, в максимальной мере приближенную к одноязычной (Латышев, Семенов 2003).

Ученые считают, что понятие переводческой эквивалентности (которое является комплексным, динамическим) задает переводчику одновременно

два вектора поведения: 1) необходимость воспроизвести в новом языковом облике существенные семантико-структурные особенности ИТ и 2) адаптировать создаваемый текст под иное лингвоэтническое восприятие (там же, с.24). При этом первая задача оказывается более простой, чем вторая: денотативное содержание вытекает из единства реального мира. Сигнификативное содержание, под которым авторы понимают коннотации, отражающие культурно-исторические традиции говорящего коллектива, также имеет универсальную основу, а ее национальная составляющая может быть передана имплицитно или при помощи адекватных замен. Гораздо сложнее вторая задача; этнокультурный барьер в наибольшей степени сказывается на двуязычной коммуникации, в связи с различным отношением носителей исходного языка (ИЯ) и языка перевода (ПЯ) к одним и тем же явлениям.

По логике авторов, детерминантом переводческих действий выступает лингвоэтнический барьер. Он складывается из ряда разнородных факторов (расхождение языковых систем ИЯ и ПЯ, языковой нормы и узуса, преинформационных запасов носителей ИЯ и ПЯ), специфика и удельный вес которых определяют цель переводческих действий, их иерархию, степень их обязательности и в конечном итоге сам продукт переводческой деятельности. И хотя текст перевода должен быть «транспонирован в культуру получателя», он одновременно в своем переводном варианте обязан сохранять инокультурный колорит. Именно поэтому немецкое *LPG* не переводится русским *колхоз* (там же, с.11).

Однако поскольку не совсем ясно, каким критериям отвечает степень сохранения национального колорита, авторы предлагают воспользоваться предложенным О. Каде понятием «адаптивных сдвигов». Оно может оказаться полезным при передаче безэквивалентных слов, называющих «незнакомые элементы чужой национальной культуры». «Адаптивные сдвиги» или «адаптивные переложения» - вольный перевод или пересказ – призваны выполнять вполне конкретную задачу, тем более, что этнокультурная непереводаемость имеет исторически обусловленный характер и по мере сближения национальных культур сфера непереводаемости все более сужается.

Завершая обзор теории реалии с позиций лингвистического переводоведения, нельзя обойти вниманием работы выдающегося отечественного романиста В.Г. Гака. Хотя среди его трудов нет монографий по теории перевода, его вклад в развитие лингвистического переводоведения весьма значителен (Комиссаров 2002, 58).

Проблемы реалии подробно анализируются ученым в аспекте сопоставительной лингвистики и лингводидактики (Гак 1998). Рассматривая реалию как случай проявления асимметрии в сфере культурем, В.Г.Гак выделяет на материале французского и русского языков 6 типов расхождений в выделении и наименовании реалий (Гак 1998, с.139- 151).

Для решения проблемы передачи реалий при переводе принципиальное значение имеют детально обоснованные ученым теоретические положения о видах языковых преобразований, факторах и сферах их реализации. Так, из пяти типов логических отношений, лежащих в основе семантических преобразований, релевантными для перевода реалий оказывается отношение подчинения, проявляющееся в замене гиперонима гипонимом (конкретизация) или гипонима гиперонимом (генерализация). Специализация значения (идеографическая, стилистическая, экспрессивная) отражает не только лексические различия в двух языках, но и особенности построения высказывания. Для русско-французских переводов важную роль играет кореференция: при повторном обозначении французский язык предпочитает более общее слово, в то время как русский – более конкретное.

Подводя итоги анализа, отметим, что проблема передачи реалии при переводе решается в лингвистическом переводоведении на основе системы регулярных переводческих трансформаций. Однако, особая природа реалий как «наиболее ярких носителей колорита», как «слов, тесно связанных с бытом и мировоззрением создающего их народа», как ЛЕ, не имеющих словарных соответствий, смещает исследование из плоскости узуальных межъязыковых преобразований в плоскость контекстуальных (речевых) замен.

Подобный подход предполагает обращение к категориям лингвистики, стилистики и прагматики текста и приводит исследователей к выводу о том, что «в основе перевода как вида межъязыковой и межкультурной коммуникации лежит *не столько нахождение соответствий отдельным языковым единицам, сколько продуцирование текста* (выделено нами – Н.Ф.), адекватно заменяющего текст оригинала в другой культуре, другом языке и другой коммуникативной ситуации» (Швейцер 1988, с.3).

Перевод как рецептивно-продуктивная речевая деятельность предполагает решение вопросов о «непереводимых» фактах, к которым относится реалия, не на уровне отдельного слова, а на уровне текста (на основе принципа подчинения элементов целому), с сохранением важнейших параметров оригинального текста, в том числе его национальной окраски.

Литература

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод.– М.: Междунар. отношения, 1975.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе.- Изд. 3-е, испр. и доп.- М.: «Р.Валент», 2006.
3. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М. : Языки рус. культуры, 1998.
4. Гарбовский Н.К. Теория перевода. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.
5. Егер Г. Коммуникативная и функциональная эквивалентность // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 137-156.
6. Каде О. Проблемы перевода в свете теории коммуникации // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 69-90.

7. Комиссаров В.Н. Лингвистическое переводоведение в России. – М.: ЭТС, 2002.
8. Кэтфорд Д.К. Лингвистическая теория перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978.
9. Латышев Л.К., Семенов А.Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания. – М.: Академия, 2003.
10. Миньяр-Белоручев Р.К. Как стать переводчиком – М.: Готика, 1999.
11. Мунэн Ж. Теоретические проблемы перевода: Перевод как языковой // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – с. 36-41.
12. Найда Ю.А. К науке переводить: принципы соответствий // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 114-136.
13. Нойберт А. Прагматические аспекты перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 185-201.
14. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика.- М.: Международные отношения, 1974.
15. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). – 5-е изд. – М.: ООО «Издательский Дом «Филология три», 2002.
16. Фененко Н.А. Лингвистический статус термина реалия // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2007, № 2 (ч.1). – С.5-9.
17. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика: (газетно-информационный и военно-публицистический перевод)– М.: Воениздат, 1973.
18. Швейцер А.Д. Предисловие // Текст и перевод. – М., 1988. – С. 3- 5.
19. Lederer M. La traduction aujourd'hui. Le modele interpretatif.- Paris: Hachette, 1994.
20. Nida E.A. Allocution inaugurale: language and culture, two interrelated symbolic systems // Identité, alterité, équivalence?: La traduction comme relation.- Paris, 2002.- P. 7-17.
21. Seleskovitch D., Lederer M. Pédagogie raisonnée de l'interprétation. - 2-e édition corrigée et augmentée. – Paris: Didier Erudition. Office des publications officielles des communautés européennes. - 2002.

Раздел 2.

Сопоставительные исследования в области лексики

Н.М.Шишкина

Глаголы, обозначающие обмен мнениями в русском и английском языках

Данная статья посвящена сопоставительному исследованию входящих в состав ЛСГ глаголов речевой деятельности русского и английского языков глагольных лексем, обозначающих обмен мнениями.

В русском языке к рассматриваемым глаголам относятся 19 лексических единиц: *беседовать/побеседовать, дебатировать, дискутировать (дискуссировать), диспутировать, калякать, обсуждать/обсудить, обговаривать/обговорить, оценивать/оценить, полемизировать, предлагать/предложить, препираться, пререкаться, разговаривать, рассматривать/рассмотреть, рассуждать/рассудить, совещаться, спорить/поспорить, толковать, торговаться.*

подавляющее большинство (12 из 19) вышеперечисленных глаголов составляют однозначные лексемы: *беседовать, дебатировать, дискутировать, диспутировать, калякать, обговаривать, обсуждать, полемизировать, препираться, пререкаться, разговаривать, совещаться.*

Среди семи многозначных лексем данной подгруппы только три имеют сему речи в семеме Д1.² Это глаголы *предлагать, спорить* и *торговаться*. Глаголы *оценивать, рассуждать, рассматривать* и *толковать* в своем основном значении не содержат семы речи и включены в эту подгруппу по коннотативному значению.

Приведем примеры семантем глаголов *рассуждать, спорить* и *торговаться*.

У глагола *рассуждать* отмечено две семемы. Это семема Д1 «мыслить, строить умозаключение» (...*Интересно ты рассуждаешь! Хорошая гончая сошла бы с гона, да и не погнала бы оленя, если не приучена...*/Г.Семенов/) и речевая семема³ К1 «последовательно излагать свои суждения о чем-нибудь, обсуждать что-нибудь, вести беседу» (- *А ведь я его пальцем не тронул, вот что значит техника культурного боя, - рассуждал Арсенов. - Правда, - добавил он с обычной добросовестностью, - кузнец был маленько поддавши* /Ю.Нагибин/).

Семантема лексемы *спорить* включает три денотативные семемы, из них только семема Д1 «вести спор, возражать, доказывая что-н.» является речевой (*Долго спорили старик со старухой: как печку на зиму разделить* /Г.Троепольский/). Не имеют сем речевой деятельности семемы Д2 «вести спор – взаимное притязание на владение чем-нибудь, разрешаемое судом» (*спорить о наследстве*); «держат пари» (*Вот так-то и два охотника поспорили: кто искупается в ледяной воде в ноябре месяце и кто после этого не простудится* /Г.Троепольский/).

Семантема глагола *торговаться* состоит из двух речевых семем: семемы Д1 «собираясь купить что-нибудь, сговариваться о цене и настаивать на уступке (разг.)» (*Купил не торгуясь*) и семемы Д2 «спорить, стремясь выгадать что-нибудь» (*Не торгуйся, сегодня твоя очередь мыть посуду*).

² Терминология М.М. Копыленко и З.Д. Поповой (Копыленко, Попова 1989, с. 31-32)

³ Под *речевой семемой* понимается значение многозначного слова, содержащее сему речи, под *неречевой* – значение многозначного слова, не содержащее сему речи, Под *семей речи* понимается компонент семемы, отражающий акт произнесения.

Завершая описание русских глаголов, обозначающих обмен мнениями, отметим, что общее количество семем, развиваемых 19 лексемами, равняется 31, из них 22 являются речевыми. Таким образом, индекс принадлежности подгруппы рассматриваемых глаголов к ЛСГ глаголов речевой деятельности (отношение общего количества речевых семем, развиваемых лексемами данной подгруппы, к общему количеству семем этой подгруппы) составляет 70,97%, а индекс полисемантической (отношение общего количества семем, развиваемых лексемами данной подгруппы, к общему количеству лексем этой подгруппы) равен 1,63.

В английском языке подгруппа глаголов, обозначающих обмен мнениями, немногочисленна и объединяет всего шесть лексических единиц: *comment, confer, debate, discuss, dispute, talk*.

Заметим, что лексема *talk* включена в данную подгруппу по речевой коннотативной семеме К1, а по своей денотативной семеме Д1, которая также содержит сему речи, эта лексема входит в подгруппу глаголов, выражающих сообщение в утвердительной форме.

Однозначными глаголами в подгруппе являются лексемы *comment* и *discuss*. При этом отметим, что лексема *comment* «комментировать, высказывать мнение, обсуждать / комментарий, отзыв» демонстрирует лексико-грамматическую вариантность (многозначность слова на уровне лексико-грамматических классов слов, предполагающую лексико-грамматическую производность при идентичности лексического значения)⁴ на уровне глагола и существительного (*They commented on new guest who had just arrived, trying to guess his nationality /A.Christie/. – Они обсуждали нового, только что прибывшего гостя, пытаясь угадать его национальность. Harold's comment was merely: "The night porter doesn't get much, does he?" /A.Christie/ – Комментируем Гарольда было всего лишь: "Ночной привратник немного получает, не так ли?"*).

В качестве примера многозначных лексем приведем семантему лексемы *debate*. Данная лексема имеет две семемы: одну глагольную и одну семему, выступающую в глагольном и субстантивном лексико-грамматических вариантах. Лексико-грамматическую вариантность проявляет речевая денотативная семема Д1 «обсуждать, дискутировать / дискуссия, дебаты, обсуждение» (*They debated for over an hour on the merits of the different systems – Они обсуждали больше часа достоинства и недостатки различных систем; How to solve this problem is a matter for debate – Как решить эту проблему – это вопрос для обсуждения*). Глагольной является неречевая коннотативная семема К1 «обдумывать, размышлять» (*Emma's voice continued. "As he debated, his hand was already curling round the gun in his pocket..." /A.Murdoch/ – Голос Эммы продолжал: "Пока он раздумывал, рука его уже сжимала в кармане револьвер..."*).

В итоге следует отметить, что шесть лексем рассматриваемой подгруппы в английском языке в общей сложности имеют 21 семему, 18

⁴ Терминология М.А. Стерниной (Стернина 1999).

из которых – речевые; отсюда индекс принадлежности данной подгруппы к ЛСГ глаголов речевой деятельности составляет 85,71%, а индекс полисемантичности равен 3,5.

Таким образом, рассмотрение подгрупп глаголов, обозначающих обмен мнениями в русском и английском языках, показало, что они в сравниваемых языках имеют больше различий, чем сходств. Так, несмотря на совсем небольшой численный состав единиц, входящих в рассматриваемую подгруппу в английском языке (всего 4 многозначные и 2 однозначные единицы), ее индекс полисемантичности равен 3,5. В русском же языке, как уже было отмечено выше, в данную подгруппу входит 19 единиц, 12 из которых являются однозначными, а индекс полисемантичности этой подгруппы равен 1,63. Данный факт можно объяснить тем, что английские глагольные лексемы, обозначающие обмен мнениями, в отличие от русских глагольных лексем, представляющих такую же подгруппу, характеризуются большей степенью развитости полисемии, причем как лексической, так и лексико-грамматической.

Следует также отметить и разницу между индексами принадлежности анализируемых подгрупп к ЛСГ глаголов речевой деятельности. Так, из 21 семемы, развиваемых шестью английскими лексемами рассматриваемой подгруппы, 18 являются речевыми, соответственно, индекс принадлежности данной подгруппы к ЛСГ глаголов речевой деятельности составляет достаточно высокий процент, а именно – 85,71%. В русской подгруппе, общее количество семем, развиваемых ее 19 лексемами, равняется 31, из них только 22 имеют семы речи, отсюда индекс принадлежности подгруппы рассматриваемых глаголов к ЛСГ глаголов речевой деятельности существенно ниже и составляет 70,97%.

Литература

1. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии – Воронеж, 1989.
2. Стернина М.А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 1999.

С.В. Колтакова

Национальная специфика семантики тематической группы «Отдых» в русском и английском языках

Для выявления национальной специфики семантики тематической группы «Отдых» в русском и английском языках релевантными оказались следующие параметры:

- количество лексических единиц в группе (номинативная плотность – термин В.И. Карасика (Карасик 2004, с.111));
- степень сходства структурной организации групп: количество и состав подгрупп, минигрупп, микрогрупп, микроподгрупп, микромикрогрупп и микромикроподгрупп в структуре группы;

- соотношение однозначных и многозначных лексем в составе группы;
- уровень первичной денотативной отнесенности к группе – описывается индексом, определяющим отношение количества лексем, входящих в структурную единицу по семеме Д1 (терминология М.М. Копыленко и З.Д. Поповой (Копыленко, Попова 1989, с.31-32)) к общему количеству лексем данной структурной единицы;
- уровень вторичной денотативной отнесенности к группе – описывается индексом, определяющим отношение количества лексем, входящих в структурную единицу по семеме Д2 к общему количеству лексем данной структурной единицы;
- уровень первичной и вторичной денотативной отнесенности к группе – описывается индексом, определяющим отношение количества лексем, входящих в структурную единицу одновременно по семемам Д1 и Д2 к общему количеству лексем данной структурной единицы;
- уровень полисемантической структурных единиц группы – описывается индексом, определяющим отношение общего количества семем, развиваемых лексемами данной структурной единицы, к общему количеству ее лексем (термин Н.М. Шишкиной (4, 34));
- степень принадлежности структурной единицы к тематической группе – описывается индексом, определяющим отношение общего количества развиваемых лексемами данной структурной единицы семем с семой тематической группы к общему количеству семем данной структурной единицы (термин Н.М. Шишкиной (Шишкина 2004, с. 34));
- уровень структурно-семантической связности группы – описывается индексом, определяющим отношение количества лексем, входящих разными семемами в разные структурные единицы группы, к общему количеству лексем данной структурной единицы (термин Н.И. Черновой (Чернова 2006, с. 38));
- уровень лексико-семантической замкнутости структурной единицы группы – описывается индексом, определяющим отношение лексем, все семемы которых не выходят за рамки данной структурной единицы, к общему количеству лексем данной структурной единицы (термин И.Ю. Востриковой (Вострикова 2006, с.38));
- степень яркости подгруппы внутри тематической группы – описывается индексом, определяющим отношение количества единиц, входящих в структурную единицу группы, к общему количеству лексем группы (термин Н.И. Черновой (Чернова 2006, с. 38));

Проведенное исследование показало, что исследуемые тематические группы демонстрируют как много общего, так и национально-специфические различия.

Анализируемые тематические группы как в русском, так и в английском языках представляют собой обширные по объёму, сложные и разнообразные по составу и семантике группы. Однако номинативная плотность тематических групп в русском и английском языках существенно различается. Так, в русском языке группа «Отдых»

представлена 361 лексической единицей, а в английском языке данная группа насчитывает почти в 1,5 раза больше лексем – 512.

Сопоставительный анализ рассматриваемых групп выявил высокую степень сходства их структурной организации. Так, и в русском, и в английском языках тематические группы подразделяются на пять одноименных подгрупп: «Наименования видов отдыха», «Наименования периодов отдыха», «Наименования лиц, вовлеченных в процесс отдыха», «Наименования мест отдыха» и «Наименования атрибутов отдыха». Выделенные подгруппы в обоих языках подлежат дальнейшему делению на мини группы, микро группы и микропод группы. Количество этих структурных единиц в основном совпадает, но имеются и национально-специфические различия. Так, количество мини групп в обоих языках одинаково – 26, но в английском языке выделяются 28 микро групп и 3 микропод группы, а в русском – только 22 микро группы и 2 микропод группы. Разница в шесть микро групп возникает вследствие того, что три мини группы в английском языке делятся на две микро группы каждая, а соответствующие мини группы в русском языке такого деления не имеют. Например, в английском языке мини группа «Наименования отдыха для удовлетворения физиологических потребностей» делится на «Общие наименования сна» (*doss* – «сон»; *shut-eye* – «сон») и «Наименования непродолжительного сна» (*cat-nap* – «короткий сон в кресле»; *cat-sleep* – «сон урывками»). В мини группе «Наименования прогулок» выделяются следующие микро группы: «Общие наименования прогулок» (*sally* – «прогулка»; *saunter* – «прогулка, гулянье») и «Наименования отдельных видов прогулок» (*boardwalk* – «променад на пляже», *row* – «прогулка на лодке»). Мини группа «Наименования активного отдыха на природе» состоит из двух микро групп: «Общие наименования активного отдыха на природе» (*hunt* – «охота, ловля»; *fishing* – «рыбная ловля») и «Наименования отдельных видов активного отдыха на природе» (*coursing* – «охота на зайца с гончими “по зрячему”», *jack-hunting* – «ночная охота с факелами»).

Отметим также, что в английском языке в составе мини группы «Наименования отдыха на массовых мероприятиях» выделяется отсутствующая в русском языке микропод группа «Наименования официальных мероприятий, сопровождаемых приемом пищи и/или спиртного» (*dinner-party* – «званный обед»; *soiree* – «званный вечер, суаре»).

Следует отметить преобладание однозначных лексем над многозначными в тематической группе русского языка (224 однозначные лексемы из 361). В то же время в английской группе преобладают многозначные лексемы (279 многозначных лексем из 512). Следовательно, процентное соотношение однозначных лексем к общему числу лексем группы в русском языке выше, чем в английском (62,05% и 45,51% соответственно).

Проведенное исследование показало, что абсолютное большинство лексем входят в структурные единицы группы по денотативным семемам.

В русском языке из 361 лексемы 279 входят в рассматриваемую группу по семеме Д1, в английском – 344 из общего количества 512. Следовательно, индекс первичной денотативной отнесенности в русском языке несколько больше, чем в английском – 77,29% и 67,19% соответственно.

Лексем, входящих в рассматриваемую группу по семеме Д2, в обоих языках значительно меньше. Так, в английском языке насчитывается 97 таких лексем, в русском – 56. Таким образом, индекс вторичной денотативной отнесенности к группе в английском языке (18,95%), превышает этот индекс в русском языке (15,51%).

Как в русском, так и английском языках значительное количество лексем входят в структурные единицы исследуемых тематических групп несколькими семемами. В русском языке 26 лексем входят в группу по семемам Д1 и Д2, в английском языке – 71. Следовательно, индекс первичной и вторичной отнесенности к группе в английском языке (13,87%) больше, чем в русском (7,2%).

Следует отметить невысокую степень полисемантической лексем в обеих тематических группах. Так, в русском языке индекс полисемантической равен 1,6, что объясняется преобладанием однозначных лексем. Индекс полисемантической группы «Отдых» в английском языке несколько выше и равен 2,3, что является результатом наличия в этой группе большего по сравнению с русским количества многозначных лексем (137 полисемантических лексем в русском языке и 279 – в английском).

Сравнивая индексы полисемантической, отметим, что самый высокий индекс в русском и английском языках демонстрирует подгруппа «Наименования периодов отдыха» (1,87 и 2,74 соответственно). Самый низкий индекс полисемантической в русском языке имеет подгруппа «Наименования лиц, вовлеченных в процесс отдыха» (1,13), в английском языке – подгруппа «Наименования атрибутов отдыха» (2,21).

Проведенный анализ выявил, что средний индекс принадлежности выделенных структурных единиц к тематической группе «Отдых» в русском языке (69,56%) значительно превышает средний индекс принадлежности к группе в английском языке (49,43%). Наибольшие индексы принадлежности к группе в русском и английском языках демонстрирует подгруппа «Наименования лиц, вовлеченных в процесс отдыха» (94,12% и 54,55% соответственно). Наименьшие индексы принадлежности структурной единицы к группе в обоих языках отмечаются у подгруппы «Наименования периодов отдыха» (55,8% и 43% соответственно).

Исследование показало, что одни и те же лексемы разными семемами могут одновременно входить как в одну и ту же структурную единицу, так и в другие структурные единицы описываемых тематических групп. В русском языке насчитывается 16 лексем, входящих разными семемами в разные структурные единицы группы, в английском несколько больше – 28. Таким образом, индекс структурно-семантической связности группы в

английском языке (5,47%) несколько превышает аналогичный индекс в русском языке (4,43%). В целом индекс структурно-семантической связности единиц группы колеблется в русском языке от 14,3% до 1,6%, а в английском языке – от 15,38% до 5,9%. В русском языке самый высокий индекс структурно-семантической связности (14,3%) демонстрирует подгруппа «Наименования атрибутов отдыха». В английской группе наибольший индекс структурно-семантической связности отмечается в подгруппе «Наименования периодов отдыха» (15,38%). Подгруппой с наименьшим индексом структурно-семантической связности в обоих языках является подгруппа «Наименования мест отдыха». В русском языке ее индекс структурно-семантической связности равен 1,6 %, в английском – 5,9%.

Отметим также, что во всех структурных единицах анализируемых групп имеются лексемы, все семемы которых не выходят за рамки данных структурных единиц. Из-за преобладания однозначных лексем средний индекс лексико-семантической замкнутости структурной единицы тематической группы в русском языке (63%) превышает подобный средний индекс в английском языке (42,8%). Наибольший индекс лексико-семантической замкнутости в русском языке зафиксирован в подгруппе «Наименования лиц, вовлеченных в процесс отдыха» (86,7%). В английском языке наибольший индекс лексико-семантической замкнутости демонстрирует подгруппа «Наименования атрибутов отдыха» (55,67%). Наименьший индекс лексико-семантической замкнутости в русском и английском языках продемонстрировала подгруппа «Наименования периодов отдыха» (43,48% и 30,8% соответственно).

Наибольшую степень яркости внутри рассматриваемых групп в обоих языках демонстрирует подгруппа с наибольшей номинативной плотностью – «Наименования видов отдыха», при этом индексы яркости этой группы в русском и английском языках отличаются незначительно (34,9% и 37,7% соответственно).

Национальная специфика рассматриваемых групп выявлена нами в рамках всех отмеченных 11 параметров, при этом наиболее отчетливо она проявляется в следующих восьми:

- номинативная плотность (361 лексических единиц в русском языке и 512 – в английском);
- соотношение однозначных и многозначных лексем (62,05% однозначных лексем в русском языке и 45,51% – в английском);
- индекс первичной денотативной отнесенности к группе (77,29% в русском языке, 67,19% - в английском);
- индекс вторичной денотативной отнесенности к группе (15,51% в русском языке, 18,95% - в английском);
- индекс первичной и вторичной денотативной отнесенности к группе (7,2% в русском языке, 13,87% - в английском);
- индекс полисемантической группы (1,6 в русском языке, 2,3 - в английском);

– индекс принадлежности к группе (69,56% в русском языке и 49,43% – в английском);

– индекс лексико-семантической замкнутости группы (63% в русском языке и 42,8% – в английском);

По остальным параметрам, таким, как степень сходства структурной организации группы; степень яркости структурных единиц внутри группы; уровень структурно-семантической связности группы национальная специфика рассмотренных тематических групп представлена менее наглядно.

Литература

1. Вострикова И.Ю. Национальная специфика лексико-семантического поля «Трудовая деятельность» в русском и английском языках (на материале глагольной лексики): дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2006.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: ГНОЗИС, 2004.
3. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989.
4. Чернова Н.И. Национальная специфика тематической группы лексики: На материале наименований зданий и помещений в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2006.
5. Шишкина Н.М. Национальная специфика полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках: дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2004.

И.Ю. Вострикова

Национальная специфика семантической близости единиц лексико-семантических полей «Трудовая деятельность» в русском и английском языках

Предметом данного исследования является анализ национальной специфики семантической близости глагольных единиц лексико-семантических полей (ЛСП) «Трудовая деятельность» в русском и английском языках. Национальная специфика семантической близости единиц исследуемого поля выявляется при помощи такого формализованного параметра, как индекс семантической близости единиц поля. Под индексом семантической близости единиц поля мы вслед за Н.И. Черновой (Чернова 2006) понимаем отношение количества лексических единиц, образующих синонимические пары и/или ряды, к общему количеству лексем данного поля.

Как показало исследование, в ЛСП «Трудовая деятельность» в русском языке, насчитывающем 816 глагольных единиц, достаточно широко развита синонимия. В общей сложности 80 единиц рассматриваемого поля вступают в синонимические отношения, образуя пары и ряды синонимов. Таким образом, индекс семантической близости единиц поля равен 9,8%.

При этом следует отметить, что большинство синонимичных единиц поля образуют пары. Всего в данном поле нами выявлено 35 пар синонимов. Например, **работать – трудиться, впахивать – втискивать, выращивать – выхаживать, приниматься – приступать, возводить – воздвигать, арестовывать – задерживать, зазубривать – заучивать, способствовать – содействовать** и др.

Следует отметить, что в синонимичные отношения внутри рассматриваемого поля вступают не только семемы Д1⁵, но и семемы Д2 и К1. Так, в паре синонимов **снимать – убирать**, входящих в микрогруппу «Сельскохозяйственный труд», синонимичное значение «убирать урожай» представлено семемами К1 и Д2 соответственно (**снять хлеб с полей – убрать зерновые**).

Множественные случаи синонимии выявлены в структурных единицах поля, содержащих общие наименования того или иного вида трудовой деятельности. Например: **врачевать – лечить** (микроподгруппа «Общие наименования медицинской трудовой деятельности»), **продавать – торговать** (микроподгруппа «Общие наименования трудовой деятельности, связанной с торговлей»), **думать – мыслить** (микрогруппа «Общие наименования умственной трудовой деятельности»), **выращивать – выхаживать** (микроподгруппа «Общие наименования трудовой деятельности, связанной с воспитанием ребенка») и др.

Отметим, что в рассматриваемом поле, помимо 35 пар синонимов, нами также выявлено три ряда синонимов – два трехсоставных и один четырехсоставный:

- **строить – сооружать – городить** с общей семемой «построить» (**строить** мост, ... нами **сооружены** двадцать две батареи. /Б. Акунин/, Они долго **городили** забор, но к вечеру устали и пошли в дом. /Г. Семенов/);
- **заведовать – руководить – управлять** с общим значением «направлять деятельность, руководить» (**заведовать** кафедрой, **руководить** учреждением, **управлять** заводом);
- **ремонттировать – чинить – латать – реставрировать** с общей семемой «поправлять, ремонтировать, починять» (...В лодке поврежден корпус и согнуты перископы. Скоро ее поставят в док и начнут **ремонттировать**. /Г. Федосеев/, **чинить** кадку, **латать** крышу, **реставрировать** пол).

Как показал анализ, пары и ряды синонимов встречаются во многих структурных единицах поля. Больше всего синонимов выявлено в микрогруппе «Трудовая деятельность, связанная со строительно-ремонтными работами» – шесть пар и два ряда.

По три пары синонимов встречаются в микрогруппах «Сельскохозяйственный труд», «Учебная трудовая деятельность» и «Традиционно домашняя трудовая деятельность». В общей сложности

⁵ Терминология М.М. Копыленко и З.Д. Поповой (Копыленко, Попова 1989, с. 31-32)

синонимические пары и ряды отмечены в составе 17 структурных единиц рассматриваемого поля.

Анализ семантики глагольных единиц ЛСП «Трудовая деятельность» в английском языке показал, что в рассматриваемом поле достаточно широко развиты синонимичные отношения. Нужно отметить, что данное поле насчитывает 1337 лексем и 425 из них вступают в синонимические отношения, образуя пары и ряды синонимов. Таким образом, индекс семантической близости единиц поля равен 31,79%.

Всего в данном поле нами выявлено 67 синонимичных рядов, включающих 257 глагольных лексем, и 84 синонимичные пары, представленные 168 лексемами.

В качестве примера, приведем некоторые пары синонимичных единиц, входящих в анализируемое поле: *act – perform* «работать, действовать», *scribe – write* «писать», *dig – lift* «копать картофель», *examine – explore* «осматривать, обследовать пациента», *nail – peg* «прибивать гвоздями», *sew – stitch* «брошюровать», *instrument – orchestrate* «инструментировать, оркестрировать», *blanch – bleach* «отбеливать» и др.

Интересно отметить, что в синонимичные отношения внутри данного поля вступают в основном семемы Д1. Из 84 пар синонимов, 50 пар глаголов синонимичны по семеме Д1. В качестве примера приведем синонимичную пару *mop – swab*. Эти глагольные лексемы синонимичны по семеме Д1 «мыть шваброй» (*I was mopping the floors when I saw it. /R.L. Stine/ - Я увидела это, когда мыла пол.*) – (*Swab the floor with a wet cloth. – Вымой пол мокрой тряпкой.*).

В синонимичные отношения внутри рассматриваемого поля лексемы также вступают по семемам Д2 и К1. Так, в паре синонимов *build – produce*, входящих в минигруппу «Трудовая деятельность, направленная на созидание», синонимичное значение «создавать» представлено семемами К1 и Д2 соответственно (*They began to build an independent organization. – (Они приступили к созданию/начали создавать независимую организацию) – These artists produce works of great beauty. /D. Allison/ – Эти художники создают очень красивые вещи/работы.*).

Отметим, что, в отличие от русского языка, в английском языке большее число синонимичных пар выявлено нами не в структурных единицах поля, которые содержат общие наименования трудовой деятельности, а в структурных единицах, описывающих специальные характеристики того или иного вида трудовой деятельности. Так, в микрогруппе «Трудовая деятельность, связанная со строительно-ремонтными работами» пара синонимов *dam – dike* «перегораживать плотиной» входит в микроподгруппу «Собственно строительные работы», пара синонимов *file – saw* «пилить» – в микроподгруппу «Плотницкие и столярные работы», синонимы *pale – palisade* «огораживать, обносить частоколом» – в микроподгруппу «Работы по строительству изгородей и заборов различных видов» и т.д.

Как отмечалось выше, в рассматриваемом поле выявлено также 67 рядов синонимов, в том числе:

- 35 трехсоставных рядов (например: *realign – reconstruct – remodel* с общим значением «перестраивать, реконструировать»);
- 18 четырехсоставных рядов (например: *floor – quit – sist – shut* с общей семемой «закончить работу»);
- 9 пятисоставных рядов (например: *amend – cure – doctor – medicine – treat* с общим значением «лечить, вылечивать»);
- 2 шестисоставных ряда (например: *compost – dung – manure – muck – soil – stercorate* с общим значением «удобрять, унавоживать землю»);
- 2 семисоставных ряда (например: *dig – grind – memorize – mug – muzz – sap – swot* с общей семемой «зубрить, заучивать»);
- 1 девятисоставный ряд (*administer – business-manage – direct – govern – guide – helm – manage – rule – superintend* с общей семемой «управлять, заведовать»).

Как показал анализ, пары и ряды синонимов встречаются во всех структурных единицах английского поля. Больше всего синонимов было выявлено в микрогруппе «Сельскохозяйственный труд» – 5 пар и 11 рядов. Весьма многочисленными по числу синонимов являются также структурные единицы «Трудовая деятельность, связанная со строительно-ремонтными работами» и «Традиционно домашняя трудовая деятельность» (по 8 пар и 5 рядов), «Трудовая деятельность, связанная с тяжелым физическим трудом» (6 пар и 4 ряда), «Механизированный труд и техническая трудовая деятельность» (6 пар и 3 ряда), «Трудовая деятельность, связанная с письмом, черчением и изобразительным искусством» (10 пар).

Анализ представленного материала показывает, что при сравнении ЛСП «Трудовая деятельность» в русском и английском языках национальная специфика в рамках такого формализованного параметра, как индекс семантической близости единиц поля выявляется достаточно ярко – уровень семантической близости единиц поля в русском языке (9,8%) в 3 раза меньше, чем в английском (31,79%). Наличие большего количества синонимических единиц в пределах исследуемого поля в английском языке по сравнению с русским отражает специфику английской действительности и может быть объяснено особенностями языкового сознания англичан.

Литература

1. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989.
2. Чернова Н.И. Национальная специфика тематической группы лексики: На материале наименований зданий и помещений в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2006.

Сопоставительный анализ наименований характеристик зданий и помещений по форме и конструкции в русском и английском языках

В рамках тематической группы наименований зданий и помещений в русском и английском языках нами была исследована минигруппа наименований, характеризующих здания и помещения по форме и конструкции.

Данная минигруппа в русском языке представлена тремя лексемами: *базилика* – античный и особенно средневековый тип постройки в виде удлиненного прямоугольника с двумя продольными рядами колонн; *галерея* – длинное и узкое помещение, строение; *ротонда* – круглая постройка (здание, навильон, зал). Все три лексемы входят в данную минигруппу по семеме Д1⁶.

Из входящих в рассматриваемую минигруппу лексем одна (лексема *базилика*) является однозначной. Лексема *ротонда* имеет два значения, причем семема Д2 «верхняя женская теплая одежда» данной лексемы выходит за рамки изучаемой группы лексики и принадлежит к другой тематической группе.

Лексема *галерея* демонстрирует достаточно развернутую полисемию. В семантеме данной лексемы имеются две семемы с семами изучаемой тематической группы. Это семема Д1 – «длинное и узкое помещение» (*стеклянная галерея*) и семема Д2 – «специальное помещение, в котором размещены для обозрения предметы искусства» (*картинная галерея*). Остальные развиваемые данной лексемой семемы – семема Д2 «длинный подземный ход, служащий для производственных целей» и семема К1 «последовательный ряд, вереница (образов и т.п.)» содержат семы других тематических групп.

Анализируемая минигруппа в английском языке представлена следующими 12 лексемами: *A-frame* – здание в форме треугольника; *basilica* – базилика; *bi-level* – здание, состоящее из полуподвала и одного этажа; *camera* – сводчатое помещение; *chalet* – дом с покатой крышей; *cloister* – крытая аркада; *frame-house* – каркасный дом; *pyramid* – здание в форме пирамиды; *quadrangle* – четырехугольное здание; *rotunda* – ротонда; *storefront* – здание, фасадную часть которого занимает магазин; *fire-trap* – здание, из которого трудно выбраться во время пожара.

В данной минигруппе можно выделить следующие микрогруппы:

- наименование зданий, характеризующихся по форме (*A-frame, basilica, pyramid, quadrangle, rotunda*);

⁶ Терминология М.М. Копыленко и З.Д. Поповой (Копыленко, Попова 1989, с. 31-32)

■ наименования зданий, характеризующихся по конструкции (*bi-level, camera, chalet, cloister, fire-trap, frame-house, storefront*).

Все лексемы, кроме лексем *camera* и *quadrangle*, входят в данную минигруппу по семеме Д1. Перечисленные лексемы входят в нее по семеме Д2. Четыре лексемы рассматриваемой минигруппы (*camera, chalet, pyramid, quadrangle*) развивают полисемию, остальные являются однозначными.

В качестве примера полисемантичных лексем рассмотрим семантему лексемы *camera*. Из трех семем данной лексемы две содержат сему изучаемой тематической группы. Это семема Д2 «сводчатое помещение», и семема Д2 «кабинет судьи». Семема же Д1 данной лексемы «фотографический аппарат» содержит сему другой тематической группы.

Для характеристики национальной специфики семантики рассматриваемых минигрупп нами были использованы два формализованных параметра, представленных в виде индексов:

Индекс полисемантичности – отношение общего количества семем, развиваемых лексемами данной подгруппы/группы, к общему количеству лексем этой подгруппы/группы⁷.

*Индекс принадлежности к исследуемой ЛСГ*⁸ – отношение общего количества семем с семой данной лексической группировки, развиваемых лексемами данной подгруппы/группы, к общему количеству семем этой подгруппы/группы.

Три лексемы рассматриваемой минигруппы в русском языке развивают в своих семантемах восемь семем. Таким образом, индекс полисемантичности в данной минигруппе равен 2,66. При этом только четыре из восьми семем содержат семы рассматриваемой группы. Следовательно, индекс принадлежности минигруппы к исследуемой группе лексики равен 50%.

Двенадцать лексем рассматриваемой минигруппы в английском языке развивают в своих семантемах 20 семем. Таким образом, индекс полисемантичности здесь равен 1,67. При этом 15 семем содержат сему рассматриваемой группы, следовательно, индекс принадлежности минигруппы к исследуемой группе лексики равен 75%.

Для характеристики национальной специфики исследуемых группировок весьма полезным оказался предложенный В.И. Карасиком термин *номинативная плотность*, под которым понимается количество лексических единиц, номинирующих определенную сферу действительности (Карасик 2004). Как показало проведенное исследование, номинативная плотность исследуемой группировки в английском языке (12 лексических единиц) в четыре раза превышает соответствующий показатель в русском языке (3 лексические единицы),

⁷ Термин Н.М. Шишкиной (Шишкина 2004).

⁸ Термин Н.М. Шишкиной (там же).

что ярко свидетельствует о большей важности рассматриваемых характеристик для носителей английского языка.

Исследование также показало различие в структурной организации рассматриваемых группировок – если русская мини группа является неделимой, то в английской представилось возможным выделить две микрогруппы, в которые входят наименования зданий и помещений, характеризующихся соответственно по форме и конструкции.

Следует также отметить преобладание однозначных лексем над многозначными в английской мини группе, что, в свою очередь, объясняет различия в индексах полисемантической и индексах принадлежности к исследуемой группе в русском и английском языках

Сводные данные о рассматриваемых группировках представлены в приводимой ниже таблице.

Язык	Количество лексем			Количество семем					Индексы	
	Все-го	Одно-знач.	Много-знач.	Всего	По которой лексема входит в группу			Содержащих сему исследуемой группы	Поли-семан-тично-сти	Принад-лежно-сти к группе
					Д1	Д2	К1			
русский	3	1	2	8	3	-	-	4	2,66	50%
английский	12	8	4	20	10	2	-	15	1,67	75%

В целом исследование показало, что рассматриваемые лексические группировки в русском и английском языках демонстрируют национальную специфику, достаточно объективно и наглядно выявить и описать которую позволяют использованные формализованные параметры.

Литература

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004
2. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989.
3. Шишкина Н.М. Национальная специфика полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках: дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2004.

Д.А.Селищева

Сопоставительный анализ тематической подгруппы «уважение» в русском и английском языках

Тематическая подгруппа «уважение» является одной из шести подгрупп тематической группы, обозначающей положительные чувства и эмоции, и включает лексемы, объективирующие концепт «уважение». В данной

работе мы проводим сопоставительное исследование указанной подгруппы в русском и английском языках.

В русском языке в тематическую подгруппу «уважение» входят 27 лексем, из них 10 существительных (*благодарение, гордость, пиетет, почет, почитание, почтение, преклонение, самоуважение, уважение, честь*), 7 глаголов (*благодарить, почитать, почтить, преклониться, уважать, уважить, чтить*), 6 прилагательных (*благодарейный, гордый, пиететный, почтенный, почтительный, уважительный*) и 4 наречия (*благодарейно, почтенно, почтительно, уважительно*). В английском языке выявлено 28 лексем, номинирующих концепт «уважение», из них 8 существительных (*admiration, deference, estimation, homage, pride, reverence, self-esteem, self-respect*), 2 глагола (*admire, revere*), 11 прилагательных (*admirable, admiring, awed, deferential, honourable, proud, respected, respectful, reverent, reverential, self-respecting*), и 7 наречий (*admiringly, deferentially, honourably, proudly, respectfully, reverently, reverentially*). Три английские лексемы данной подгруппы демонстрируют явление лексико-грамматической полисемии⁹ на уровне существительного и глагола. Это лексемы *awe, honour* и *respect*.

Для оценки степени частеречной объективации рассматриваемого концепта в русском и английском языках представляется целесообразным ввести индексы субстантивации, вербализации, адъективации и адвербиализации концепта, под которыми понимается отношение количества семем соответствующих частей речи ко всем семемам исследуемой лексической группировки. Для исследуемой группировки русского языка индекс субстантивации составляет 37%, индекс вербализации – 27%, индекс адъективации – 21%, а индекс адвербиализации – 15%. В английском языке индекс субстантивации данной подгруппы составляет 29 %, индекс вербализации – 7%, индекс адъективации – 39%, а индекс адвербиализации – 25%.

Как показывают полученные результаты, частеречная объективация концепта «уважения» в русском языке в большей степени представлена существительными и глаголами, а в английском языке – существительными и прилагательными с существенным преобладанием последних. Индекс вербализации анализируемой группы в русском языке намного превышает индекс вербализации в английском языке. Стоит также отметить, что явление лексико-грамматической полисемии было выявлено только в подгруппе «уважение» английского языка.

Для выявления национальной специфики русского и английского языков в ходе нашего исследования был проведен семный анализ лексем обеих тематических подгрупп. Семное описание значения осуществлялось в следующей последовательности: денотативные семы; коннотативные семы; функциональные семы. В качестве примера приведем описание

⁹ О лексико-грамматической полисемии см. работу Стерниной М.А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка. (Стернина, 1999 г.)

исследуемых лексем русского и английского языков разной частеречной принадлежности.

БЛАГОГОВЕНИЕ – чувство глубокого уважения к кому-л., чему-л., восхищения перед кем-, чем-л.; наивысшая степень интенсивности; неоценочное; неэмоциональное; современное; книжное.

ПОЧИТАТЬ – чувствовать уважение, почитание к человеку; средняя степень интенсивности; неоценочное; неэмоциональное; современное; межстилевое.

УВАЖИТЕЛЬНЫЙ – чувствующий почитание к человеку, основанное на признании его заслуг, качеств, достоинств; средняя степень интенсивности; неоценочное; неэмоциональное; современное; межстилевое.

ПОЧТИТЕЛЬНО – с чувством глубокого уважения к кому-л. высокая степень интенсивности; неоценочное; эмоциональное; современное; межстилевое.

ADMIRATION – чувство уважения и симпатии к кому- или чему-либо; средняя степень интенсивности; неоценочное; неэмоциональное; современное; межстилевое.

RESPECTFULLY – с чувством почтения, основанным на признании чьих-л. заслуг, качеств, достоинств, выражающегося в вежливом, обходительном обращении; средняя степень интенсивности; неоценочное; неэмоциональное; современное; официально-деловое.

PROUD – испытывающий чувство уважения к самому себе за какие-либо достижения, успехи; средняя степень интенсивности; неоценочное; неэмоциональное; современное; межстилевое.

REVERE – испытывать глубокое уважение или восхищение к кому- или чему-либо; высокая степень интенсивности; неоценочное; неэмоциональное; современное; официально-деловое.

В результате проведенного семного анализа у лексем обоих языков на уровне денотативного значения были выявлены следующие смыслы: **чувство уважения и почтения, глубокое уважение, глубокое уважение и восхищение, уважение к себе**. В то же время выявлены также и национально специфические смыслы. Так, только в английском языке были выделены смыслы **глубокое уважение одновременно с чувством страха** и **глубокое уважение, преклонение перед Богом**. В то же время в русском языке были выделены отсутствующие в английском языке смыслы **чувство почитания госинститута** и **чувство почтения к человеку со стороны общества**. Отметим также, что в подгруппе «уважение» английского языка сема «уважение к себе» встречается в 2 раза чаще, чем в подгруппе русского языка, что свидетельствует о ее особой важности для носителей английского языка.

Семный анализ показал, что и в русском и английском языках почти все лексемы номинируют чувства и эмоции, испытываемые самим субъектом по отношению к другому человеку, его действиям, какому-либо предмету, событию и т.д., например:

Благоговение - чувство глубокого уважения к кому-л., чему-л., восхищения перед кем-, чем-л.

Admire - испытывать чувство уважения к человеку или к его действиям и поступкам.

Только 4 лексемы английского языка и 1 лексема русского языка номинируют чувства и эмоции, не испытываемые, а вызываемые по отношению к кому - или чему-либо, например:

Почтенный - вызывающий к себе чувство глубокого уважения; высокая степень интенсивности; неоценочное; неэмоциональное; современное; межстилевое.

Admirable - вызывающий чувство уважения к себе; средняя степень интенсивности; неоценочное; неэмоциональное; современное; межстилевое.

Проведенный анализ также показал, что в семантике единиц анализируемой подгруппы в обоих языках существенную роль играет семантический признак интенсивности, представленный в обоих языках в большинстве случаев средней степенью интенсивности. В русском языке сема средней степени интенсивности присутствует у 55% семем, в английском – у 59%. Высокая степень интенсивности в русском языке отмечена у 27% семем, в английском – у 32%, а наивысшая степень интенсивности отмечена у 18% семем в русском языке и у 9% семем – в английском. Таким образом, сема наивысшей степени интенсивности оказалась представленной в русском языке в два раза больше, чем в английском.

Отметим, что все семемы рассматриваемой группировки в русском и английском языках являются неоценочными. Что касается функциональных сем, то в обоих языках существенным образом преобладают межстилевые семемы.

Проведя сопоставительный анализ тематических подгрупп «уважение» в русском и английском языках, мы пришли к выводу, что у них существуют не только сходные черты, но и ярко выраженные отличительные особенности, свидетельствующие о национальной специфике единиц исследуемых языков.

Литература

1. Стернина М.А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка. – Воронеж:Изд-во «Истоки», 1999.

Л.В. Лукина

Контрастивный анализ устных и письменных речевых событий «Сообщение информации» в русском и английском языках

В предложенной статье дается контрастивный анализ русских лексем, обозначающих устные и письменные речевые события «Сообщение информации», на фоне английского языка.

Речевое событие (РС) в нашем понимании должно иметь форму устной или письменной речи, развертываться во времени и/или пространстве, предполагает наличие одного или нескольких говорящих и одного или нескольких слушающих (читающих), а также определенной цели, осознаваемой участниками общения.

Как показало исследование, проведенное методом сплошной выборки из наиболее авторитетных отечественных лексикографических источников (Большой толковый словарь русского языка под редакцией С.А. Кузнецова, Словарь русского языка в четырех томах под редакцией А.П. Евгеньевой, Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, Толковый словарь современного русского языка под редакцией Г.Н. Складчиковой, Частотный словарь русского языка С.А. Шарова), тематическая группа лексем русского языка, обозначающих устное речевое событие «Сообщение информации», насчитывает 65 лексем. Тематическая группа лексем русского языка, обозначающих письменное речевое событие «Сообщение информации», насчитывает 30 лексем.

Исследование, проведенное на материале наиболее известных русско-английских и толковых словарей английского языка (Новый большой русско-английский словарь под редакцией Д.И. Ермоловича, Современный русско-английский словарь А.М. Таубе и Р.С. Даглиш, Русско-английский словарь под редакцией О.С. Ахмановой, Macmillan English Dictionary, Longman Dictionary of English Language and Culture, Collins COBUILD English Dictionary for Advanced Learners, Merriam-Webster's Collegiate Dictionary, Cambridge International Dictionary of English, Longman Dictionary of American English) показало, что отмеченному количеству русских лексических единиц, обозначающих устное речевое событие «Сообщение информации», соответствует 92 английские лексемы. Количество русских лексических единиц, обозначающих письменное речевое событие «Сообщение информации», соответствует 41 английской лексеме.

Таким образом, номинативная плотность (Карасик 2004, с.111) тематической группы «Устное сообщение информации» в английском языке на 27 единиц превышает номинативную плотность соответствующей группы в русском языке. Номинативная плотность тематической группы «Письменное сообщение информации» в английском языке на 11 единиц превышает номинативную плотность одноименной группы в русском языке.

Для сравнения номинативной плотности одноименных группировок весьма удобным оказался введенный Т.А. Чубур (Чубур 2005) индекс относительной номинативной плотности, под которым понимается отношение количества единиц, номинирующих определенную внеязыковую сферу в исходном языке, к количеству аналогичных единиц в языке сопоставления. Для исследуемых лексических группировок, как

показало исследование, этот индекс оказался приблизительно одинаковым и составил 71% для тематической группы «Устное сообщение информации» и 73% для тематической группы «Письменное сообщение информации».

В ходе исследования было обнаружено, что лексемам русского языка в обеих рассматриваемых тематических группах могут соответствовать 1, 2, 3 и 4 лексемы английского языка, что означает, что одна лексема русского языка может иметь от 1 до 4 векторных соответствий в английском языке. Для описания данного явления представляется целесообразным ввести термин «индекс множественности соответствий», под которым понимается количество лексических единиц в языке сопоставления, выступающих в качестве соответствий конкретной лексической единицы языка, являющегося базисным для контрастивного исследования.

В тематической группе «Устное сообщение информации» 28 лексем русского языка имеют индекс множественности соответствий, равный единице, т.е. по одному соответствию в английском языке (*здравица* – *toast*; *огласка* – *publicity*). В тематической группе «Письменное сообщение информации» 14 лексем русского языка имеют индекс множественности соответствий, равный единице (*декларация* – *declaration*; *открытка* – *post-card*).

Индекс множественности соответствий, равный двум, имеют 21 лексема тематической группы «Устное сообщение информации» (*речь* – *speech, oration*; *просьба* – *request, entreaty*) и девять лексем группы «Письменное сообщение информации» (*отчет* – *report, account*; *плакат* – *poster, placard*).

Индекс множественности соответствий, равный трем, имеют 12 лексем группы «Устное сообщение информации» (*доклад* – *lecture, report, paper*; *изречение* – *saying, dictum, maxim*) и 6 лексем группы «Письменное сообщение информации» (*рецензия* – *review, opinion, notice*; *объявление* – *announcement, advertisement, commercial*).

Самый большой индекс множественности соответствий, равный четырем, имеют три лексемы первой из рассматриваемых групп (*обзор* – *overview, review, roundup, survey*; *разъяснение* – *explanation, clarification, interpretation, elucidation*; *сообщение* – *information, message, announcement, report*) и одна лексема из второй группы (*афиша* – *bill, poster, placard, notice*).

Таким образом, средний индекс множественности соответствий в тематической группе «Устное сообщение информации» составляет 1,8, а в группе «Письменное сообщение информации» – 1,7.

При анализе контрастивных пар нами сравнивались денотативные, коннотативные и функциональные семы, которые для удобства и наглядности в перечне сем приводятся в отмеченной выше последовательности разным шрифтом (денотативные семы графически не маркированы, коннотативные семы выделяются прописными буквами,

функциональные семы приводятся курсивом). Отметим, что несовпадающие семы выделяются жирным шрифтом.

Для каждого типа сем, в целях достижения большой объективности описания, высчитывались индексы денотативной, коннотативной и функциональной идентичности коннотативных пар, под которыми понимается отношение совпадающих соответственно денотативных, коннотативных и функциональных сем к общему числу сем этой категории, выделенных у рассматриваемых лексем. Расчет данных индексов производится следующим образом – в случае полного совпадения семы в обоих языках ей присваивается значение единицы, при отсутствии совпадения – нуля, в случае же частичного совпадения семы – 0,5. Отметим, что данные индексы вычисляются в процентах.

Ввод в лингвистический оборот указанных индексов, как показало исследование, дает, несомненно, положительный результат, как в теоретическом плане, поскольку позволяет объективно оценить степень национальной специфики исследуемых единиц, так и для практики перевода, поскольку дает переводчику реальные данные, основываясь на которых можно выбрать тот или иной переводческий эквивалент.

Покажем «работу» данных индексов на примерах из исследуемых тематических групп. Рассмотрим лексемы *выступление* и *листовка*, индекс множественности соответствий которых в английском языке равен двум.

ВЫСТУПЛЕНИЕ - speech

• сообщение	• сообщение
• устное	• устное
• О	• официальное
• перед группой людей	• перед большой группой людей
• с целью высказывания мнения или предоставления информации	• с целью высказывания мнения или предоставления информации
• НЕОЦЕНОЧНОЕ	• НЕОЦЕНОЧНОЕ
• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ	• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
• <i>межстилевое</i>	• <i>межстилевое</i>
• <i>общенародное</i>	• <i>общенародное</i>
• <i>современное</i>	• <i>современное</i>
• <i>общераспространенное</i>	• <i>общераспространенное</i>
• <i>высокоупотребительное</i>	• <i>высокоупотребительное</i>

Для данной контрастивной пары индексы денотативной, коннотативной и функциональной идентичности составляют соответственно 70%, 100% и 100%.

ВЫСТУПЛЕНИЕ - address

• сообщение	• сообщение
• устное	• устное
• О	• официальное

• О • перед группой людей • О • с целью высказывания мнения или предоставления информации • НЕОЦЕНОЧНОЕ • НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ • <i>межстилевое</i> • <i>общенародное</i> • <i>современное</i> • <i>общераспространенное</i> • <i>высокоупотребительное</i>	• подготовленное • перед группой людей • по важному поводу • с целью высказывания мнения или предоставления информации • НЕОЦЕНОЧНОЕ • НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ • <i>официально-деловое</i> • <i>общенародное</i> • <i>современное</i> • <i>общераспространенное</i> • <i>высокоупотребительное</i>

Для контрастивной пары *выступление* - *address* индексы денотативной, коннотативной и функциональной идентичности составляют 57%, 100% и 80%.

Таким образом, денотативно и функционально ближе всего к рассматриваемой русской лексеме оказывается английская лексема *speech*, индекс же коннотативной идентичности в обеих контрастивных парах совпадает. В результате проведенного анализа переводчику можно рекомендовать выбрать в качестве наиболее подходящего переводческого соответствия лексему *speech*.

ЛИСТОВКА - leaflet

• сообщение • письменное • печатное или рукописное • политического характера • О • распространяемое бесплатно • с целью информирования и пропаганды • <i>неоценочное</i> • <i>неэмоциональное</i> • МЕЖСТИЛЕВОЕ • ОБЩЕНАРОДНОЕ • СОВРЕМЕННОЕ • ОБЩЕРАСПРОСТРАНЕННОЕ • ВЫСОКОУПОТРЕБИТЕЛЬНОЕ	• сообщение • письменное • печатное • О • обычно в виде сложенного листа бумаги • распространяемое бесплатно на улице или через почтовые ящики • с целью информирования или рекламы • <i>неоценочное</i> • <i>неэмоциональное</i> • МЕЖСТИЛЕВОЕ • ОБЩЕНАРОДНОЕ • СОВРЕМЕННОЕ • ОБЩЕРАСПРОСТРАНЕННОЕ • УПОТРЕБИТЕЛЬНОЕ

Для данной контрастивной пары индексы денотативной, коннотативной и функциональной идентичности составляют соответственно 50%, 100% и 80%.

ЛИСТОВКА - *flier* (flyer)

• сообщение	• сообщение
• письменное	• письменное
• печатное или рукописное	• печатное
• политического характера	• О
• распространяемое бесплатно	• распространяемое бесплатно на улице
• с целью информирования и пропаганды	• с целью рекламирования
• <i>неоценочное</i>	• <i>неоценочное</i>
• <i>неэмоциональное</i>	• <i>неэмоциональное</i>
• МЕЖСТИЛЕВОЕ	• МЕЖСТИЛЕВОЕ
• ОБЩЕНАРОДНОЕ	• ОБЩЕНАРОДНОЕ
• СОВРЕМЕННОЕ	• СОВРЕМЕННОЕ
• ОБЩЕРАСПРОСТРАНЕННОЕ	• ОБЩЕРАСПРОСТРАНЕННОЕ
• ВЫСОКОУПОТРЕБИТЕЛЬНОЕ	• МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНОЕ

Для контрастивной пары *листовка* - *flier* индексы денотативной, коннотативной и функциональной идентичности составляют 43%, 100% и 80%.

Следовательно, денотативно ближе всего к рассматриваемой русской лексеме оказывается английская лексема *leaflet*, индексы же коннотативной и функциональной идентичности в обеих контрастивных парах совпадают. В результате проведенного анализа переводчику можно рекомендовать выбрать в качестве наиболее подходящего переводческого соответствия лексему *leaflet*.

Таким образом, как показало проведенное исследование, контрастивный семный анализ, выполненный в соответствии с предлагаемыми нами индексами, позволяет не только определить степень национальной специфики контрастивных пар, но и имеет ярко выраженное практическое применение.

Сопоставительный анализ двух рассмотренных тематических групп - «Устное сообщение информации» и «Письменное сообщение информации» в русском и английском языках показал, что эти группы демонстрируют достаточно большое сходство. Так, как уже отмечалось, индекс относительной номинативной плотности этих группировок различается всего на 2%, а средний индекс множественности соответствий – на 0, 1.

Сравнение же номинативной плотности рассматриваемых тематических групп в обоих языках показало, что номинативная плотность тематических групп «Устное сообщение информации» как в английском, так и в русском языках превышает номинативную плотность тематических групп «Письменное сообщение информации», что манифестирует приоритетность устных речевых событий для носителей английского и русского языков.

Литература

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.
2. Чубур Т.А. Национальная специфика семантики слова и проблемы ее лексикографической фиксации (на материале наименований *незанятости трудовой деятельностью* в русском и английском языках): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2005.

Чан Тхи Тху Хыонг, О.Н.Чарыкова

Лексические единицы, называющих температуру со знаком +, в русском и вьетнамском языках

Гиперонимом данной лексико-семантической группы является лексема *температура*, обозначающая степень нагретости чего–л. (какого–л. тела, вещества). (*Температура воздуха. Средняя годовая температура. Температура падала*).

Лексические единицы, входящие в данную группу, можно разделить на две подгруппы: «температура со знаком +» и «температура со знаком –». Это деление достаточно условно, поскольку восприятие температуры в обыденном сознании соотносится с тактильными ощущениями при её воздействии на тело человека: *тёплый* – близкий температуре человеческого тела (36,6°); *горячий* – выше обычной температуры человеческого тела; *холодный* – ниже обычной температуры человеческого тела.

В русском языке в подгруппу «температура со знаком +» входят следующие лексемы: *горячий, горячо, греть, жар, жара, жарница, жаркий, жгучий, жгучесть, зной, знойный, нагреть, накалисть, потепление, раскалённый, раскалить, согреть, согреться, теплеть, тепло (сущ.), тепло (нареч.), теплота, тёплый* (23 единицы).

Во вьетнамском языке к данной подгруппе относятся следующие номинативные единицы: *nóng, nóng bức, nóng nực, nóng bỏng, (một cách) nóng, nóng bức, nóng nực, nóng bỏng; sưởi ấm, sưởi nóng, chiếu nóng, rọi nóng, (sự, sức, cái) nóng, nóng bức, nóng nực; nồng, bức, nực, nồng bức, nồng nực, rất mặt, gắt, chang chang, oi bức, oi ả, nóng gắt, oi, nung nóng, đốt nóng, nung nấu, ấm, ấm áp, (sự, cái) oi bức, oi ả, nóng gắt, oi; ấm lên, ấm hơn, trở ấm, (sự) ấm, ấm áp; (một cách) ấm, ấm áp* (43 единицы).

Данные лексические единицы обладают значительным потенциалом образования метафорических значений. Рассмотрим ряд лексем более подробно. Русской лексеме *горячий* во вьетнамском языке соответствуют 4 соотносимых эквивалента: *nóng, nóng bức, nóng nực, nóng bỏng*. Данные единицы сопоставляемых языков объединяет общее прямое значение: «имеющий высокую температуру; сильно нагретый; жаркий, знойный». Например: *горячее солнце / mặt trời nóng bỏng*.

Семантическое тождество лексемы *горячий* и её соотносимых эквивалентов *nóng, nóng bỏng* наблюдается и при образовании следующих

переносных значений: «*пылкий, страстный (горячие головы / những người nóng nảy) // отличающийся глубиной чувства; выражающий сильное чувство (горячая любовь / tình yêu nóng bỏng) // очень сильный, напряжённый*» (*горячая работа / công việc nóng bỏng*). В обоих языках перенос осуществляется по признаку «интенсивность».

Однако при общности признаков образования переносных значений в сопоставляемых языках наблюдаются и расхождения в их интерпретации. Например, в обоих языках у анализируемых единиц выявляется значение «*нетерпеливый*». Но в русском языке прилагательное *горячий* в данном значении может быть употреблено только по отношению к лошади (нетерпеливая, резвая), а во вьетнамском – только по отношению к человеку: «*nóng ruột, nóng lòng, sốt ruột*» / *быть нетерпеливым (đừng quá nóng mà vô ích, phải đợi chuyên tàu sau / зря были нетерпеливыми, надо ждать следующего рейса)*.

Кроме того, национальная специфика русского языка проявляется при вербализации лексемой *горячий* значения «*требующий сосредоточения всех сил (о времени)*» (*горячая пора; горячие дни*), отсутствующего во вьетнамском.

Национально-специфичным для вьетнамского языка является использование номинации *nóng bỏng* в значении «*актуальный, насущный, животрепещущий*» (*vấn đề nóng bỏng / актуальная проблема*).

В ещё большей степени национальная специфика вьетнамского языка проявляется в употреблении наречия, образованного от данного прилагательного. В прямом значении лексема *горячо* соответствует четырём вьетнамским единицам (*một cách*) *nóng, nóng bức, nóng nực, nóng bỏng*. В переносном значении общность языков проявляется только в таком сочетании, как *горячо целовать – hôn (một cách) nóng bỏng*. При этом данное переносное значение проявляется у 2 вьетнамских эквивалентов (*một cách*) *nóng, nóng bỏng*. А единицы (*một cách*) *nóng bức, nóng nực* могут быть употреблены только при описании природных явлений и объектов (погода, день, ночь и т. д.).

Кроме того, номинативная единица (*một cách*) *nóng* способна реализовать во вьетнамском языке значение «*(một cách) nóng lòng, nóng ruột, sốt ruột*» / *с нетерпением (nóng biết tin tức / с нетерпением ожидать новостей; nóng gặp lại người yêu / с нетерпением ждать встречи с любимым)*, а также значение «*trong thời hạn ngắn*» / *на короткое время (vay nóng / одолжить на короткое время; giật nóng ít tiền / перехватить немного денег)*. У русской лексемы данные значения отсутствуют.

Следовательно, можно сказать, что общим для русского и вьетнамского национального сознания является ассоциация высокой температуры с интенсивностью. Однако если русские актуализируют главным образом степень проявления признака, то вьетнамцы ассоциируют высокую температуру с кратковременностью, что, вероятно, обусловлено представлениями о том, что человек не может долго подвергаться воздействию такой температуры.

Лексема *греть* имеет во вьетнамском языке 4 соотносимые единицы: *sưởi ấm, sưởi nóng, chiếu nóng, rọi nóng*. Их объединяет общее прямое значение «передать свою теплоту» (солнце *греет* / *mặt trời sưởi nóng*).

Национально-культурная специфика глагола *греть* реализуется в значении «порицать за что-л., высказать неодобрение; бранить, ругать» (*греть* за небрежность). Во вьетнамском языке переносные значения отсутствуют.

Лексеме *жар* соответствуют 3 вьетнамских эквивалента: (*sự, sức, cái*) *nóng, nóng bức, nóng nực*. Их объединяет общее прямое значение «сильная степень тепла, жара, зной» (дневной *жар* / (*cái*) *nóng nực ban ngày*).

Национальная специфика лексемы *жар* в русском языке проявляется в значении «разгар, пыл» (в *жару* спора, в *жару* сражения).

Лексема *жаркий* соответствует 9 вьетнамским единицам: *nóng, nóng, bức, nực, nóng nực, nóng bức, nóng bỏng, nóng bức, nóng nực*. Они имеют общее прямое значение «источающий, дающий сильный жар, палящий, горячий (о солнце, огне и т. п.)» (*жаркая* погода / *thời tiết nóng*).

Национальная специфика русского языка проявляется при вербализации данной лексемой значений: «значительный по силе, степени проявления, интенсивный, напряжённый» (*жаркий* ружейный огонь); «огненного цвета, оранжевый» / *rực lửa* (*жаркие* как огонь червонцы).

Лексема *жгучий* имеет во вьетнамском языке 4 эквивалента: *nóng bỏng, rát mặt, gắt, chang chang*. Их объединяет общее прямое значение «горячий, обжигающий, палящий» (*жгучий* воздух пустыни / *không khí sa mạc chang chang*).

Общее для сопоставляемых языков переносное значение «остро переживаемый; мучительный» имеется только у 2 вьетнамских единиц: *nóng bỏng, rát mặt* (*жгучие* слёзы / *những giọt nước mắt nóng bỏng; жгучий* стыд / *nỗi xấu hổ rát mặt*).

Национально-специфичным для русского языка можно назвать использование лексемы *жгучий* в значении «вызывающий ощущение жжения, причиняющий острую боль» (*жгучая* крапива, *жгучая* вода реки, *жгучий* ветер).

Лексема *знойный* соответствует 4 вьетнамским единицам: *oi bức, oi ả, nóng gắt, oi*. Их объединяет общее значение «очень жаркий, пылуший зноем», при этом во вьетнамском языке в семемах 3-х номинативных единиц (*oi bức, oi ả, oi*) содержится в качестве дополнительной отсутствующая в русской лексической единице сема «влажный», что, несомненно, обусловлено спецификой климатических условий.

Перечисленные выше 4 единицы (*oi bức, oi ả, nóng gắt, oi*) способны описывать только природные явления и объекты (погода, солнце, день, ночь и т. п.), но никак не могут употребляться со словами, обозначающими человека, его характеристику, его чувства, эмоции. А в русском языке лексема *знойный* способна реализовать значение «пылкий, жгучий» (*знойная* страсть) применительно к человеку.

Лексема **нагреть** в отечественных словарях толкуется как «сделать тёплым или горячим; согреть». Во вьетнамском языке ей соответствуют следующие номинативные единицы: **suối ấm** в значении «сделать тёплым; согреть» (Земля **нагрета** солнцем / Trái đất được mặt trời **suối ấm**) и **suối nóng, nung nóng, đốt nóng** в значении «сделать горячим; согреть» (солнце **нагрело** песок / mặt trời **suối nóng cát**).

Национально-специфичным для русского языка можно назвать использование данной лексемы в значении «обманом, хитростью и т. п. ввести в убыток» (**нагреть** простака на порядочную сумму).

Лексема **накалить** соответствует 2 вьетнамским единицам: **nung nóng, nung nấu**. Они имеют общее прямое значение «нагреть до очень высокой температуры» (солнце **накалило** воздух / nắng **nung nấu** không khí).

Национальная специфика русского языка проявляется при вербализации лексемой **накалить** значения «сделать крайне напряжённым, беспокойным» (**накалить** атмосферу собрания, международная обстановка **накалена**).

Во вьетнамском языке национально-культурная специфика номинативной единицы **nung nấu** проявляется в значении «giảm vất, day dứt, làm đau khổ» / не давать покоя, терзать (nỗi buồn **nung nấu** gan ruột / тоска гложет душу (букв. тоска гложет печень и кишечник); ý nghĩ đó **nung nấu** từ lâu / эта мысль давно не даёт покоя; **nung nấu** lòng căm thù / быть переполненным злобой). В русском языке данное значение реализуется посредством глагола **жесть**.

Лексема **согреть** является синонимом лексемы **нагреть** и имеет во вьетнамском языке те же соответствия: **suối ấm** в значении «сделать тёплым; нагреть» и **suối nóng, chiếu nóng** в значении «сделать горячим; нагреть». Общим для **suối ấm** и **согреть** является также переносное значение «утешить, ободрить участливым, заботливым и т.п. отношением» (**suối ấm** lòng người em trai bằng âu yếm / согреть брата лаской).

Кроме того, лексема **согреть** способна реализовать значение «оживить, осветить (каким-л. светлым, радостным чувством, мыслью)», что не характерно для вьетнамского языка (**согревшая** молодые годы мечта).

Лексема **тёплый** соответствует 2 единицам вьетнамского языка: **ấm, ấm áp**. Их объединяет общее прямое значение «дающий, источающий тепло» (**тёплый** дождь / mưa **ấm**).

Во вьетнамском языке номинативная единица **ấm** может обозначать «повышенную температуру тела при болезни» (đứa trẻ bị **ấm** đầu / у ребёнка **тёплая** голова; trán nó bị **ấm** / у него лоб **тёплый**). В русском языке для этой цели используется лексема **горячий** или **жар**. Такое различие номинаций позволяет предположить национальные различия в восприятии степени нагрева. Одна и та же температура во вьетнамском национальном сознании интерпретируется как менее, а в русском - как более высокая, что, вероятно, связано с климатическими условиями проживания данных народов.

Номинация *ấm áp* способна реализовать национально-специфичное значение «*ấm no, không thiếu thốn*» / *зажиточный, обеспеченный, в достатке* (*siêu sống ấm áp / зажиточная жизнь*).

Соотносимые эквиваленты *зной* / (*sự, cái*) *oi bức, oi ả, nóng gắt, oi; теплеть* / *ấm lên, ấm hơn, trở ấm; тепло* (*сущ.*) и *теплота* / *sự ấm, ấm áp; тепло* (*нареч.*) / (*một cách*) *ấm, ấm áp* совпадают и в прямых, и в переносных значениях.

Таким образом, анализ показал, что вьетнамский язык использует для обозначения высокой температуры большее количество номинаций, чем русский (43 и 23 соответственно), что свидетельствует о релевантности данного аспекта действительности для национального сознания этноса, которое определяется естественно-природными особенностями жизни вьетнамского народа, а также коммуникативной значимостью соответствующих понятий.

Однако в русском языке процент лексических единиц, получивших переносные значения, выше, чем во вьетнамском (73% и 56% соответственно). В русском языке в большинстве случаев переносы строятся на основе признаков «*интенсивность*» (13), «*приятное чувство, ощущение, впечатление*» (7) и др., а во вьетнамском языке – «*приятное чувство, ощущение, впечатление*» (6), «*интенсивность*» (5) и др., что свидетельствует об общности ассоциаций, связанных с высокой температурой, в национальных сознаниях носителей данных языков.

Национальная специфика выявляется главным образом на уровне сочетаемости и в особенностях интерпретации одних и тех же аспектов температуры со знаком+ в сопоставляемых языках.

Следовательно, можно утверждать, что общие черты исследуемой группы лексических единиц в русском и вьетнамском языках обусловлены физиологическими и психологическими факторами человеческого восприятия температуры со знаком+, а различия – различием климатических условий проживания этносов и спецификой их мировосприятия, а также структурными различиями языковых систем.

Н.А.Портнихина

Сравнительный анализ семантического развития лексем *rain* и *дождь* в русском и английском языках

Семантема лексемы *дождь* в русском языке включает 5 семем: семему Д1 «атмосферное явление в виде водяных капель, падающих с неба в различном количестве», семему Д2 «блестящие длинные нити из металла для украшения елки», семему К1 «множество, большое количество чего-

либо», две семемы K2¹⁰ – «обилие слов, упреков, слез» и «большие денежные средства».

Как показало исследование семантемы лексемы *дождь*, для развития значений внутри семантемы релевантными являются следующие семантические признаки: **обилие** (семема K1 «множество, большое количество чего-либо», семемы K2 – «обилие слов, упреков, слез», «большие денежные средства»), **цвет** и **форма капель дождя** (семема D2 «блестящие длинные нити из металла для украшения елки»).

По данным проведенного исследования, лексема *дождь* является основой словообразовательного гнезда, включающего 8 лексем. Семантическими признаками, релевантными для развития словообразовательного гнезда, оказались следующие: **обилие** (**дождливый** – с частыми дождями, **дождемер** – прибор для измерения дождя), **влага** (**дождевик** – плащ, **дождевание** – искусственное орошение), **форма капли дождя** (**дождина** – большая дождевая капля, **дождинка** – маленькая капля дождя), **атмосферное явление** (**дождевой** – с дождем, **дождить** – разг. дождь идет).

Лексема *дождь* входит в состав 7 фразеологических единиц (далее ФЕ). Семантические признаки, являющиеся основой фразеологического переноса, следующие: **обилие** (**сухой дождь** – пыль в воздухе, **золотой дождь** – большие денежные средства, **ни дождинок (нет, не было)** – засуха, **дождь льет как из ведра** – обильный дождь, **свинцовый дождь** – частые выстрелы), **обилие** и **падение** (**звездный дождь** – «падение» звезд в небе), **атмосферное явление** (**после дождичка в четверг** – никогда).

Проведенный анализ показал, что наиболее когнитивно-релевантными семантическими признаками лексемы *дождь* в русском языке являются:

- **Обилие** – данный семантический признак лег в основу трех переносов значения в семантеме лексемы *дождь*, является мотивирующим признаком двух словообразовательных единиц, а также основой фразеологического переноса для шести ФЕ;
- **Форма капли дождя** – данный семантический признак является основой одного переноса значения в семантеме лексемы *дождь*, является мотивирующим признаком двух словообразовательных единиц;
- **Влага** – является мотивирующим семантическим признаком двух словообразовательных единиц;
- **Атмосферное явление** – является мотивирующим семантическим признаком одной словообразовательной единицы и основой фразеологического переноса для одной ФЕ;

¹⁰ Для описания семантем используется типология семем М.М. Копыленко и З.Д. Поповой (см. Копыленко, Попова 1989, с.31-32), позволяющая определить тип семантической производности.

- **Цвет** – является основой одного переноса значения в семантеме лексемы *дождь*;
- **Падение** – является основой фразеологического переноса для одной ФЕ.

Для более объективной оценки важности того или иного семантического признака для носителей конкретного языка представилось целесообразным введение *индекса продуктивности семантического признака*, под которым мы понимаем отношение количества производных семантических единиц, мотивированных данным семантическим признаком, к общему количеству производных семантических единиц, образованных от семемы Д1 данной лексемы.

Для рассматриваемой лексемы эти показатели оказались следующие: **обилие** (58%), **форма капли дождя** (16%), **влага** (10,5%), **атмосферное явление** (10,5%), **падение** (5%), **цвет** (5%)¹¹.

Обращает на себя внимание тот факт, что семантический признак **обилие** оказывается релевантным и для переноса значения внутри семантемы, и для мотивировки словообразовательных единиц, и для фразеологического переноса. Семантический признак **форма капли дождя** релевантен только для переноса значения внутри семантемы и для мотивировки словообразовательных единиц, семантический признак **атмосферное явление** – для образования словообразовательных единиц и фразеологического переноса, семантический признак **цвет** – для переноса значения внутри семантемы, семантический признак **влага** – для мотивировки словообразовательных единиц, семантический признак **падение** – для фразеологического переноса.

Семантема лексемы *rain* в английском языке включает 5 семем: семему Д1nv¹² – «атмосферное явление в виде водяных капель, падающих с неба с различной частотой/ идти такому атмосферному явлению», семему Д2п – «физ. поток (электронов)», семему Д2nv – «горн. капеж/ горн. капать», семему К1п – «кино «дождь», царапины на изношенных фильмах», семему К1nv – «потоки, ручьи чего – либо/ сыпать, осыпать, лить».

Для семантического развития значения лексемы *rain* внутри семантемы релевантными являются следующие семантические признаки: **обилие** (семема К1nv – «потоки, ручьи чего-либо/ сыпать, осыпать, лить»), **обилие и форма капли дождя** (семема Д2п – «физ. поток (электронов)», семема К1п – «кино «дождь», царапины на изношенных фильмах»), **падение, форма и влага** (семема Д2nv – «горн. капеж/ горн. капать»).

По данным проведенного исследования, лексема *rain* является основой словообразовательного гнезда, включающего 25 лексем. Семантическими признаками, релевантными для развития словообразовательного гнезда,

¹¹ Общая сумма превышает 100%, поскольку производные семантические единицы могут мотивироваться несколькими семантическими признаками.

¹² Обозначается лексико-грамматическая полисемия (подробнее об этом см. Стернина 1999).

оказываются следующие: **влага** (**rain-cap** - непромокаемый головной убор, **rain-coat** - плащ, **raincrop** - неорошаемая с/х культура, **rain-proof** - непромокаемый, **rain-tight** - непромокаемый, **rainwear** - непромокаемая одежда, **rain-water** - дождевая вода, **rain-worm** - дождевой червь), **обилие** (**rain-pipe** - водосточная труба, **rain-gauge** - дождемер, **rainhead** - количество осадков, **rain-map** - карта осадков, **rain-wash** - вымытый дождем, **rainless** - засушливый, **rainforest** - тропический лес, **rainy** - полный слез (о глазах)), **форма капли дождя** (**rain-drop** - капля дождя, **rain-mark** - след дождевой капли, **rain-pit** - след дождевой капли), **дискомфорт, связанный с дождем** (**rain-check** - корешок билета на стадион, дающий право прийти на игру, перенесенную из-за дождя, **rained off** - отмененный из-за дождя, **rainout** - мероприятие, перенесенное из-за дождя), **атмосферное явление** (**rain-glass** - барометр, **rain-dance** - танец, заклинания для вызова дождя, **rain-maker** - специалист по искусственному вызыванию дождя, колдун).

Данная лексема входит в состав 10 ФЕ. Семантические признаки, являющиеся основой фразеологического переноса, следующие: **обилие** (**it never rains but it pours** - беда не приходит одна, **the rain comes down in torrents** - льет как из ведра, **it rains cats and dogs** - льет как из ведра, **small rain lays great dust** - мал золотник, да дорог), **неблагоприятное действие дождя/ дискомфорт, связанный с дождем** (**after rain comes fair weather/ sunshine** - после ненастья солнышко, **rain or shine** - что бы то ни было, **for a rainy day** - на черный день, **rain on smb's parade** - испортить что-то кому-то, **to come (go) in when it rains/ get out of the rain** - избежать неприятности, **to go in when it rains (get out of the rain)** - плохо соображать, быть тупицей).

Проведенный анализ показал, что наиболее когнитивно-релевантными семантическими признаками лексемы *rain* в английском языке являются:

- **Обилие** - данный семантический признак лег в основу трех переносов значения в семантеме лексемы *rain*, является мотивирующим признаком восьми словообразовательных единиц, основой фразеологического переноса для четырех ФЕ;
- **Форма капли дождя** - данный семантический признак является основой трех переносов значения в семантеме лексемы *rain*, мотивирующим признаком трех словообразовательных единиц;
- **Влага** - данный семантический признак является мотивирующим признаком восьми словообразовательных единиц;
- **Дискомфорт, связанный с дождем** - мотивирующий признак трех словообразовательных единиц, основа фразеологического переноса шести ФЕ;
- **Атмосферное явление** - является мотивирующим признаком трех словообразовательных единиц;
- **Падение** - основа одного переноса значения в семантеме лексемы

rain.

Индексы продуктивности выше перечисленных семантических признаков оказались следующие: **обилие** (38%), **дискомфорт, связанный с дождем** (23%), **влага** (20,5), **форма капли дождя** (15%), **атмосферное явление** (7,7%), **падение** (2,5%).

Обращает внимание тот факт, что семантический признак **обилие** лежит в основе как переносов значения в семанте лексемы *rain*, так и является мотивирующим признаком словообразовательных единиц и основой фразеологического переноса. Семантический признак **форма капли дождя** является только основой переносов значения в семанте лексемы *rain* и мотивирующим признаком словообразовательных единиц, семантический признак **влага** релевантен только для мотивировки словообразовательных единиц, **дискомфорт, связанный с дождем** – мотивирующий признак словообразовательных единиц и основа фразеологического переноса, семантический признак **атмосферное явление** – только мотивирующий признак словообразовательных единиц, семантический признак **падение** релевантен только для переноса значения в семанте лексемы *rain*.

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что наиболее релевантными для семантического развития обеих сравниваемых лексем оказались следующие одинаковые семантические признаки: **обилие, влага, форма капли дождя, атмосферное явление и падение**. Однако, индексы продуктивности вышеперечисленных признаков в обоих языках различны. Так, индекс продуктивности семантического признака **обилие** в русском языке – 58%, в английском – 38%; индекс продуктивности семантического признака **влага** в русском языке – 10,5%, в английском – 20,5%; индекс продуктивности семантического признака **атмосферное явление** в русском языке – 10,5%, в английском – 7,7; индекс продуктивности семантического признака **падение** в русском языке – 5%, в английском – 2,5%. Почти совпадают только индексы продуктивности семантического признака **форма капли дождя** – в русском языке 16%, в английском 15%.

Следует также отметить, что каждая лексема обладает и индивидуальными семантическими признаками, не характерными для развития значения другой лексемы. Так, для развития значения лексемы *дождь* в русском языке характерен семантический признак **цвет**, а для *rain* в английском – семантический признак **дискомфорт, связанный с дождем**.

Проведенное исследование подтверждает наличие национальных особенностей в восприятии и концептуализации даже таких объектов окружающей среды, которые являются общими для всего человечества.

Литература

1. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. – Воронеж, 1989.
2. Стернина М.А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 1999.

А.А. Дрюченко

Национальная специфика глагола положения в пространстве *to sit* в английской языковой картине мира

Слова как номинативные единицы хранят знания о действительности, их семантика в значительной степени обусловлена различными социолингвистическими коннотациями. Поэтому, исследуя глагол положения в пространстве *to sit*, мы изучаем отраженную в его значениях национальную специфику восприятия реальности носителями английского языка.

Для определения специфики глагола *to sit*, в сравнении с русским *сидеть* был проведен психолингвистический (ассоциативный) эксперимент. Значимость ассоциативного метода для изучения языка не нуждается в доказательствах. По утверждению А.А. Леонтьева, именно данный метод позволяет с наибольшей объективностью вскрыть «национально-культурную специфику словарных единиц, вскрыть те побочные, непосредственно не релевантные для обобщения семантические связи, которые имеет данное слово, его семантические обертоны» (Леонтьев 1977, с. 14-15). Полученная в результате ассоциативного эксперимента реакция на исходное слово эксплицирует когнитивный и эмоциональный опыт субъекта, т.к. «слово в лексиконе человека всегда включено в триединый контекст когнитивного, эмоционального и языкового опыта» (Залевская 1990, с. 180).

Преимущество психолингвистического эксперимента заключается в том, что в нем индивидуальные черты языковой личности стираются и говорят уже о нормах, свойственных той языковой общности, к которой принадлежит эта личность.

В ходе проведенного нами эксперимента было опрошено 78 человек. Родной язык респондентов - английский. Информантами были пользователи ресурсов Интернет, конкретно, посетители сайта www.yahoo.com. В разделе «Questions» каждый участник эксперимента должен был ответить всего на один вопрос «Write associations when you hear or come across the verb *to sit*». Также мы попросили респондентов указать их родной язык (mother tongue). Это нам было необходимо для того, чтобы из числа ответов отобрать только те, которые отражают репрезентацию концепта «*to sit*» у носителей именно английского языка. Реакция могла быть выражена в виде слова в любой форме или в виде словосочетания. В результате обработки собранных материалов получено 210 разных ассоциаций. Полученные материалы позволяют объективно

выявить национальную специфику словарной единицы. Собранные данные помогают раскрыть сочетаемостные способности исследуемого глагола в отдельных значениях, распределить значения глагола по способам актуализации в сознании носителей языка.

Наряду с существенными семантическими компонентами значений (дифференциальными и интегральными), было признано необходимым рассматривать в ряде случаев несущественные компоненты, называемые «ассоциативными» или «потенциальными». Как отмечает Д.Н. Шмелев, «Субъективные ассоциации, связанные с какими-то словами, у отдельных носителей языка создают своего рода эмоциональный ореол вокруг слова, предопределяя его восприятие тем или иным носителем языка. Эти ассоциации часто возникают независимо от собственной семантики слова и от экспрессивно-стилистической значимости, присущей ему в общенародном языке» (Шмелев 1964, с. 107). Учет ассоциативных признаков важен потому, что во многих случаях они служат основой различных метафорических переносов (Апресян 1974, с. 8).

Полученные нами результаты оказались неожиданными, т.к. ответы-реакции на слово-стимул *to sit*, данные 78 англоязычными респондентами, представляют картину распределения значений глагола *to sit*, отличную от той, которую мы встречаем в толковых словарях. Всего мы получили 210 ответов-реакций.

В сознании у носителей языка актуализируется лишь сравнительно небольшое количество значений. При этом первое, что приходит на ум англоговорящим, это такие семемы, как:

1) *(of an animal) to rest, being situated on a surface, closely connected with it, or touching it with a certain part of the body, when posing from activity or movement;*

2) *to be in a certain position when your weight is supported by your buttocks or thighs or both rather, than your feet, and the body is essentially vertical (resting on the ground, on a seat, etc.);*

3) *to lower your body until you are sitting on something, become calm and quiet after having been active, especially in order to pay attention to something;*

4) *to stay in one place for a long time, especially sitting down, doing nothing useful or helpful.*

Респонденты давали наиболее часто следующие ответы-реакции: dog (19 + 5 – command), chair (12), chairs (2), down (13), relax (9), resting (2), dogs (2), my dog (2), rest (4), up (6), up (for children) (1), up straight (1). В одном случае конкретно указывался тип стула – «a chair – one of those wooden kitchen type chairs with no arms and no cushion». Если давали ответ-реакцию «dog», респонденты подразумевали, а в некоторых случаях писали (например, a command for a dog / a dog sitting on command), что это не просто одушевленный субъект, а именно приказ животному занять соответствующее местоположение в пространстве.

Также указывались такие ассоциации на стимул *to sit*: school (2), classroom (2), stand (2), be (2), on it (2), quiet (2), stop (2), legs (2), tired (2),

bored (2). Все ассоциации мы разделили на 10 групп в соответствии с актуализируемыми семами:

1) нахождение в сидячем положении после длительного пребывания «стоя» (stand (4)), «в движении» (tired (2), tiredness (1), stop (2)) – указывается причина, почему субъект занял статичное положение;

2) негативное следствие от пребывания в сидячем состоянии – усталость (bored (2), boring);

3) совмещение выполнения нескольких действий одновременно, будь то «сидеть и учиться» (class, classrooms, classroom (2), school (2), world history class),

«сидеть и ждать» (sit and wait),

«сидеть с ребенком и присматривать за ним» (baby sit, child care, children),

«сидеть + проводить время + доставлять кому-то удовольствие» (with somebody as in keeping company),

«сидеть и отдыхать» (relax (9), relaxing, rest (4), resting (2)),

«сидеть и контролировать» (control),

«сидеть и есть» (dinner),

«сидеть и отвечать» (sit here and answer),

«сидеть и слушать/разговаривать» (listen, talk),

«сидеть и выполнять социальное действие» (interview, lecture, long boring business meeting (привнесение личностно-ориентированной коннотации));

4) указание на часть тела, принимающую участие в формировании позы «сидения»: legs (2), bum (1), on your rear (*грубое, жаргонное*);

5) приказ занять соответствующее положение в пространстве – a form of directions. В отдельных случаях уточняется, кому данный приказ адресован: a less happy word, an order, as from a parent commanding a child to be still; a teacher commanding me in school; an order from the teacher. В грубой форме данный приказ звучит как «lower your ass». Иногда, уточняется, как нужно себя вести – be good. В некоторых ответах-реакциях представлена «инструкция к тому, как нужно себя вести» - sit, watch and listen you might learn something;

6) приглашение занять соответствующее положение в пространстве: a welcoming word, that a host says when he or she has time to talk to you for a while; please, sit; please, sit down;

7) указание на место, где можно сидеть: anywhere, at the dinner table (причем по всей видимости подразумевается «сидеть и есть / прием пищи»), by the dock of the bay (личностное), desk, floor, go sit in the corner, here, in your seat, on the bench, sofa, stool, there;

8) указание направления расположения в пространстве: back, down (15) (причем в одном случае давалось уточнение, что это именно команда «sounds like a command» - «sit down and shut up» - не просто сесть, но и заткнуться), up (6), up straight;

9) описание положения в пространстве сочетанием глагол + обстоятельство: *bad, being motionless not talking and paying attention, cross-legged, quiet (2), quietly, still (5)*;

10) результат/следствие пребывания в сидячем положении, которое характеризуется как положительное: *comfort*.

Среди приведенных респондентами ответов-реакций встречаются единичные словоупотребления – фразеологические единицы, например: *all he does is sit around, I want to sit this one out, sit on it, sit tight*.

Периферия представлена в ассоциациях, как нам кажется, имеющих лично- и национально-специфические различия: *authority over someone or something, cookie, if I sit in the sun too long I'll burn, it makes me want to stand, it the hell down up there I can't see the screen, uncomfortable and crowded bleachers at sporting events, what people do on the Board of directors*.

Даны были два ответа-реакции, выраженные глаголом *to be*, или более конкретным с семантической точки зрения глаголом «*to stay*».

В двух случаях раскрывается одна из семем глагола *to sit* – *in posing for a painting, even if you stand for the picture the session is called a sitting; the action of sitting down, like to sit on a chair*. Или в ответе-реакции указывается на антропоним (*people*), который совершает 'действие', выраженное глаголом *to sit*. Таким образом, можно заключить, что в сознании носителя английского языка актуализируется прямое номинативное значение данного глагола.

Нами также был проведен психолингвистический эксперимент с носителями русского языка. Респондентами были студенты в возрасте 17-23 лет, обучающиеся в вузах Воронежа. Всего мы опросили 148 человек. Респондентам предлагалось написать ассоциации на слово-стимул – глагол *сидеть*. В общей сложности мы получили 965 ответов-реакций на предложенный стимул. Представления о «сидении» у носителей английского и русского языков совпадают по следующим параметрам: здание / помещение / комната (школа, аудитория, кино, дом и т.д.), сидеть и параллельно совершать какое-то действие (и ждать, курить, наблюдать, слушать и т.д.), предмет мебели (диван, кресло, стул, скамейка и т.д.). Среди полученных результатов выделяются ассоциации, наиболее характерные для языковой картины мира носителей русского языка: в тюрьме (37), на зоне (1), на телефоне (1), на троне (1), в гостях (2) и т.д. Кроме того, было дано много ответов, представляющих компоненты фразеологических сочетаний: на двух стульях (1), на дорожку (1), на иголках (1), на шее (4), на диете (7), на сковороде (1), протирать штаны (1), сесть в лужу (1), на голове (1), на завалинке (1). Так же как и носители английского языка, русскоговорящие респонденты давали лично-специфические ответы-реакции: бухгалтер (1), в кресле у стоматолога (1), в чате (1), ВГТА (1), делать макияж (1), лучше лежать (1), парикмахерская (1).

Таким образом, сравниваемые глаголы *to sit* и *сидеть* имеют как общие компоненты, так и яркие национально-специфичные различия. Различия

закljučаются в том, что в русском языке глагол *сидеть* и связанные с ним у носителей языка ассоциации эмоционально окрашены, фразеологизированы, в английском же языке и глагол *to sit*, и связанные с ним представления у носителей языка имеют нейтральный характер.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синоним. средства яз. – М.:Наука, 1974.
2. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990.
3. Леонтьев А.А. Словарь ассоциативных норм русского языка. – М., 1977. Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка.– М.: Просвещение, 1964.

Т.А. Чубур

Контрастивное описание лексемы «место» в русском и английском языках

Контрастивное описание той или иной лексемы предполагает полное семное описание значений слов, выступающих близкими соответствиями или эквивалентами, а также являющихся безэквивалентными на фоне языка сопоставления. Каждое слово исходного языка представлено последовательным набором денотативных, коннотативных и функциональных сем. Параллельно представлен семный набор каждого отдельного переводного соответствия, где каждой семе русского слова ставится в соответствие та или иная сема иноязычного слова. Подробный алгоритм такого описания представлен в монографии «Контрастивная лексикология и лексикография» (Контрастивная лексикология, 2006).

В качестве примера подобного контрастивного описания мы взяли лексику «место», которая является многозначной и обладает высокой частотностью употребления в языке, что позволяет отнести её к ядру языка. Мы описали все денотативные семы, а также те функционально-стилистические семы, которые являются дифференциальными для обоих языков.

МЕСТО-1 = ROOM-1

На столе больше нет м.

пространство
занимаемое каким-л. телом

МЕСТО-1 = SPACE-1

пространство
занимаемое каким-л. телом

МЕСТО-2 = PLACE-1*М. происшествия. Не двигаться с м.*

пространство
пункт
где что-л. находится
где что-л. происходит

МЕСТО-2 – SCENE-1

пространство	пространство	ЭКВИВ.
пункт	пункт	ЭКВИВ.
где что-л. находится	0	безэкв ив.
где что-л. происходит	где что-л. происходит	ЭКВИВ.
0	обычно негативное (авария, преступление и т.п.)	безэкв ив.

МЕСТО-2 – SITE-1

пространство	пространство	ЭКВИВ.
пункт	пункт	ЭКВИВ.
где что-л. находится	0	безэкв ив.
где что-л. происходит	где что-л. происходит	ЭКВИВ.
0	обычно важное или интересное	безэкв ив.

МЕСТО-3 = SPACE-2*М. для парковки.*

пространство
где-л.
предназначенное для кого- чего-л.

МЕСТО-3 = PLACE-2

пространство
где-л.
предназначенное для кого- чего-л.

МЕСТО-3 – LOT-1

пространство	пространство	ЭКВИВ.
где-л.	на участке земли	несов п.
предназначенное для кого- чего-л.	обычно предназначенное для строительства или других специальных целей	несов п.
общераспр.	амер.	несов п.

МЕСТО-3 – SITE-2

пространство	пространство	эквив.
где-л.	на участке земли	несов п.
предназначенное для кого-, чего-л.	обычно предназначенное для строительства	несов п.

МЕСТО-3 – SITE-3

пространство	пространство	эквив.
где-л.	на участке земли	несов п.
предназначенное для кого-, чего-л.	предназначенное для кемпинга	несов п.
общераспр.	брит.	несов п.

МЕСТО-3 – SEAT-1

пространство	пространство	эквив.
где-л.	где-л.	эквив.
предназначенное для кого-, чего-л.	предназначенное для сидения	несов п.

МЕСТО-3 – SPOT-1

пространство	пространство	эквив.
где-л.	где-л.	эквив.
0	обычно привлекательное	безэквив.
предназначенное для кого-, чего-л.	предназначенное для кого-, чего-л.	эквив.

МЕСТО-4 – PLACE-3

Занять первое м. Найти свое м.

положение	положение	эквив.
занимаемое кем-л. среди кого-л.	занимаемое кем-л. среди кого-л.	эквив.
в какой-л. деятельности	обычно в соревнованиях	несов п.

МЕСТО-4 - POST

Мне предложили м. в банке.

должность	должность	эквив.
служебное положение	служебное положение	эквив.
межстил.	книжн.	несов п.
общераспр.	брит.	несов п.

МЕСТО-4 = POSITION

должность
служебное положение

МЕСТО-5 - THE PROVINCES

Наладить работу на местах.

провинция	провинция	ЭКВИВ.
периферия	периферия	ЭКВИВ.
периферийные организации, учреждения	0	БЕЗЭКВИВ.
обычно мн.	обычно мн.	ЭКВИВ.
общераспр.	брит.	несовп.

МЕСТО-6 – PART-1

Самое интересное м. в пьесе.

часть или отрывок	часть или отрывок	ЭКВИВ.
0	глава	БЕЗЭКВИВ.
произведения	произведения	ЭКВИВ.
литературного	литературного	ЭКВИВ.
музыкального	музыкального	ЭКВИВ.

МЕСТО-7 = ИТЕМ-1

Сдать в багаж три места.

вещь или предмет
багажа
груза
отдельный от других

Таким образом, многозначная русская лексема *место* может быть эффективно описана методом контрастивного анализа, что позволяет выявить конкретные дифференциальные семы, составляющие национальную специфику семантики сравниваемых единиц.

Литература

1. Контрастивная лексикология и лексикография. – Воронеж, «Истоки», 2006.

А.А. Махонина

О трудностях тематической классификации русско-английских субстантивных лакун

Сопоставительные исследования различных языков побудили многих ученых заговорить о расхождениях между языками и культурами, существовании национально-специфических элементов, препятствующих общению, о выявлении национально-культурного своеобразия значений слов. Многочисленные лексикологические сопоставительные исследования, проводимые с целью изучения межъязыковых соответствий двух языков для выявления их различий, отмечают несходства в

семантико-функциональной эквивалентности сравниваемых единиц и называют лакуну крайним случаем этих несовпадений (Стернин 2004). *Межъязыковая лексическая лакуна* в нашем понимании – это некий смысл, не имеющий в исследуемом языке однословного наименования или наименования в виде устойчивого словосочетания на фоне наличия подобных наименований в языке сопоставления.

Отметим, что подобные явления, когда лексические единицы одного языка не находят словарного эквивалента в другом, весьма широко распространены. В связи с этим лингвистами уделяется большое внимание изучению и описанию этого явления, а также разработке классификации межъязыковых лакун. На настоящий момент существует некоторое количество типологических классификаций лакун, основанных на различных принципах (классификации В.Л. Муравьева, А.П. Бабушкина, Г.А. Антипова, О.А. Донских, И.Ю. Марковиной, Ю.А. Сорокина, Астрид Эртельт-Фиит, Е.А. Эйнуллаевой, А.А. Махониной).

Представляется, однако, необходимым провести также и тематическую классификацию лакун с целью выявления распространения явления лакунарности в различных тематических сферах, определения универсальности данного явления и выявления национально-культурных различий русского и английского языков.

Проведенная тематическая классификация русско-английских субстантивных лакун позволила выделить 63 тематические группы: «Политика», «Одежда и обувь», «Предметы быта», «Спорт», «Речемыслительная деятельность» и др. Для описания тематических групп удобно использовать понятие *номинативная непредставленность*, под которой мы понимаем количество лакунарных смыслов, отмеченных в тематической группе, описывающей определенную сферу действительности – в отличие от *номинативной плотности* (термин В.И. Карасика – Карасик 2004, с. 111), под которой понимается количество лексических единиц, номинирующих определенную сферу действительности. Благодаря использованию данного термина оказалось возможным ранжировать тематические группы лакун по степени номинативной непредставленности и определить те тематические сферы, для которых номинативная непредставленность наиболее характерна.

Наивысшая степень номинативной непредставленности выявлена для тематической группы «Характеристика человека», включающей более 800 лакун. Такое большое количество лакун в данной тематической группе представляется неслучайным, поскольку человек занимает центральное место в жизни общества и его характеристика с разных точек зрения представляется носителям языка чрезвычайно важной. Особенно важной характеристика человека с разных точек зрения представляется для носителей английского языка. С.Г. Тер-Минасова справедливо называет английскую и американскую культуры индивидуалистическими, поскольку они основываются на принципе подчеркнутого уважения к

«правам человека», к его индивидуальным способностям и потребностям (Тер-Минасова 2004, 34).

Наиболее низкая степень номинативной непредставленности выявлена для тематической группы «Статус человека», которая включает всего 4 безэквивалентные единицы: *alienism* – ср. *статус иностранца в чужой стране*, *courtesy title* – ср. *титул, носимый по обычаю и не дающий права на членство в палате лордов*, *electorship* – ср. *статус избирателя или выборщика*, *advanced standing* – ср. амер. *статус студента, зачисленного на один из старших курсов с зачетом предметов, сданных в другом вузе*.

Как показало исследование, явление лакунарности в частеречных рамках существительного охватывает номинативные сферы всех предметных сторон жизни общества, но степень лакунарности отдельных тематических сфер, отражающаяся в показателях номинативной непредставленности той или иной тематической группы, существенно различается и колеблется от нескольких сотен до нескольких единиц.

Проведенное исследование показало, что явление межъязыковой лакунарности характерно практически для всех тематических сфер лексики языка, в силу чего можно говорить об универсальности данного явления.

Интересен также полученный на основе проведенной тематической классификации русско-английских субстантивных лакун вывод о наличии «синонимических» лакун, выявляющихся одновременно на фоне двух или более синонимов фонового языка. В качестве примеров приведем некоторые из них: *клок сбившейся шерсти (у овцы, собаки и т.п.)* – ср. *dag*, *свалявшийся клок шерсти (овцы)* – ср. *tag*; *рабочий по сносу домов* – ср. *housebreaker*; *рабочий по сносу домов* – ср. *wrecker*; *одичавшее культурное растение* – ср. *escape*, *одичавшее культурное растение* – ср. *wilding*; *участок леса, расчищенный под пашню* – ср. *assart*, *участок леса, расчищенный под пашню* – ср. *clearing* и другие. Представляется, что наличие «синонимических» лакун в русском языке на фоне английского свидетельствует об особой важности данных денотатов для носителей английского языка.

Следует отметить, что при проведении тематической классификации русско-английских субстантивных лакун отмечен ряд трудностей, которые требуют своего решения.

Так, в частности, выясняется, что тематическая классификация возможна не для всех выявленных русско-английских субстантивных лакун. Оказывается, что тематической классификации подвергаются только конкретизирующие лакуны, то есть лакуны, которые выделяются на основании отсутствия в исследуемом языке соответствующей конкретизации по определённому признаку, например, отсутствие конкретизации по длине: *расстояние, в пределах которого слышен оклик* – ср. *hail*; предназначению: *веревка для привязывания лошади или мула* – ср. *lariat*; размеру: *самый маленький поросенок из помета* – ср. амер. *runt*; увлечениям: *человек, увлеченный своим хобби* – ср. *hobbyist*.

Обобщающие лакуны, выделяющиеся на основании отсутствия в исследуемом языке (в нашем случае – русском) соответствующего обобщения, не поддаются тематической классификации в силу своей обобщенной семантики. С точки зрения своей семантики, обобщающие лакуны не однородны и могут быть поделены на две группы – обобщенно-предметные (*что-либо, дополняющее другое, хорошо сочетающееся с другим* – ср. counterpart, *что-либо грохочущее или дребезжащее* – ср. разг. rattler, *никому не принадлежащая, брошенная вещь* – ср. waif, *что-л., возникающее сразу в большом количестве* – ср. rash и др.) и обобщенно-понятийные (*нечто, вызывающее оцепенение, апатию и т. п.* – ср. torporific, *нечто неосязаемое, неуловимое, смутное* – ср. intangible *что-л. второстепенное, подсобное, маловажное* – ср. byе, *нечто угнетающее, вызывающее депрессию* – ср. downer и др.). Однако данная классификация не вписывается в рамки тематической.

Большой трудностью стало и само выделение тематических групп. Как уже отмечалось выше, явление межъязыковой лакунарности характерно практически для всех тематических сфер, вследствие чего количество выделенных тематических групп оказалось весьма велико. Отметим, что многие выделенные тематические группы имеют сложную структуру и включают несколько тематических подгрупп. Так, например, весьма многочисленная тематическая группа «Закон и право» имеет сложную разветвленную структуру и включает в себя несколько подгрупп: виды законов, суд и судопроизводство, социальное неповиновение, виды исправительных учреждений, виды правонарушений и правонарушителей, полицейская работа, характеристика права на различные виды деятельности, владение и наследование и др. Представляется нецелесообразным выделять отмеченные подгруппы в качестве отдельных тематических групп, дабы избежать дробности описания.

В то же время отметим, что некоторые тематические группы оказались небольшими по составу. Однако в силу специфики их семантики мы не можем отнести их ни к одной из выделенных групп, и вынуждены представлять отдельно. В качестве примера приведем тематическую группу «Трубки, сигареты, табак», которая включает всего 8 безэквивалентных единиц.

Следует отметить, что при проведении тематической классификации возникают известные трудности, связанные с отнесением лексемы к конкретной тематической группе. Как справедливо отмечали Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, «нет и не может быть строго очерченного «темника», ибо много перекрещивающихся тем» (Верещагин, Костомаров 1971, с.23). Так, например, английская лексема *rentamob* - *толпа подкупленных хулиганов для создания беспорядков* может быть отнесена и к тематической группе «Группы людей», и к тематической группе «Закон и право». В таких случаях мы считаем необходимым включать одну и ту же английскую безэквивалентную единицу в несколько тематических групп.

Однако не все проблемы, связанные с трудностями тематической классификации, можно решить подобным образом. Так, в отдельных случаях описательная дефиниция, дающаяся в словарях в качестве словарного эквивалента той или иной английской безэквивалентной единицы, не дает возможности четко определить тематическую группу, в которую ее можно было бы отнести. Так, например, описательный перевод выделенных нами безэквивалентных единиц часто формулируется следующим образом: *соревнование, выборы и т. п., выигранные с самым небольшим перевесом* – ср. амер. *squeaker*; *выносливый человек или выносливое животное* – ср. *stayer*; *предмет или человек, занимающий второе место; не самое лучшее* – ср. *second best*. В этих случаях однозначно приписать безэквивалентную единицу к определенной тематической группе невозможно.

С точки зрения разработанной нами типологической классификации, статус таких безэквивалентных единиц для нас ясен. Это конкретизирующие лакуны с денотативным ограничением. В случае такого типа лакун в словарных дефинициях английских безэквивалентных единиц наблюдается ограничение на денотативную отнесенность слова. Такое ограничение может быть представлено либо в виде закрытого списка денотатов, как в приведенных нами выше примерах, либо указанием на исключение отдельного денотата из денотативной отнесенности лексического соответствия (*промысловая рыба (кроме камбалы)* – ср. *roundfish*; *учащийся – любитель спорта (не водного)* – ср. *dry-bob*). Однако для тематической классификации конкретизирующие лакуны с денотативным ограничением в виде закрытого списка слов представляют большую трудность.

Таким образом, тематическая классификация русско-английских субстантивных лакун очерчивает свой ряд проблем, отличный от проблем, связанных с типологической классификацией межъязыковых лакун.

Литература

1. Верещагин Е. М. Лингвистическая проблематика страноведения в преподавании русского языка иностранцам. – М.: Изд-во МГУ, 1971.
2. Карасик В.И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс.– М. : Гнозис, 2004.
3. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. – Воронеж: «Истоки», 2004.
4. Тер-Минасова С.Г. Личность, язык, культура // Современные теории и методики обучения иностранным языкам. – Москва, 2004.

А.П. Бабушкин

Русские и английские ойконимы в образных выражениях и народных речениях

Ойконим – это лингвистический термин, служащий для именования населенного пункта – города или деревни (от греческого слова *oikos* – дом, жилище).

Оставив в стороне названия крестьянских селений, которые, безусловно, могут стать предметом отдельного исследования, обратимся к обозначениям русских, английских и американских городов, в тех случаях, когда они входят в состав устойчивых образных выражений, различных народных речений, пословиц, поговорок и крылатых фраз.

Каждое из перечисленных выше языковых построений имеет свои задачи. Фразеологические единицы как средство вторичной номинации служат для образного означивания предметов и явлений реальной действительности или пространства «возможных миров»; пословицы представляют собой народные афоризмы, они в равной мере, как и поговорки, наставляют и поучают; крылатые слова – дословные выдержки из известных текстов – используются для украшения речи.

Существуют многочисленные русские народные речения, апеллирующие к столице российского государства – городу Москве. Так, пословица *Москва от копеечной свечки сгорела* имеет назидательный смысл: от внешне незначительных причин могут случаться большие несчастья.

Шутливый подтекст скрыт в поговорке *Говорят, в Москве кур доят*. Здесь Москва представляется, с одной стороны, как якобы диковинное место, город, удивляющий своей необычностью, а, с другой стороны, поговорка дает понять, что небылицу нельзя принимать за истину.

Москва слезам не верит означает, что тщетны жалобы тех, кто пасует перед трудностями и не способен противостоять им, надеясь на чью-то благосклонность. Жесткий характер Москвы, где не просто «выйти в люди» и найти правду, проявляется в старинных речениях о русском стольном городе: *Москва принос любит; Москва, что доска, спать широка, да везде гнетет; в Москве толсто звонят, да тонко едят*.

Выражение *ехать в Москву разгонять тоску* рисует столицу как центр увеселительных заведений, место, в котором можно весело провести время. В свою очередь, в устах петербуржцев *съездить в Москву* когда-то означало «разрешиться от бремени» (намек на внезапное исчезновение и придуманную причину отсутствия).

Пословица *Москва не сразу строилась* (т.е. сразу ничего не делается) имеет параллели в других языках: украинском, белорусском, польском, французском, немецком и итальянском с соответствующими названиями столиц этих стран.

Заключает приводимый нами список пословица *Москва бьет с носка, а Питер бока повытер*, говорящая об интенсивности жизни в Москве, о решительности и удалстве москвичей.

Упомянув имя северной столицы, нельзя обойти стороной всем известный зачин шутливой народной песни, исполнявшейся Ф.И. Шаляпиным: *Вдоль по Питерской. Вдоль по Питерской – пройти,*

проехать, пронестись на виду у всех, а *Пустить кого-то вдоль по Питерской* – значит обругать.

За рубежами России остались города Киев и Полтава, но выражения *Язык до Киева доведет* и *Бежать, как швед под Полтавой* по-прежнему входят в сокровищницу русской народной мысли.

Носитель русского языка отлично знает, что *Ехать в Тулу со своим самоваром* – напрасная затея, так как Тула – место, где когда-то серийно мастерили и продавали знаменитые на всю страну самовары.

В русском языке имеются такие двухкомпонентные фразеологические единицы, в качестве одной из составляющих которых выступают адъективно репрезентированные ойконимы: *коломенская верста, ивановские водохлебы, сирота казанская* (по В.И. Далю *сирота казанская* – плут, прикидывающийся бедняком).

В настоящее время потеряла свой социальный подтекст фраза *Тамбовский волк тебе товарищ* (*тамбовский волк* – враг советской власти т.к. в Тамбовской губернии был очаг антоновского мятежа).

Интересно было бы посмотреть, имеются ли подобные выражения в английском языке и его американском варианте. В результате сплошной выборки из Англо-русского фразеологического словаря А.В. Кунина и *Brewer's Dictionary of Phrase & Fable* был выявлен ряд топонимических словосочетаний и речений. Ниже приводятся некоторые примеры из этой выборки.

Под выражением *The best club of London* (лучший Лондонский клуб) понимается Британская палата Лордов. Англия знаменита своими клубами, объединяющими людей по интересам, которые часто носят закрытый характер.

За словами *Bard of Avon* (бард из Эйвона) стоит великий Шекспир, родившийся в этом городе.

Идиома *Kentish fire* (где *fire* – огонь, пожар) воспринимается, как гул неодобрения, бурное выражение аудитории своего несогласия или нетерпения. Этот оборот укрепился в языке в связи с проводившимися в Кенте в 1828-1829 гг. шумными собраниями, направленными против приверженцев католической веры.

Еще с более ранними историческими событиями соотносится выражение *Fight like Kilkenny Cats* (бороться до взаимного уничтожения, сражаться не на жизнь, а на смерть). Данное выражение восходит к легенде об ожесточенной борьбе между городами Килкенни и Айриштаун в XVII в., которая привела к их разорению.

Глагольный фразеологизм *Come (put) Yorkshire over smb* означает «провести», обмануть кого-то (йоркширцы знамениты своей хитростью).

I'se Yorkshire, too – в буквальном переводе: я тоже вижу Йоркшир (т.е. Я не глупее вас, не надо водить меня за нос).

Близким по смыслу с русским *ехать в Тулу со своим самоваром* оказывается английское *Carry coals to Newcastle* – возить уголь в Ньюкасл, т.е. возить что-либо туда, где этого и так достаточно.

Смысл английской пословицы *The battle of Waterloo was won in the playing fields of Eton* (битва при Ватерлоо была выиграна на спортивных площадках Итона) сводится к тому, что слава Англии куется в закрытых учебных заведениях.

Английскую часть выявленных нами выражений, включающих в свой состав ойконимы, включает шутливая фраза *go to Bedford(shire)* - отправиться спать, на боковую, где под Бедфордом имеется в виду название воображаемого города (графства), образованного от слова *bed* – постель.

По крайней мере, два из выявленных нами примера соотносятся с американскими ойконимами: *The bird of Washington* (американский орел) - государственный герб США и *California blankets* (букв.: Калифорнийские одеяла) – газеты, которыми укрываются в парке американские безработные.

Стоит упомянуть и о «перекрестных выражениях», когда в русских выражениях встречаются англоязычные ойконимы, а в английских – русские. *Как в лучших домах Лондона*, - говорят носители русского языка, делая ударения на последнем слоге имени британской столицы. К крылатым словам русского языка следует отнести цитату из стихотворения С.Я. Маршака «Мистер Твистер»: *Ты не в Чикаго, моя дорогая*. Данная фраза содержит предложение умерить свои требования, считаться с ситуацией, в которой далеко не все желания (даже разумные, оправданные), могут быть удовлетворены.

В свою очередь, зафиксировано выражение *(So – and – So) was my Moscow* (букв.: И это стало моей Москвой). Под этим высказыванием понимается поворот в чьей-то до сих пор удачливой судьбе, ведущий к будущим несчастьям и страданиям (имеется в виду неудачный поход Наполеона в Россию, приведший к закату его полководческой славы). Проведенный нами анализ позволяет сделать следующие выводы. Названия городов в русских и в английских предложениях перестают быть просто словесными обозначениями населенных пунктов. Включаясь в состав устойчивых словесных комплексов, они становятся единицами концептосферы двух народов, объективируя и вербализируя культурные концепты.

Универсальным представляется то, что и в русских, и в английских предложениях содержатся упоминания о значимых исторических событиях, житейский опыт прежних поколений, комические аллюзии, мудрость и меткость живого слова.

А. Н. Лангнер

**Функционирование прозвищ в современной речевой
коммуникации (на материале политической лексики
Демократической республики Конго и Камеруна)**

Язык – это символическая (знаковая) система, которая способна давать социальную характеристику говорящим, исходя из их культурной принадлежности (Fishman 1994, с.87). Одной из форм такой характеристики, безусловно, являются неофициальные антропони́мы (прозвища), присваиваемые человеку в обществе.

Прозвищные наименования – чрезвычайно важная часть современного мира, яркий показатель личной оценки и самооценки, отношений в коллективе, формирование которых «помогает становлению социальных, культурологических, психологических ориентиров личности» (Денисова 2007, с. 9). Проводимые исследования показывают, что существуют четыре основных уровня мотивации в создании прозвищных наименований.

К первому уровню относят внешне мотивированные прозвища, призванные описывать физические и/или интеллектуальные качества человека, или свойства его характера, которые являются основой для создания имени. Другой уровень составляют внутренне мотивированные прозвища. В их основе лежит вербальная аналогия. К третьему уровню причисляют прозвищные наименования, связанные с культурной аналогией. И, наконец, выделяют традиционные прозвища, ассоциируемые с социальной ролью, продиктованной очевидными внешними качествами.

Система присвоения прозвищ оказывает огромное влияние на процессы порождения и поддержания общественного порядка – она отмечает тех, кого отвергает социальная группа, тех, кто обладает привилегией «величать» друг друга по прозвищам, а также тех, кто выдвигается в лидеры существующего сообщества.

Африка – уникальное и идеальное место для изучения функционирования неофициальных антропони́мов. Языковая ситуация африканских стран свидетельствует о том, что прозвищные наименования пронизывают здесь совершенно разные сферы жизни общества: культуру, экономику, политику и т.д.

Политическая антропонимическая ситуация стран центральной Африки на сегодняшний день характеризуется обилием прозвищных наименований разного типа. Это обусловлено в первую очередь временными факторами постколониального существования африканских государств. Общество, почувствовавшее перемены в самых разных сферах общественной жизни, равно как и в политике, сталкивается с необходимостью процесса создания новых наименований. Очевидно, что данное явление существовало до и после образования независимых стран Африки, однако широкое освещение получает только лишь в настоящее время, когда африканскому обществу предоставляют необходимые условия для изучения языковой ситуации своего континента и ее сравнения с ситуациями в других франкоязычных странах мира.

В целом политическая сфера таких франкоязычных стран Африки, как Демократическая республика Конго и Камерун, характеризуется

следующими примерами внешне мотивированных прозвищных наименований:

В Демократической республике Конго для обозначения участника межконголезских переговоров употребляются прозвищные наименования *dialogueur m* или *dialoguiste m*. –

Il n'était pas question pour les « dialogueurs » de réinventer le Congo puisqu'il existe déjà. – «Перед участниками переговоров не стояло вопроса об образовании республики Конго, потому что она уже существовала» (La Référence Plus).

В стандартном французском языке Франции первого варианта нет, встречается только второй и переводится как *автор диалогов в фильме*.

Другим примером конголезских неофициальных антропонимов служит прозвище *facilitateur m*, переводящееся как *посредник в переговорах*. –

Ce processus a pour point focal le Dialogue national piloté par Sir Ketumile Masire en sa qualité de facilitateur. – «Этот процесс сфокусирован на Диалоге по национальному вопросу под руководством Сэра Кетюмилы Масира, выступающего в роли посредника в переговорах» (Le Palmarès).

Во французском языке Франции данное слово отсутствует.

Также во французском языке Демократической республики Конго можно наблюдать такие прозвища, как:

Dinosaure m (от общефр. *dinosaure* – «динозавр») – «старый функционер при президенте Муинии, обогатившийся за счет народа».

Mouvancier m (от общефр. *mouvance* – «сфера влияния») – «человек из команды Мобюту, который незаконным путем нажил свое состояние».

Primaturable m (от общефр. *premier ministre* – «премьер-министр») – «кандидат на пост премьер-министра» и т.д.

Что касается Камеруна, то здесь встречается прозвище *candidat-alibi m* (от общефр. *candidat* – «кандидат» и *alibi* – «алиби»), которое используется в значении *кандидат без реальной поддержки электората*. –

On a corrompu ... parfois publiquement ... les partis, afin qu'ils présentent, nombreux, des candidats-alibis. – «Многочисленные кандидаты, у которых нет реального электората, ... иногда в публичных целях ... дают взятки партиям для того, чтобы «оставаться на плаву» (Le Messenger)

Кроме того, употребляется неофициальный антропоним *affameur (m) de population* (от общефр. *affameur* – «эксплуататор, спекулянт» и *population* – «население») – «член правительства, занимающийся растратой публичных средств». –

Les seuls interlocuteurs que méritent selon moi ces affameurs de population ... c'est le juge de tribunal correctionnel. – «Единственное, чего заслуживают, по моему мнению, эти расхитители публичных средств ... это исправительный суд» (Challenge Hebdo).

Во французском языке Камеруна за прозвищным наименованием *ventriloque m* (от общефр. *ventriloque* – «чревовещатель»), первое значение которого *обжора*, в результате семантических изменений закрепились дефиниция *человек, рабски использующий бедное население страны*. –

Pendant ce temps ... ventriloque ne cesse d'encenser la plèbe, et jouit même d'une immunité révoltante. – «В течение этого времени поработитель не прекращает превозносить простой народ и даже пользуется возмутительной неприкосновенностью» (Challenge Hebdo).

Среди других наиболее распространенных камерунских прозвищ в области политики можно отметить:

Inapte politique (от общепфр. *inapte* – «неспособный» и *politique* – «политический») – «узурпатор, проявляющий малодушие в управлении публичными делами».

Politicien par décret (от общепфр. *politicien* – «политик» и *décret* – «декрет, постановление; указ») – «функционер-политик высокого ранга без политической подготовки».

Analphabète politique (от общепфр. *analphabète* – «неграмотный» и *politique* – «политический») – «политик, которые не читает или читает немного, не пишет вообще, мало думает, но дает поручения и инструкции» и др.

Как видно, французскому языку Демократической республики Конго и Камеруна, впрочем, как и другим странам африканского континента, свойственна активная номинативная деятельность в области существующих политических отношений. Прозвища подвергаются непрерывному историческому изменению под воздействием самых разных факторов. Они связаны с культурно-историческими факторами, характерными для каждого народа Африки, и отражают специфическое его состояние быта, духовного богатства и мировоззрения.

Литература

1. Денисова Т.Т. Прозвище как вид антропонимов и их функционирование в современной речевой коммуникации // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Смоленск, 2007..
2. Fishman J.A. The truth about the language and culture // International Journal of the Sociology of Language, 1994. – V. 109. – P. 83-109.

Е.И. Носырева, И.А. Стернин

К вопросу о сопоставлении *своего* и *чужого* в профессиональной терминологии

Терминология любой науки, как правило, включает много иноязычных по происхождению терминов. Это обычное явление для терминологии, чаще пользующейся латинскими или греческими корнями. Иноязычная терминология облегчает общение ученых разных стран, поскольку, будучи интернациональной в своем значительном объеме, облегчает понимание друг друга учеными, говорящими на разных языках. Кроме того, заимствование терминов и терминологических элементов отвечает тенденции

интернационализации словарного фонда, действующей во всех языках, которыми пользуются народы, находящиеся на высоком (и сопоставимом) уровне социально-экономического развития.

Однако при терминологизации тех или иных явлений необходим внимательный анализ имеющихся тенденций в соответствующей терминологии, а также учет национальных традиций, и здесь свое слово должны сказать не только специалисты в соответствующей области, но и лингвисты. Рассмотрим данную проблему на примере конкуренции в современной российской юридической терминологии терминов *медиация* и *посредничество*.

Разработанный по инициативе Торгово-промышленной палаты РФ проект федерального закона «О примирительной процедуре с участием посредника (посредничестве)»¹³ вместо термина «посредничество» предлагает термин «медиация».

Насколько целесообразно использование иностранного термина вместо русского?

Для этого необходимо проанализировать причины введения иностранного термина вместо русского и провести сопоставительный анализ семантики и употребления этих двух терминов.

Речь идет о названии федерального закона, которое, в случае его принятия, становится неотъемлемой частью законодательной базы Российской Федерации, вводится в юридическую и правоприменительную практику. Закон должен быть понятен носителю русского языка, не имеющему специального юридического образования. В предлагаемом законе сочетание русских слов «примирительная процедура с участием *посредника*» (курсив наш – Е.Н., И.С.) объясняется иноязычным словом «медиация». Это, с нашей точки зрения, по меньшей мере, непоследовательно - в таком случае логично было бы и посредника назвать «медиатором».

В отечественной литературе и среди специалистов в сфере альтернативного разрешения споров, конфликтологии, психологии употребление терминов *медиация* и *медиатор* является довольно распространенным и объясняется буквальным использованием английских слов «mediation» и «mediator». Однако то, что допустимо и удобно в научных исследованиях, в практическом речевом обороте узких специалистов, представляется нам неприемлемым для русскоязычного обозначения данной процедуры на законодательном уровне.

В соответствии с федеральным законом РФ «О государственном языке Российской Федерации» от 1 июня 2005 г.¹⁴ при использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка, за исключением

¹³ Первоначальная редакция разработанного проекта была опубликован в журнале «Третейский суд». 2005. № 5. С. 6-18.

¹⁴ Рос. газета. 2005. 7 июня. С.10.

иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке (ст. 6). Отсюда следует, что иностранные слова не должны применяться при наличии соответствующего русскоязычного аналога. Такими аналогами как раз и являются понятия *посредник* и *посредничество*. Их использование в полной мере отвечает отечественным правовым традициям.

Русские термины, а также обозначаемые ими явления, существовали с древнейших времен. Исследуя источники древнего русского судопроизводства, например, известный просветитель и правовед первой половины XIX века А. П. Куницын писал: «Из приведенных источников явствует, что посредники с древних времен присутствовали в судах новгородских. Временем и насилием сие установление могло быть ослаблено, или вовсе уничтожено; но в 1385 году оно было исправлено, или торжественно восстановлено».¹⁵

Традиция правового регулирования деятельности посредника нашла продолжение в Уставе гражданского судопроизводства 1864 года. В соответствии с его нормами примирительного производства мировой судья мог на основании соглашения сторон выполнять функции *посредника* в урегулировании спора по правилам, установленным для третейского суда.¹⁶

Термины «посредник» и «посредничество» достаточно известны современному российскому законодательству, регулирующему порядок разрешения различных споров. Первое упоминание о праве сторон на обращение к посреднику за разрешением экономических споров содержалось в законодательстве об арбитражных судах 1991 года. В действующем АПК РФ 2002 года непосредственное указание на право обращения к посреднику с целью урегулирования спора содержится в п. 2 ч. 1 ст. 135 АПК РФ. Это право разъясняется судьей арбитражного суда при проведении подготовки дела к судебному разбирательству.

Именно термины «посредник» и «посредничество», а не «медиатор» и «медиация» используются организациями, оказывающими содействие в проведении примирительных процедур. Так, при Торгово-промышленной палате РФ 12 мая 2006 года была создана Коллегия посредников по проведению примирительных процедур и утвержден соответствующий Регламент.

Таким образом, с учетом российских правовых традиций термин *посредничество*, обозначающий краткое название примирительной процедуры, которая проводится с участием посредника, заслуживает и достоин того, чтобы занять место в названии закона, регулирующего именно эту сферу общественных отношений.

¹⁵ Куницын А. Историческое изображение древнего судопроизводства в России. СПб. 1843. С.27.

¹⁶ См. Устав гражданского судопроизводства съ разъяснениями Сената по 1903 г. включительно. Екатеринославъ, 1904. С 44.

Замена русского термина *посредничество* в названии Закона на иноязычное *медиация* представляется нам необоснованной и с лингвистической точки зрения.

Лингвистический анализ показывает следующее:

1. Слово *посредничество* относится к разряду общеизвестных и общеупотребительных слов русского языка. Оно будет понятно в названии Закона и в его тексте любому грамотному человеку, не имеющему специального юридического образования.

2. Слово *посредничество* давно выступает в русском языке как юридический термин.

Уже в XIX веке это слово отражается в словарях в терминологическом значении – так, в словаре В.И.Даля оно толкуется следующим образом: *посредничество* – всякая деятельность для сводки, соглашения двух лиц или сторон, для склонения одного к продаже, другого к покупке, или для примирения спорящих, враждующих, тяжущихся.¹⁷

В более позднем словаре слово *посредничество* также имеет терминологическое значение. Словарь русского языка под редакцией А.П.Евгеньевой определяет посредничество так:

1. содействие соглашению, сделке между сторонами;

2. содействие примирению спорящих, ссорящихся, находящихся в тяжбе сторон.¹⁸

В Словаре русского языка С.И.Ожегова слово *посредник* определяется как «лицо или организация, при участии которых ведутся переговоры между сторонами».¹⁹

В толковом словаре под ред. С.А.Кузнецова терминологизированы как слово *посредничество*, так и слово *посредник*:

посредничество – содействие соглашению, сделке или примирению между сторонами;

посредник – лицо или организация, государство, при участии которого ведутся переговоры между сторонами.²⁰

Таким образом, слово *посредничество* является в современном русском языке общеупотребительным термином, закрепленным за юридической сферой. Как общеупотребительный термин, существующий в русском языке более 200 лет, он является общепонятным для носителей русского языка.

Русское слово *посредничество* предполагает участие в примирительной процедуре как лиц, так и организаций, а также государств, то есть имеет обобщающий смысл.

Общепонятность, древность происхождения, установившийся терминологический характер, обобщенность семантики слова, устоявшийся характер употребления как в юридической сфере, так и в

¹⁷ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. III. СПб. Диамант, 2002. С.341.

¹⁸ Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. В 4-х т. М. «Русский язык», Т. 3. С. 321.

¹⁹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. «Русский язык». 1983.

²⁰ Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А.Кузнецова.СПб. Норинт, 1998. С.936.

сфере повседневного общения людей термина *посредничество* обосновывает целесообразность его использования в качестве термина в рассматриваемом Законе.

3. Слово *медиация* имеет в современном русском языке ограниченное употребление и узкое значение.

В Словаре иностранных слов медиация определяется как «посредничество в международном споре третьего, не участвующего в споре, государства».²¹

Словарь русского языка под редакцией А.П.Евгеньевой вообще не содержит слова *медиация*, а слово *медиатор* определяется исключительно как «тонкая пластинка (костяная, целлулоидная) с заостренным концом, с помощью которой приводятся в колебание струны некоторых музыкальных щипковых инструментов» (т. 2).

Словарь русского языка С.И.Ожегова не содержит слов *медиация* и *медиатор*.

Наиболее авторитетный на сегодня Большой толковый словарь русского языка под редакцией С.А.Кузнецова также не содержит слова *медиация*, а термин *медиатор* приводится уже в двух значениях:

- тонкая пластинка (костяная, целлулоидная и т.п.) с заостренным концом, для извлечения звуков из некоторых струнных музыкальных инструментов; плектр;

- книжн. тот, кто выступает *посредником* чего-л., в чем-л.

Таким образом, слово *медиатор* в значении *посредник* появилось в русском языке недавно и имеет отчетливо книжный стилистический оттенок.

Кроме того, Словарь иностранных слов свидетельствует, что слово *медиация* в его наиболее употребительном значении означает посредничество между *государствами*, а не между лицами, то есть слово *медиация* имеет более узкое значение, чем слово *посредничество*.

Приведенные данные свидетельствуют о малоупотребительности и суженной сфере употребления слова *медиация* в русском языке, а также о том, что слово *медиация* не является синонимом слова *посредничество* в сознании носителей современного русского языка.

Лингвистические основания для законодательного установления синонимичности терминов *медиация* и *посредничество*, таким образом, отсутствуют. Термин *посредничество* привычней для носителей русского языка, общеизвестен, а также шире по значению термина *медиация*.

Таким образом, замена русского термина *посредничество* в названии проекта закона на иноязычное *медиация* является юридически и лингвистически необоснованной.

Нам представляется, что анализ, подобный проведенному в нашей статье, объединяющий усилия специалистов в области лингвистики и в конкретной профессиональной области, позволит мотивированно

²¹ Словарь иностранных слов / Под ред. А.Г. Спиркина. Изд. 11-е. М. 1984.

обосновать необходимость заимствования термина или отсутствие такой необходимости.

Раздел 3.

Сопоставительные исследования концептосфер

С.А. Моисеева, М. Н. Антипова

Сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентом - соматизмом *голова*, реализующих концепт «характер человека» (на материале западно-романских языков)

Сравнение как метод исследования языков применялся с древнейших времен, когда явления одного языка описывались на фоне сравнения с другими языками. Так, французская фразеология эпохи Возрождения сравнивалась с фразеологией классических или современных родственных языков (Estienne 1896, с.248). Но научные основы сопоставительной лингвистики (СЛ) благодаря открытию сравнительно-исторического метода были заложены в XVIII-XIX вв.

Методический инструментарий сопоставительных исследований чрезвычайно разнообразен; идеальным методом является применение языковых универсалий в качестве *tertium comparationis*.

Один из разделов СЛ – сравнительная лексикология изучает варианты лексических и фразеологических соответствий в языках, выявляет в них национальную специфику, поскольку именно этот аспект семантического пространства формирует национальную картину мира (Прощенкова 2006, с.193). Национально-культурная специфика фразеологии одного языка наиболее ярко проявляется при сопоставлении с устойчивыми выражениями другого языка.

Цель нашей статьи – выявление соответствий и различий между фразеологическими единицами (ФЕ) в западно-романских языках (французском, итальянском, испанском) с компонентом-соматизмом «голова» (fr.) *tête*, (it.) *testa*, (esp.) *cabeza*. Данный соматизм является одним из наиболее продуктивных, что объясняется его многозначностью

и многоаспектностью в языке. Сопоставительное исследование ФЕ с компонентом «голова» проводилось нами на материале толковых, двуязычных и фразеологических словарей трех родственных языков, и дало возможность увидеть универсальные и национально-специфические черты их фразеологического фонда.

Наблюдаемые эмпирические свойства лексической единицы «голова» *думать*, *мыслить* преломляются в сознании через призму антропологических понятий и запечатлеваются в идиомах фразеосемантического поля с переносными вторичными значениями, направленными на характеристику человека, его умственных способностей.

При описании *глупого* человека для наивного французского и итальянского языкового сознания характерно использование некоторых зоонимов и фитонимов, среди которых абсолютными эквивалентами являются:

fr. *tête d'âne*, it. *testa d'asina* (букв. голова осла);

fr. *tête de boeuf (de navet)*, it. *testa di buc (di rapa)*. Приведенные фразеологизмы переводятся как 'тупица'.

В выражениях fr. *tête d'oiseau* ('птичьи мозги'), it. *testa di gallina* ('куриные мозги') в качестве *tertium comparationis* выступает сема 'бестолковый'.

Во французском и итальянском языках такие понятия как 'балда, остолоп' определяются при помощи фразеологизмов со сходным идиоматическим значением, переданным идиомами с разным лексическим составом:

fr. *tête de cochon* syn. *tête de mullet (de mule)*, it. *testa a pero* syn. *testa di cavallo*) 'легкомысленный человек, дурья башка, балда, остолоп'.

Во французском языке аналогичные значения наблюдаются у ФЕ: *tête d'artichot*, syn. *tête de chou*. Мозг человека в первом случае отождествляется с мягкой сердцевиной артишока, во втором – с твердой сердцевиной капустного кочана.

Несмотря на факт наличия в испанской реальности вышеупомянутых животных и растений, испанская фразеология для дефиниции бестолкового, легкомысленного человека не располагает выражениями, содержащими зоонимы и фитонимы. Отсутствие единиц в одном из языков при наличии их в другом (других), при том, что сами обозначаемые предметы или явления присущи обоим культурам (немотивированные лакуны) показывает, что один народ как бы не замечает то или иное явление, не формирует о нем значения, закрепленного в языке (Стернин 2004, с.9).

Идиома fr. *tête de boche* (арго 'медный лоб; разг. кочан, глупая голова, дурья башка; прост. дурак') вероятно появилась во время второй мировой войны. Слово «*boche*» – номинативная единица с пейоративным компонентом, употреблявшаяся французами для обозначения немецких солдат. Таким образом, в ней отражена национально-культурная

специфика. В двух других исследуемых нами языках такая фразеологическая единица отсутствует.

В западно-европейской картине мира совпадают представления о пустоголовом человеке как о личности, не знающей, где находится собственная голова, что объясняется наличием универсальных черт в данных языках, представляющих собой абсолютные лексико-грамматические эквиваленты с общей объективной тождественностью (Чарыкова 2006, с.8):

fr. *n'avoir plus de (plus sa) tête à soi*, it. *non avere la testa con se, non sapere dove si ha la testa*, esp. *no saber dónde dar la cabeza* 'пустая голова, ничего не соображать, выжить из ума, страдать слабоумием (о старых, больных)'.

Наивысшая степень проявления глупости находит отражение в следующих выражениях, описывающих состояние нетипичное для головы как вместилища мозга:

fr. *être tombé sur la tête* разг. (букв. упасть на голову). 'тронуться, быть не в се бе'; *perdre la tête*, esp. *estar perdido de la cabeza* (букв. 'потерять голову') 'помутиться разумом'.

Наличие «дурной головы» во французской и итальянской фразеологиях является следствием того, что ее обладателю приходится совершать бесполезные, ненужные действия, по причине того, что «глупая голова» заранее всего не предусматривает:

fr. *quand on n'a pas de tête, il faut avoir des jambes*, it. *chi non ha la testa, abbia gambe* 'дурная голова ногам покоя не дает'

Французская и итальянская традиции придерживаются одинакового мнения о жизни людей, не обремененных интеллектом:

fr. *tête de fou ne blanchit jamais (pas)*, it. *testa di pazzo non incanutisce mai* 'дураки (беззаботные, беспечные люди) не седеют';

В результате метафорического переноса итальянская и испанская фразеологии характеризуют тупого человека, тугодума в следующими ФЕ:

it. *testa di ferro*, esp. *cabeza di hierro* (букв. 'голова из железа');

it. *testa di legno* (букв. 'голова из дерева');

esp. *cabeza d'acciaio* (букв. 'голова из стали').

Гораздо меньшее количество выражений во фразеологиях исследуемых языков характеризует умного человека:

fr. *tête bien ordonnée (meublée)*, it. *uomo di buona (di sua, di propria) testa*, esp. *estar bien de la cabeza* 'здравый, методичный ум'; 'иметь большие познания'.

Данные ФЕ совпадают по значению, стилистической окраске и близки по образности, но расходятся по лексическому составу, являясь частичными фразеологическими эквивалентами.

Значение «умная голова» находит свое отражение в народном творчестве, например, в пословице, известной как во Франции, так и в Италии: fr. *qui a bonne tête, ne manque pas de chapeau*, it. *chi ha testa non*

manca capello (букв. была бы голова, а шапка найдется) 'у кого есть голова на плечах, тот не пропадет'. Во фразеологии Испании подобное выражение отсутствует, что позволяет нам характеризовать его как эндемическую единицу.

В большинстве ФЕ с соматизмом «голова» присутствует имплицитная сема, не отраженная в словарной дефиниции этого слова: «слабый/твердый характер», «сумасбродство», «несерьезность», «легкомыслие», что находит отражение в ФЕ, характеризующих человека. Данные концепты передаются при помощи тропов:

fr. *tête faible* (букв. 'слабая голова') 'слабохарактерный, безвольный легковверный человек';

esp. *flanco de cabeza* (букв. 'боковая сторона головы') 'человек нетвердый в своих убеждениях';

В испанской идиоме *cabeza torcida* (букв. 'искривленная голова') 'неискренний человек, лицемер', под соматизмом «голова», вероятно, подразумеваются понятия «душа», «сознание». Не исключено, что в данных выражениях отражено мнение народа о лицемерах, как о людях, кривящих душой, о личностях с искривленным сознанием.

В ФЕ it. *con la testa nelle (in, tra le) nuvole* (букв. с головой в облаках), esp. *avoir la tête aux champs* (букв. иметь голову в полях) закреплено значение 'быть рассеянным'.

Такое свойство как легкомыслие во французском и итальянском наивном сознании вызывает ассоциации с ветреностью (Моисеева 2007, с.86):

fr. *tête éventée* 'ветер в голове';

it. *gli gira la testa* 'у него один ветер в голове'.

Во французском языке твердость характера может передаваться при помощи следующих ФЕ:

fr. *avoir la tête à soi*, it. *avere di sua testa* (ср. русск. 'иметь свою голову на плечах') 'иметь свои взгляды на вещи', 'проявлять характер, быть упорным';

esp. *cabeza di polvora* 'выдумщик, заводи́ла' или метафорического переноса: *faire tête à l'orage* 'проявлять твердость характера',

Следует отметить, что в западно-романских языках идиом с положительной коннотацией гораздо меньше, чем с отрицательной.

Таким образом, исследуемый материал показал, что необходимым условием сравнения является наличие реально обусловленных отношений сходства и расхождения между явлениями предметного мира, реализуемыми через отношения сходства, подобия, тождества и их противоположности, которые свидетельствуют о национальной специфике концептосфер народов западно-романского ареала. Национальное своеобразие западно-романской фразеологии апеллируют к опыту человека, который возникает в результате его воспитания в определенной культуре, в определенных социальных, исторических и географических условиях.

В исследуемых нами языках встречаются ФЕ со сходными значениями, переданными разными лексико-грамматическими моделями и тропами.

Все вышеприведенные идиомы с компонентом «голова» употребляются для описания характера человека и его интеллекта. Среди них наиболее частотны ФЕ, связанные с понятиями «глупость», «тупоумие», «ум», «бесхарактерность», «легкомыслие», «несерьезность», что объясняется стремлением людей высмеять интеллектуальную неполноценность и скверный характер человека, уподобив его порой неразумным существам или неодушевленным сущностям.

Идиомы, относящиеся к понятиям «ум», «рассудительность», «положительные черты характера» менее частотны, поскольку, фразеология, близкая по происхождению к народной разговорной речи, иронизирующей по поводу недостатков людей, не уделяет особого внимания положительной характеристике человека.

Литература

1. Моисеева С. А. Особенности метафорических фразеологических единиц французского языка с соматизмом *tête*, реализующих концепт «человек» // Проблемы идиоэтнической фразеологии.- Вып. 4 (7). – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007.
2. Прощенкова Н. В. Лакунарность и когнитивная картина мира в близкородственных языках // Язык и национальное сознание.- Вып. 8 – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2006.- с. 192-193.
3. Стернин И. А. Сопоставительная и контрастивная лингвистика // Сопоставительные исследования.- Воронеж: Изд-во «Истоки», 2004.
4. Чарыкова О. Н. Метафора в национальной картине мира // Язык и национальное сознание.- Вып. 8 – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2006.
5. Estienne H. La precellence du langage françois. – Paris, Collin, 1896.

Е.Ф. Нечаева

Предельное понятие «обладание» как выразитель «Я-концепта» в языке (на материале французского и русского языков)

Приоритет в современной лингвистике признается за антропоцентризмом. В сфере интересов исследователей все чаще оказываются проблемы познавательной деятельности человека. Отказ от системоцентризма в пользу антропоцентризма означает «переход науки о языке на качественно более высокую ступень познания действительности» (Попова, Стернин 2001, с.10). Эта тенденция предполагает обращение к анализу понятий «эгоцентрической направленности», изучение роли человеческого фактора в языке. Основными понятиями эгоцентрической направленности являются понятия «*бытие*» и «*обладание*». По теории Г. Гийома глаголы «*быть*» и «*иметь*» образуют базу для всех других глаголов, являя собой основу грамматики, так как для того, чтобы «что-то

делать, чувствовать, нужно, прежде всего кем-то *быть* и что-то *иметь*» (Guillaume 1938, с.3).

Понятия *бытия* и *обладания* тесно связаны между собой в речи и языке. При этом национально-культурная специфика соответствующих языковых картин мира может как противопоставлять эти понятия друг другу, так и объединять их в одно целое.

Понятие «обладание» вызывает устойчивый интерес ученых, о чем свидетельствуют многочисленные работы отечественных и зарубежных лингвистов, посвященные этой тематике (В.Г.Адмони, З.М.Невской, М.Н.Калининой, О.Н. Селиверстовой, Н.В.Друзиной, Л.Г.Кораблевой, Ф.Груббер, J. Falk, J. Lyons, A. Meillet, E.Seifert). Этот интерес объясняется не только важностью «обладания» как понятия, отражающего наиболее существенные отношения внеязыковой действительности, но и разнообразием языковых средств его выражения в различных языках, а также сложностью толкования его значения. Одни лингвисты понимают понятие «обладание» как только «владение», другие видят различные значения, реализующиеся в сочетаниях самой различной семантики. Однако до сих пор во всех исследованиях понятие «обладание» рассматривалось как **семантическая категория**, при этом наблюдалась неустойчивость и противоречивость в употреблении терминологии (посессивность, обладание, принадлежность, притязательность).

Противопоставление понятийной картины мира и языковой картины мира, в которой совокупность обобщенных формально-структурных представлений получает свое вербальное выражение, позволяет определить *обладание* как **концепт**, включающий в себя «разносубстратные единицы оперативного сознания» (Серебренников, Кубрякова 1988, с. 143), к которым, помимо понятий и представлений, относятся образы, установки, оценки, эмоции. В отличие от понятия, концепт не только мыслится, но и переживается, поэтому изучение концепта «обладание» предполагает определение его роли в вербализации чувства, в передачи переживания человеком окружающего мира.

Концепт «обладание» можно отнести к т.н. «лингвофилософским» концептам (Правосуд, 2004) которые имеют особое значение для понимания основ того или иного языкового сознания.

При анализе таких «лингвофилософских» концептов, как «обладание», на наш взгляд, наиболее интересные и объективные результаты могут быть получены путем применения особого подхода к пониманию концепта, получившего названия «герменевтико-лингвистического» (Снитко 1999, с. 8) . Суть этого подхода заключается в том, что исследователь идет от понятия и рассматривает все лексические и грамматические способы выражения этого понятия, постигая его истинный смысл в данной культуре. Говоря об особенностях герменевтико-лингвистического подхода, Т.Н. Снитко отмечает: «Наш подход есть попытка опереться на буквально понятого Л.Витгенштейна: «Когда философы употребляют слова *знание, бытие, предмет, я, предложение, имя* и стремятся постичь

суть вещи, всегда следует задаться вопросом: действительно ли это слово хоть когда-либо употреблялось таким образом в том языке, откуда они происходят» (Снитко 1999, с.48). По сути герменевтико-лингвистический подход не противоречит культурологическому, а остается в рамках последнего, но предметом анализа является не семантическое значение, а смысл слова. Разница между понятиями *семантического значения* и *смысла* принципиально важна. *Значения* конкретной языковой единицы в любом языке обычно достаточно четко определены, а *смысл* «не является принадлежностью собственно языковой единицы» (Снитко 1999, с.139). Герменевтико-лингвистический подход позволяет исследователю выполнять роль «интерпретатора, понимающего суть интерпретируемого» (Богин 1982, с.28) Иными словами, исследователю необходимо «вырваться» из пространства языкового сознания носителя языка, уйти от перевода, т.е. изложения мысли, высказанной на одном языке, средствами другого языка, а руководствоваться только смыслом. Например, при анализе смысла перфектных форм, скажем, французского языка, следует исходить не от конструкции прошедшего времени русского языка, а от сочетания вспомогательного и спрягаемого глаголов. Например: *J' ai vu – Je suis tombe* – не *я увидел – я упал*, а *я имею увиденным – я есть упавший*. Только в этом случае мы можем правильно интерпретировать смысл фундаментальных грамматических категорий бытия и обладания и сохранение этого смысла в форме перфекта.

Многомерные концепты, играющие основополагающую роль в понимании специфики той или иной лингвокультуры, рассматриваются Т.Н. Снитко в качестве «**предельных понятий культуры**» (Снитко 1999, с.1). Это определение позволяет глубинно раскрыть смысловое наполнение и культурологические особенности таких концептов.

Определения «**концепт**» и «**предельное понятие**» не являются взаимоисключающими. Абстрактные культурные концепты могут изучаться как «предельные понятия», что открывает для исследователя новые возможности. Необходимость сопоставительного анализа при рассмотрении предельных понятий разных лингвокультур становится очевидной, поскольку «культура сама является предельным понятием и понимается как таковая при наличии другой культуры» (Снитко 1999, с.7). Такое сопоставление, на наш взгляд, может представлять особенный интерес не только с точки зрения выявления смыслов сходных предельных понятий в двух лингвокультурах, их соотнесения, но и с точки зрения обнаружения некоего языкового потенциала в лингвокультуре в плане приобретения новых смыслов предельных понятий в будущем. Концепт «*Обладание*» представляет собой абстрактное понятие, трудно поддающееся вербальному эксплицированию, внутри оно является пустым, безденотатным и безреферентным. Смысловое наполнение его принципиально различно во французской и русской лингвокультурах и подвержено изменению в зависимости от исторической эпохи и от социальных условий в каждой лингвокультуре. Понятие «*обладание*»,

безусловно, способно создавать «рамку» для рассмотрения других понятий. На основании этого можно определить концепт «обладание» в качестве «предельного понятия культуры».

Сопоставительный анализ предельного понятия «обладание» и его смыслового наполнения в различных языках позволяет сравнить степень отражения личностного начала в языке, проследить выражение «Я-концепта». Исследователи «Я-концепта» подчеркивают особую сложность изучения этого концепта, составляющего основу существования человеческой личности и позволяющего ей ориентироваться в окружающем мире.

«Я-концепт» - восприятие своего «я» в картине мира неразрывно связан с понятиями «субъект», «личность». Предельное понятие «обладание» напрямую является выразителем степени отражения личностного начала в языке. Еще в 1926 году Шарль Балли в работе «*L'expression des idées de sphère personnelle et de solidarité dans les langues indoeuropéennes*» говорил о необходимости рассмотрения т.н. «персональной сферы» и «межличностной сферы», отражаемой языком (Bally 1936, с.2). Следует различать *собственно обладание* - то, что относится непосредственно к личности субъекта, *пространству ego* и *межличностное обладание* - то, что относится к *зоне межличностных отношений*.

Преломление смыслов во французской и русской лингвокультурах и степень отражения личностного начала во французском и русском языках принципиально различны. Давая подробный анализ употребления фундаментальных глаголов «иметь» и «быть» в русском языке, Н.В. Друзева отмечает, что «в русском языке никогда не было форм перфекта с глаголом «иметь», тогда как частотность употребления этого глагола в романских и германских языках объясняется наличием форм перфекта и тем фактом, что любое указание на владение чем-либо требует обращения к этому глаголу, в то время как в русском языке и здесь употребляется глагол «быть» (Друзева 2006, с.285). В результате «обладание» мыслится в романских и германских языках как активное действие, а в русском - как нечто происходящее помимо воли человека, отнюдь не как проявление собственной активности. Последнее стало поводом к утверждению, что основной религиозной и мировоззренческой идеей русского народа стала идея страдания, которая нашла отражение в языке: конструкция ***У него есть нечто***, выражающая идею обладания предполагает, что активным является именно предмет, а его владелец – лишь страдательное лицо (Правосуд 2004, с.5). На это же указывает Ю.А. Рылов, проводя сопоставительный анализ русских и итальянских конструкций, выражающих идею обладания. «Тот факт, что обладание чем-то в одних языках (в том числе итальянском) выражается прямопереходной моделью с глаголом типа *иметь*, а в русском языке по линии глагола *быть* с неагентивным субъектом в предложной форме, как бы отстраненным от объекта обладания, представленного в предложении в виде грамматического подлежащего, не может не свидетельствовать об особом

– «легком» отношении русских к собственности.» (Рылов 2006, с.51). На наш взгляд, такое положение вещей может, действительно, быть причиной легкого отношения к собственности, либо, наоборот, снижение личностного начала, отражение чего мы четко видим в этой конструкции, может объяснять излишнее возвышение материальных ценностей. С точки зрения языка, интересен тот факт, что концепт *обладание* в русском языке скорее подразумевается, чем говорится, как в значении «субъект и его собственность», так и в выражении квалификативного признака. Рассмотрим такой пример: *У Маши были красивые волосы. Волосы у Маши были красивые.* Анализируя аналогичный пример, Н.Д.Арутюнова отмечает, что в первом случае глагол «быть» имеет смысловое бытийное значение, а во втором – связочное (Арутюнова 1995 с.56). Но, если мы возьмем тот же пример в настоящем времени: *У Маши красивые волосы* или *Волосы у Маши красивые*, мы видим, что и в первом, и во втором случае (не важно - речь идет о наличии или одновременно и о характеристике признака субъекта) глагол *быть* опускается, т. е. объект обладания теряет категорию бытийности. В русском языке мы видим явное снижение личностного начала, предание понятию «обладание» оттенка некоторой «запретности», табу. Что же касается, французского языка, который по праву называют «образцовым иметь – языком» (Друзева 2006, с.254), в нем предельное понятие «обладание» является основным и подразумевает «бытие» через «обладание».

В выражении ощущений во французском языке почти повсеместно используется глагол «*avoir*», т.е. концепт «обладание» в дихотомии «обладание – бытие», что подчеркивает превосходство субъекта над силами природы и обстоятельствами.

Сравним:

Французский яз.	Русский яз.
J'ai chaud	Мне жарко
J'ai froid	Мне холодно
J'ai peur	Мне страшно
J'ai honte	Мне стыдно

Понятие «глагола-связки», как мы видим, остается в рамках функционального, структурного восприятия языка, тогда как лингвокультурологический анализ подразумевает осмысление любой грамматической категории. Очевидно, что в идиоматических выражениях, отличающихся очень высокой степенью частотности, типа: *avoir peur, avoir raison, avoir honte, avoir honneur, avoir faim, avoir soif, avoir tort, avoir la possibilite* и связанных с ними фразеологизмами, сохраняется первоначальное значение глагола «иметь», и дихотомия «иметь – быть» очень четко прослеживается.. В конце 17 века некоторые из этих идиоматических выражений перешли в русский язык из французского

языка: иметь совесть, иметь стыд, иметь вид, иметь успех, иметь значение и т.д. В русском языке они также встречаются достаточно часто, но несравнимо реже, чем во французском, причем, используются преимущественно в форме инфинитива или императива: *Имейте совесть, имейте стыд, он хочет иметь возможность*. Практически все они могут быть заменены синонимичными конструкциями, свойственными русскому языку с использованием формы предложного падежа и глагола «быть»: «У тебя совесть есть?», «У нас есть возможность» и т.д. Единственное идиоматическое выражение, которое «устояло» под натиском синтетизма русского языка, причем не только в форме настоящего времени, но и в форме прошедшего – это «иметь честь»: *Я имею честь пригласить Вас. Он имел честь познакомиться* и т.д.

Что касается форм перфекта во французском языке, то, можно сказать, что вся система сложных времен и их согласования построена по принципу отношения к «личностному», «субъектному» началу и дихотомии «обладание – бытие». Вспомогательный глагол в периферийном значении не уходит из концептуального поля обладания или бытия. Рассмотрим правила употребления вспомогательных глаголов «avoir / иметь» и «être / быть» в формах прошедших времен французского языка. Нормы их употребления сильно эволюционировали с 17 века до нашего времени, все больше и больше подчиняясь «субъектному» началу и дихотомии «иметь – быть». По сути вся грамматическая категории перфекта относится к концепту «обладание», так как это то, чем мы располагаем, и принцип выбора вспомогательного глагола зависит от принадлежности к понятиям «бытия» и «обладания». Принцип спряжения с глаголом «être / быть» в качестве вспомогательного и согласования с «*participe passé*» основан исключительно на понятии «субъектности» и уважении к пространству другого субъекта. Во французском языке с глаголом «быть» спрягаются все глаголы, неразрывно связанные с субъектом, исключая возможность употребления прямого дополнения. Глаголы, спрягающиеся с «avoir» в качестве вспомогательного не согласуются в роде и числе с «sujet», потому что они меньше затрагивают его «субъектное» начало и подразумевают употребление прямого дополнения. Если же прямое дополнение ставится перед глаголом, то «*participe passé*» согласуется с ним, а не с «sujet», в роде и числе, потому что акцент ставится на прямом дополнении.

Сравним:

Французский язык	Русский яз.
Je suis tombé	Я упал
Elle est restée	Она осталась
Vous êtes parties	Вы уехали
Elle était venue	Она давно пришла
J' ai bu une tasse de café	Я выпил чашку кофе

La fille qu' il a vue	Девушка, которую он увидел
-----------------------	-------------------------------

Если проанализировать приведенные конструкции с точки зрения герменевтико-лингвистического и гендерного подходов, то мы видим, что в русском языке «субъектность» подчеркивается согласованием в роде и числе во всех случаях с подлежащим, а во французском языке ощущается особенное «уважение» к пространству другого субъекта, что выражено в конструкции: «La fille qu'il a **vue** / Девушка, которую он увидел(а)» – в русском предложении род соотносится с подлежащим, а во французском – с прямым дополнением «**La fille**» (девушка).

В плане дихотомии «обладание - бытие» французский язык, будучи «образцовым иметь - языком», сосредотачивает свое внимание именно на пространстве *бытия* субъекта, экзистенции. Обладание существует ради бытия. Особенно ярко это прослеживается на анализе употребления притяжательных местоимений (языкового средства выражения обладания).

Сравним:

Je veux me faire couper mes cheveux (я хочу мне постричь мои волосы)	Я хочу постричь волосы
Ma parole (мое слово)	Честное слово
Il va garder ses dindons (он едет пасти своих индюков)	Он едет жить в деревню
Tu n'a pas ta langue dans ta roche (у тебя нет твоего языка в твоём кармане)	Ты за словом в карман не полезешь
Il parle dans sa barbe (Он говорит со своей бородой)	Он говорит невнятно
Ne mets pas ton doigt dans ton nez (не клади твой палец в твой нос)	Не ковырай в носу
Mon petit doigt me dit (Мой пальчик мне говорит)	Чутье мне подсказывает

Мы видим, что в русском языке категория «притяжательности» выражается только тогда, когда речь идет о принадлежности предмета какому-то определенному лицу, во французском же языке существует четкое разделение категорий «*adjectifs possessifs* / притяжательные прилагательные» и «*pronoms possessifs* / притяжательные местоимения». Притяжательные прилагательные употребляются очень часто и, порой, отходят от обозначения «принадлежности», переходя из концепта «обладание», в концепт «бытие», при этом появляется оттенок «наслаждения» своим жизненным пространством, откуда у французов знаменитое «*savoir vivre* / умение жить» или «*savourer la vie* / смаковать

жизнь». Например, в таких предложениях, как: «Je bois mon café / Я пью мой кофе» или «Je prends ma douche / Я принимаю мой душ», акцент ставится не на категории принадлежности, т.е. на *обладании*, а на процессе, на собственных ощущениях, на восприятии своего «я», т.е. является выразителем **«Я-концепта»**.

Для французского языкового сознания «я-концепт» оказывается чрезвычайно важным, поскольку будучи образцовым иметь-языком по форме, французский язык оказывается абсолютным быть-языком по сути. Это находит свое отражение во всей французской литературе, особенно наиболее «французских» течениях символизма и экзистенциализма и т.д.

В заключении хотелось бы отметить, что «Я-концепт», ощущение себя в языковом пространстве и в восприятии картины мира является основополагающим при рассмотрении особенностей того или иного языкового сознания. Мы видим, что во французском языке выражение личностного начала несколько гипертрофировано, а в русском – нивелировано *на уровне грамматического строя*.

Предельное понятие «обладание» и его смысловое наполнение служит показателем отражения личностного начала, выразителем «Я-концепта» в языке.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Национальное сознание, язык, стиль. – М.: Изд-во МГУ, 1995.
2. Богин Г.И. Концепция языковой личности): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Калинин, 1982.
3. Друзева Н.В. Фундаментальные глаголы бытия и обладания, функциональный и когнитивный аспекты): Дисс. ... д-ра филол. наук. – Саратов, 2006.
4. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2001.
5. Правосуд О.А. Бытийные предложения с глаголом «быть» и «иметь» в лингвофилософском аспекте // Тезисы докладов 2 международной научно-практической конференции. – Бийск, 2004.
6. Рылов Ю.А. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки. – М.: Гнозис, 2006.
7. Серебренников Б.А., Кубрякова Е.С. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988.
8. Снитко Т.Н. Предельные понятия в западной и восточной лингвокультурах. – Пятигорск, 1999.
9. Bally Ch. L'expression des idées de sphère personnelle et de solidarité dans les langues indoeuropéennes/ Zeitschrift L. – Gauchat, 1926.
10. Guillaume G. Théorie des auxiliaires et examen des faits connexes// Bulletin de la Société Linguistique de Paris. – T.39 – Paris, 1938.

Т.Б. Новикова

Метафора и заимствование концептов

Языковая личность посредством текстов, содержащих информацию, активно адаптирует к собственным потребностям фрагменты чужих картин мира в целях создания информационной среды своего обитания. Одним из способов такой адаптации является заимствование инокультурных концептов.

Метафоричность номинантов концептов создает дополнительные условия для заимствования концептов.

Приведем пример концепта, введенного автором-билингвом, личностный опыт которого сочетает в себе элементы двух лингвокультур, китайской и американской:

Chit duvu means "eat soybean", or "to make a fool of someone without his or her discovering it." Duvu, or tofu, is fine stuff. Low in cholesterol, high in protein, environmentally sound in production, and amenable to the rich spectrum of Chinese sauces. But it lacks the historic class of duck, the traditional expense of lobster. Cleverly seasoned and disguised, it tastes as good as the pricier platters. But it is not expensive, and cooks who pad an expensive dish with duvu know that a deceptive expansion of volume, a camouflage, has occurred. Eat duvu, eat dirt without knowing that it is dirt, foreigner – this was the message (Lee 1994, с.136).

Переносное значение имени концепта *chit duvu* «есть тофу» означает не только «питаться здоровой и дешевой пищей», но и «быть жертвой обмана». Именно метафорическая номинация служит средством переноса концепта в иную культуру.

Логическое мышление формирует понятие, в то время как моделирующая роль метафоры состоит в формировании представления об объекте. Метафорическое мышление позволяет сопоставлять несопоставимое с логической точки зрения. В метафоре фиксируются ментальные представления, основанные на интуитивном чувстве сходства между конкретными и абстрактными объектами.

Концепт, образованный на основе метафорической номинации, за счет охвата как рациональных, так и иррациональных связей явлений окружающей действительности, обладает большой эвристической силой, что может послужить причиной его заимствования.

Например, имена абстрактно-понятийных концептов *deus ex machina* (Бахтин 1979, с.96), *furor Teutonicus* (Розеншток-Хюсси 1997, с.181) выполняют функцию «сжатия кода», коротко называя абстрактно-понятийные феномены и одновременно актуализируя дополнительные культурные коннотации.

Обычным, и даже закономерным, явлением при переходе общеупотребительного слова в философский дискурс следует признать метафорический перенос, который становится нормой в случае употребления слова в качестве термина, например: *Sitz im Leben* «социальное положение» (Бергер 1996, с.108), *Erlebnis* «опыт» (Прист 2000, с.56), *Weltbild* «картина мира» (Casey 1987, с.274). Абстрактно-

понятийный концепт заимствуется в данном случае в том виде, в каком он существует в лингвокультуре-доноре, т. е. в виде метафоры.

Метафорический перенос осуществляется на основании ассоциативных связей, которые не всегда можно подвергнуть строгому компонентному анализу. Несоответствие семного состава единицы языка оригинала и потенциальных переводческих соответствий, а также осознаваемая носителем языка перевода культурная значимость ее мыслительного содержания, богатство инокультурного концепта, часто являются причиной заимствования концепта: *Walpurgisnacht* «шабаш» (Burke 1966, с.177), *Hintergrund* «подоплека» (Casey 1987, с.284), *coup de grâce* «знак милости» (Maugham 1980, с.135), *droit de seigneur* «право господина» (Коупленд 1998, с.169), *tour d'ivoire* «башня из слоновой кости» (Фаулз 1993, с.208).

Французская и немецкая лингвокультуры остаются традиционным источником заимствования абстрактно-понятийных концептов. Французский язык, по мнению В. Г. Гака, нередко прибегает к метафорическому переосмыслению там, где в русском языке, например, используются словообразовательные и иные средства (Гак 1998, с. 496). Немецкая философия всегда являлась признанным средством осмысления бытийных феноменов, и в англоязычном философском дискурсе функционируют такие немецкие абстрактно-понятийные концепты, как *Geist des Widerspruchs* 'the spirit of contradiction, the general spirit of perversity' (Burke 1966, с. 140, 152), *Ausgangspunkt* «исходная точка» (Burke 1966, с. 410), *Mitsein* 'being-with-others' (Casey 1987, с.105), *Nachträglichkeit* 'deferred action' (Casey 1987, с. 274), *Wesen* «сущность» (Casey 1987, с.285), *Urteilsenthaltung* «воздержание от суждения» (Прист 2000, с. 252), *Zumutesein* «модус настроенности» (Прист 2000, с. 259), а также концепты, не принадлежащие только философскому дискурсу, например: *Leitmotif* «лейтмотив» (Burke 1966, с. 358), *Heimatlosigkeit* «утрата родины» (Casey 1987, с. 195), *Leitfaden* «руководство» (Casey 1987, с. 263), *Angst* «страх» (Casey 1987, с. 274), *Sorge* «забота» (Casey 1987, с. 274).

Метафоричность подобных абстрактно-понятийных концептов, очевидная для носителей лингвокультуры-донора, способствует заимствованию, так как инокультурный концепт воспринимается носителем заимствующей лингвокультуры комплексно.

Литература

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979.
2. Бергер, Питер Л. Приглашение в социологию: Гуманистическая перспектива. – М.: Аспект Пресс, 1996.
3. Гак В. Г. Языковые преобразования. – М.: Языки русской культуры, 1998.
4. Коупленд, Д. Поколение Икс. Сказки для ускоренного времени: Роман/ Пер. с англ. // Иностранная литература. 1998. № 3. – С. 121 – 219.
5. Прист, С. Теории сознания. – М.: Идея Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000.

6. Розеншток-Хюсси, О. «Идет дождь», или Язык стоит на голове// Розеншток-Хюсси, О. Бог заставляет нас говорить. М.: Канон +, 1997.
7. Фаулз, Дж. Коллекционер. Башня из черного дерева: Роман, повесть/ Пер. с англ. – СПб: Северо-Запад, 1993.
8. Burke, K. Language as Symbolic Action. Essays on Life, Literature, and Method. – Berkeley & Los Angeles: University of California Press, 1966.
9. Casey, E. S. Remembering. A Phenomenological Study. – Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1987.
10. Lee, G. China Boy. – New York: Plume, 1994.
11. Maugham, W. S. Cakes and Ale. – М.: Progress, 1980.

А.В. Прохоров

**Актуализация понятийной области ЖИВОТНОЕ при
метафорическом описании объекта рекламы
(на материале русскоязычной и англоязычной рекламы)**

В настоящей статье рассматриваются особенности представления объекта рекламы посредством концептуальных метафор, построенных по модели ОБЪЕКТ РЕКЛАМЫ – это ЖИВОТНОЕ, которые выступают основой для осуществления инферентного вывода адресатом рекламного сообщения.

Создатели рекламы обращаются к понятийной области ЖИВОТНОЕ, чтобы акцентировать внимание на отдельных характеристиках объекта рекламы, значимых для адресата рекламного сообщения. Образование концептуальных метафор по модели ОБЪЕКТ РЕКЛАМЫ – это ЖИВОТНОЕ основывается на актуализации и переносе концептуальных характеристик из исходной понятийной области ЖИВОТНОЕ в новую понятийную область ОБЪЕКТ РЕКЛАМЫ.

В результате анализа толкований слов *животное, зверь, animal, beast*, репрезентирующих данный концепт в русском и английском языках, нами был выявлен набор концептуальных характеристик понятийной области ЖИВОТНОЕ, являющихся базисом для метафорического переноса.

Концептуальные метафоры по модели ОБЪЕКТ РЕКЛАМЫ – это ЖИВОТНОЕ позволяют автору рекламного сообщения передать необходимые имплицитные смыслы – импликатуры, которые представляют собой информацию о характеристиках и свойствах рекламируемого объекта. Деятельность адресата по извлечению имплицитных смыслов заключается в определении **импликатов** рекламного текста (языковых реализаций концептуальной метафоры), отсылающих к понятийной области, в границах которой следует осуществлять поиск и вывод импликатур (подробнее см. Молчанова 1998, Прохоров 2006). В данном случае импликаты рекламного текста активируют в сознании адресата исходную понятийную область ЖИВОТНОЕ и актуализируют ее концептуальные характеристики,

которые проецируются в новую понятийную область и актуализируют характеристики объекта рекламы. На основании выделенных концептуальных характеристик новой понятийной области ОБЪЕКТ РЕКЛАМЫ адресат осуществляет инферентный вывод.

В следующем рекламном тексте концептуальная метафора базируется на актуализации и переосмыслении концептуальной характеристики «внешний вид» понятийной области ЖИВОТНОЕ, которая объективируется за счет существительных *beauty* и *beast*: *Now 390 horsepower. Same beauty. More beast* (Motor Trend, January 2005, vol. 57, №1 – реклама автомобиля Chevrolet SSR). В данном примере концептуальная метафора ОБЪЕКТ РЕКЛАМЫ – это ЖИВОТНОЕ основывается на ассоциативной связи между внешним видом дикого животного и внешним видом автомобиля. Посредством концептуальной метафоры (ОБЪЕКТ РЕКЛАМЫ – это ЖИВОТНОЕ) передается информация о внешних характеристиках автомобиля: «красивый автомобиль», «мощный автомобиль», «быстр и резок в движении», которая выводится адресатом рекламного текста в результате инференций.

В следующих примерах концептуальная метафора выступает средством передачи следующих импликатур: «рекламируемый автомобиль приспособлен к любым дорогам» (1), «автомобиль для городской езды», «маневренный автомобиль» (2): (1) *Volvo S 60 AWD. Приручи вольного зверя.* (Изображение рыси) (Клаксон, ноябрь 2001, №22 – реклама автомобиля Volvo S 60 AWD). (2) *Городские джунгли – его стихия. Максимум возможностей. Максимум свободы.* (На картинке изображена улица, по которой ползают черепахи) (Вокруг света, ноябрь 2004, №11 – реклама автомобиля Toyota Rav 4).

Импликатами, указывающими адресату на содержание в текстах рекламы импликатур, являются **вербальные** (приручи вольного зверя (1); городские джунгли – его стихия (2)) и **иконические** (изображение воды и ползающих черепах на улицах города (2)) компоненты рекламных текстов. Названные вербальные и иконические импликаты рекламных текстов отсылают адресата к понятийной области, содержащей имплицитные смыслы, извлечение которых возможно благодаря инференциям адресата.

Концептуальная характеристика «способность издавать звуки» понятийной области ЖИВОТНОЕ подвергается метафорическому переосмыслению в случаях, когда усматривается некоторое сходство, аналогия между звуками, издаваемыми животными, и звуками, которые издаются техническими средствами. Так, в следующих примерах звук холодильного компрессора описывается как тихое мурлыканье кота, а звук двигателя автомобиля как хриплое рычание животного (*throaty growl*): *Они мурлычат так тихо... Бесшумный компрессор по технологии BONO (Италия) + новый эффективный хладагент. Тишина и надежность* (КП, 1-8 октября 2004, №185/40 – реклама холодильников Nord); *The all-new 200-hp Acura RSX Type-S. <...> The throaty growl of a revolutionary i-VTEC engine paired with a brand-new 6-speed manual transmission. You might just*

want to roll down the windows and take a good listen <...> (Rolling Stones, September 19, 2002, Issue 905 – реклама автомобиля Acura).

В процессе метафорического переноса из понятийной области ЖИВОТНОЕ в новую понятийную область ОБЪЕКТ РЕКЛАМЫ в ряде рекламных текстов актуализируются комбинации концептуальных характеристик исходной понятийной области ЖИВОТНОЕ. В таких случаях метафорическому переосмыслению подвергаются сразу несколько характеристик рекламируемого объекта. В рекламе автомобиля AUDI метафорический перенос ОБЪЕКТ РЕКЛАМЫ – это ЖИВОТНОЕ базируется на переосмыслении следующих концептуальных характеристик: внешний вид (*грация*), физическая сила (*сила дикого зверя*), среда обитания (*джунгли*), способность к передвижению (*мягко и уверенно движется*): *Audi Q7. Он здесь, чтобы взять своё. Он вышел из самого сердца каменных джунглей, чтобы стать хозяином этого города. Он – воплощение царящего здесь закона: сильнейший получает все. Audi Q7. В стремительных чертах его мощного корпуса – сила и грация дикого зверя. Двигатель 4,2 л мощностью 350 л.с. – основа его превосходства, а благодаря легендарному приводу quattro и многоуровневой пневмоподвеске этот хищник мягко и уверенно движется по любой дороге. Его час настал. Он пришел взять своё* (Русский Newsweek, 13-19 марта 2006, №10 – реклама автомобиля Audi Q7).

Описание характеристик автомобиля AUDI посредством концептуальной метафоры ОБЪЕКТ РЕКЛАМЫ – это ЖИВОТНОЕ стимулирует адресата к извлечению следующих импликатур: «оригинальный внешний вид», «мощный автомобиль», «автомобиль с хорошей управляемостью» и т.д.

В следующем примере метафорический перенос осуществляется на основании сходства по размеру между автомобилем и львенком, а также внешнему виду объектов («симпатичный»): *Хотите завести симпатичного львенка?* (Автомобили и цены, 19-25 сентября 2005, №37).

Импликат *львенок* (детеныш льва, т.е. животное небольшого размера) позволяет определить основание метафорического переноса – характеристику «небольшой размер». Таким образом, в данном примере посредством концептуальной метафоры в имплицитной форме передается информация сразу о нескольких характеристиках рекламируемого автомобиля: а) обладает небольшим размером (на основании чего формируется представление о принадлежности рекламируемой марки к соответствующему классу автомобилей); б) рекламируемый автомобиль имеет привлекательный внешний вид.

В результате анализа русскоязычной и англоязычной рекламы была выделена метафорическая модель ОБЪЕКТ РЕКЛАМЫ – это ЖИВОТНОЕ, которая характерна для обоих языков и позволяет адресанту передавать имплицитные смыслы (импликатуры), а адресату выводить их в результате инференций.

Литература

1. Молчанова Г.Г. Когнитивные проблемы категоризации: свертка смысла и емкость текста // Когнитивная лингвистика: Современное состояние и перспективы развития: Мат-лы Первой Междунар. shk.-семинара по когнитивной лингвистике. 26-30 мая 1998 г. - Тамбов: Изд-во ТГУ, 1998. – Ч. 1. – С. 48-51.
2. Прохоров А.В. Обусловленность процессов инференции импликациями рекламного текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2006.

О.В. Щукина

Специфика функционирования англоязычных вторичных поэтонимов в русском культурном пространстве

В процессе межкультурной коммуникации человек знакомится с особенностями мировидения носителей определенной лингвокультуры, в то же время, оставаясь представителем определенного лингво-культурного сообщества. Взаимодействие индивидов со специфическими комплексами культурно детерминированных знаний делает ощутимыми особенности национальных культурных пространств, существующих в сознании представителей этноса.

В. фон Гумбольдт писал, что «разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее...», «не просто отпечаток идей, а объединенная энергия народа» (Гумбольдт 2000, с. 349). «Каждый по-своему осознает предмет, находя в нем ровно столько своего, сколько нужно для того, чтобы охватить и принять в себя чужую мысль» (там же, с. 348).

Как считает В.В. Красных, «ядром» культурного пространства является национальная когнитивная база, понимаемая как определенным образом структурированная совокупность знаний и национально маркированных и культурно детерминированных представлений, необходимо обязательных для всех представителей данного национально-лингво-культурного сообщества (Красных 2003, с. 68-69). Так как каждый языковой коллектив по-своему расчленяет и классифицирует окружающий мир, концептосферы разных народов значительно различаются. Концепт (=культурный концепт), являясь единицей концептосферы, признается базовой единицей культуры, «сгустком культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» (Степанов 2001, с. 43).

Национальная специфика концептосферы находит отражение и в национальной специфике семантических пространств языков. Мышление народа овнешняется языком, и изучение представлений о действительности, зафиксированных в языке, позволяет судить о мышлении народа, о его когнитивной картине мира в тот или иной период.

Как известно, каждому языку присущ свой способ концептуализации действительности, который имеет национальные специфические и универсальные черты.

Таким образом, может возникнуть вероятность непонимания между людьми, так как «невозможен абсолютно адекватный выбор адресантом средств вербализации своей интенции» (Взаимопонимание в ... 2004, с.12). О.А. Леонтович приводит целый ряд коммуникативных помех. Среди культурологических она выделяет различия менталитетов и национальных характеров, различия в ценностных ориентирах, несовпадение культурно-языковых норм и т.д. (Леонтович 2004).

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают коннотации как результат культурно-специфических интерпретаций предметов, явлений и признаков реального и вымышленного мира представителями той или иной лингвокультурной общности, приписываемые языковым единицам.

Коннотативность, способность языковой единицы к актуализации дополнительных смыслов, рассматривается как свойство концепта культуры, вербализуемого культурно коннотированной языковой единицей (Быкова 2005). В нашем исследовании мы опираемся на понятие определенного вида культурной коннотации, а именно этноконнотации.

Вслед за О.И. Быковой, мы определяем этноконнотацию как «особый вид культурной коннотации, содержащей гетерохронные и гетерофункциональные компоненты этноконнотата (ЭК), которые вызывают в сознании коммуниканта отнесенность языковой единицы к определенному культурному пространству. Этноконнотат (ЭК) – макрокомпонент этноконнотации, включающий образную составляющую, маркированную ингерентными признаками-спецификаторами культурно-исторического характера: территориальной /локус/, временной /темпус/ соотношенности; этноэмотив (ЭЭ); а также признаки, связанные с особенностями функционирования культурного концепта в определенном социуме /социолект/ и определенной сфере употребления /функциолект/» (Быкова 2005, с. 42).

В фокусе нашего исследования находятся этноконнотированные во вторичной номинации лексические единицы, вербализующие концепты английской культуры, представленные поэтонимами. Под термином *поэтонимы* объединены категории имен, имеющие денотаты в художественной сфере человеческой деятельности: имена персонажей художественных произведений. В качестве иллюстративного материала нами были использованы ресурсы электронной базы данных British National Corpus (BNC), а также словари, российские газеты и художественные произведения.

В.В. Красных отмечает, что в разных культурах могут разниться не только инварианты восприятия одного имени, но и разные имена могут выступать эталоном одного феномена. Иначе говоря, потенциальную опасность при межкультурной коммуникации представляют случаи: 1) за одним именем, бытующим в разных культурах, скрываются разные

представления (одна форма – разные содержания); 2) одно «значение» имеет разные «вербальные репрезентанты», т.е. для его выражения используются разные имена (одно содержание – разные формы) (Красных 2003, с. 207).

Анализ этноконнотированных семем, реализуемых при вторичной номинации поэтонимов, показал особенности категоризации носителями языка индивидуальных проявлений и состояний, отражающих характер человека, различные формы поведения, а также особенности внешности человека на основании представлений о персонажах произведений искусства, возникающих у представителей англоязычной и русскоязычной культур. В данной статье мы хотели бы сопоставить особенности восприятия вторичных поэтонимов в двух культурах. Основанием для интерпретации образной составляющей данных ЭК поэтонимов служат знания сюжета и ансамбля действующих лиц произведений художественной литературы и произведений киноискусства англоязычной лингвокультуры.

Так, для представителей англоязычной культуры **Peter Pan** в первичной номинации, денотативной семеме Д1, персонаж одноименной пьесы Дж. М. Бэрри, мальчик, который, согласно сюжету, никогда не вырос, во вторичной номинации актуализирует две коннотативные семемы: К1(1) – a person who keeps a youthful appearance despite the passing of the time (Hornby), «человек, имеющий моложавый вид», К1(2) – a person who never seems to get older or grow up; an immature adult man, «человек, сохранивший детскую непосредственность»: *«He's the Peter Pan of the music business»* (Longman). ЭК маркирован признаком-спецификатором /темпус/: /1914 г./ В значении *инфантильный человек* ЭК маркирован признаком /презрительно/ в ЭЭ (Апресян).

В русскоязычной лингвокультуре данный поэтоним во вторичной номинации реализует коннотативную семему К1(1) – «человек, не желающий взрослеть, имеющий так называемый, «синдром Питера Пэна»: *«Конечно, ничего плохого нет в том, если люди выглядят моложе своих паспортных данных. Другое дело, когда погоня за вечной молодостью есть следствие психологических проблем - нежелания взрослеть. «Питеры Пэны» и легкомысленные «Барби» вроде уже не дети, но и взрослыми их не назовешь. Они не хотят принимать решения и брать на себя ответственность»* (КП). Таким образом, в русской лингвокультуре наиболее релевантным признаком является не моложавый вид, а именно инфантильность. В К1(2) Питер Пэн означает положительного героя: *«Он должен быть злодеем, а не героем. При обилии Питеров Пэнов должен же быть хоть один Капитан Хук»* (КП).

Scrooge в первичной номинации Д1, персонаж произведения Ч.Диккенса «A Christmas Carol», который известен своей скупостью и считает Рождество пустой тратой времени и денег, во вторичной номинации в англоязычной лингвокультуре реализует коннотативную семему К1 – a person who is very unwilling to spend money, miserly, mean-spirited (Hornby),

«скряга, жадный человек». *«EMPLOYMENT Secretary Gillian Shephard was today awarded the title “Scrooge of the Year” because of the Government's plans to abolish wages councils»* (BNC). *«In October 1961 Macmillan appointed him to the newly invented office of chief secretary to the Treasury, whose unenviable task was to play the role of Scrooge towards popular proposals for public expenditure»* (BNC). ЭК маркирован признаками-спецификаторами /функциолект/: /разг./, /темпус/: /1940 г./ и отрицательной оценкой в ЭЭ.

Русскоязычным лингво-культурным сообществом используется номинанта **Дядюшка Скрудж**, герой мультфильма, который известен своим богатством и жадностью. В то время как большинство русских прекрасно знакомы с персонажем мультипликационного фильма, очень немногие знают о его первом появлении в литературе. (**Дядюшка**) **Скрудж** во вторичной номинации реализует две коннотативные семемы. K1(1) означает «чрезвычайно состоятельный человек». В основе актуализации образной составляющей ЭК лежат ассоциативные представления носителей языка, связанные с невероятным богатством героя, который в буквальном смысле купался в деньгах: *«Главным «дядюшкой Скруджем» бывшего соцлагеря признан, естественно, президент ЮКОСа Михаил Ходорковский со своими \$8,3 млрд»* (КП). Коннотативная семема K1(2) – «жадный, скарредный человек»: *«Я не из тех людей, которые транжирят деньги направо и налево, как только получают значительную сумму, но и не «дядюшка Скрудж». Я понимаю, что деньги важны, но считаю глупым беречь каждую копейку»* (АиФ); *«А по каким признакам, пока не поздно, определить, каким ваш избранник окажется в семейной жизни? Может, жутким занудой и скупцом похлеще дядюшки Скруджа!»* (АиФ).

Shylock в первичной номинации D1, еврей ростовщик в пьесе У. Шекспира «The Merchant of Venice». Как в англоязычной так и русскоязычной лингвокультурах производный концепт от этого базового концепта вербализован коннотативной семемой K1 – a person who is very mean or greedy for money (Hornby), «бессердечный, жадный ростовщик». *«But to his unfortunate son and daughter (William Armstrong and Margo Gunn) he seems to “make Shylock look like Dr. Barnardo” as he keeps them in penury with each request for money causing him acute physical pain»* (BNC). ЭЭ содержит признак /пренебрежительно/. ЭК маркирован признаком-спецификатором /темпус/: /1786 г./.

В русской лингвокультуре данный вторичный поэтоним употребляется в аналогичной функции: *«А все просто — нет у россиянина так называемой «кредитной истории», не может банк поверить ему за красивые глаза. Потому и «рекордно низкие» ставки за кредит составляют 12–25% годовых, чему позавидовал бы пушкинский ростовщик и сквалыга Шейлок, — это необходимая компенсация за риск невозврата»* (АиФ).

Кроме того, в русской культуре присутствует такой поэтоним как **Плюшкин**, в D1 персонаж романа Н.В. Гоголя «Мертвые души».

Производный концепт от этого базового концепта вербализован коннотативной семемой K1 – «скупой и хранящий ненужные вещи человек»: *«Ты настоящий Плюшкин! – весело объявила она пришедшему под вечер мужу и указала на гору старого барахла, сложенную в прихожей»* (МК). *«...они носились по Москве в поисках приличной мебели и хрусталя. Муза, как Плюшкин, скупала комиссионки и тащила все в свое новое жилище»* (МК).

В.В. Красных пишет, что зачастую разные имена, пришедшие из разных культур (или русское имя и заимствованное) занимают в культурном пространстве аналогичные, равноуровневые «ниши». Но существование, «параллельное» функционирование таких феноменов возможно только в том случае, если они «разошлись» хотя бы по одному какому-то «параметру, например, по коннотациям...» (Красных 2003, с. 207). Так, Дядюшка Скрудж в первую очередь реализует коннотативную семему «богатый и скупой человек», Шейлок – «скаредный ростовщик», а Плюшкин – «жадный коллекционер бесполезных вещей».

В английском языке **Man Friday** в первичной номинации Д1, персонаж произведения Д. Дефо «Robinson Crusoe», во вторичной номинации реализует коннотативные семемы K1(1) – a trusted male assistant, who does many different jobs in an office (Oxford Guide to British and American culture), «компетентный помощник, ассистент, выполняющий поручения в офисе, правая рука» и K1(2) – a loyal and trusted male servant (Longman), «верный преданный слуга» (Апресян). *«And don't start giving me any of that Man Friday, racial stereotyping, bro!» - «The reference is, apparently, to Robinson Crusoe's "man" (servant), whom he named "Friday"».* (BNC). *«Girl Friday/Man Friday - The JobBank is looking for someone special! We are looking for someone bright with impeccable manners and a firm commitment to Excellence. We want someone of good character and unquestioned integrity...»* (<http://www.Itsemaj.com/joblistings>). ЭК маркирован признаком-спецификатором /темпус/ в американском варианте английского языка. ЭЭ содержит признак /пренебрежительно/. (Wikipedia).

В русскоязычной лингвокультуре производный концепт вербализован коннотативной семемой K1 – «верный друг, помощник». *«Пожалуй, Робинзону Крузо жилось гораздо легче. Во всяком случае, на его острове не было лютых морозов, еда росла прямо на деревьях, и даже нашелся верный друг Пятница. Иван Вережкин живет совершенно один»* (Дачная газета).

Frankenstein в первичной номинации Д1, персонаж произведения М.Шелли «Frankenstein», создающий чудовище, которое впоследствии его убивает. Словосочетание **Frankenstein's Monster** во вторичной номинации K1(1) означает a thing that cannot be controlled by the person who creates it, and causes great trouble and danger (Hornby), «создание, приводящее к гибели своего создателя» (Апресян). В основе актуализации образной составляющей ЭК лежат знания сюжета и главных действующих лиц произведения и ассоциативные представления носителей языка, связанные

с ситуацией, описанной в книге. *«It is almost as though bad organizations are self-created Frankenstein monsters beyond the control or influence of leaders»* (BNC). *«The Government have created what could be called Frankenstein private monsters»* (BNC). Во вторичной номинации также реализуется коннотативная семема K1(2) **Frankenstein** – «чудовище в облике человека». *«What I experienced as I fell on my knees was a metaphor; I saw the technological society into which I had been born as a Frankenstein body from which the spirit was missing»* (BNC). Примечательно, что в электронной энциклопедии Wikipedia мы находим указание на ошибочную апелляцию к данному персонажу как следствие незнания сюжета.

В русском языке актуализируется коннотативная семема K1 – «монстр, чудовище в облике человека». Так как знание сюжета лежит в основе когнитивной структуры феноменологического типа, сложившейся в сознании представителей англоязычной культуры, а образная составляющая ЭК вторичных номинант интерпретируется ошибочно, можно сделать вывод, что большинство представителей данной культуры незнакомы с сюжетом. *«Актриса Мелани Гриффит «рассыпается» буквально на глазах: и все из-за своего пристрастия к пластическим операциям. ...В общем, не человек, а Франкенштейн в юбке какой-то. Красота, конечно, требует жертв, но не до такой же степени»* (КП).

Сопоставление рассмотренных нами фрагментов национальных картин мира, зафиксированных в английской/американской и русской лингвокультурах, позволяет выявить специфику использования этноконнотированных во вторичной номинации поэтонимов, которые могут категоризовать различные смысловые сферы (внешность человека, черты характера, социальное положение, род занятий, убеждения и т.д.), а также подтверждает коммуникативную значимость концептов, вербализованных поэтонимами английского языка, как фактов культуры. Таким образом, в специфике функционирования англоязычных вторичных поэтонимов в русском культурном пространстве находит отражение тенденция формирования межкультурной личности с высоким уровнем культурно-языковой компетенции. (Леонтович 2004: 120). Это предполагает способность к эффективной коммуникации в новой лингвокультурной среде и умение выразить собственную идентичность посредством чужого языка.

Литература

1. Быкова О.И. Этноконнотация как вид культурной коннотации (на материале номинативных единиц немецкого языка). –Воронеж, 2005.
2. Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности: в 2 ч. / под ред. Л.И. Гришаевой, М. Поповой. – Ч. 1. – Воронеж, 2004.
3. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 2000.
4. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). – М.: Диалог – МГУ, 1998.

5. Леонтович О.А. Перспективные тенденции в исследовании межкультурного общения// Взаимопонимание в диалоге культур : условия успешности . – Ч. 1. – Воронеж, 2004 . – С. 102-124 .
6. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. –2-е изд., испр. и доп. – М.: Акад. Проект, 2001.

Раздел 4.

Сопоставительная лингвокультурология

Лопатина М.Г.

Функционирование фразеологизмов с прагматонимами как базисными компонентами в немецкой и русской лингвокультурах

Проблема связи языка и культуры вызывала интерес языковедов разных эпох. Уже первые этимологические опыты античных грамматиков стимулировались идеей реконструкции «истинного» представления о слове, стремлением за каждым словом увидеть «первородный» образ предмета или явления. По словам Мокиенко, история и этимология устойчивых словосочетаний в этом отношении казались всегда более перспективными, ибо соединение слов – это уже какой-то связный рассказ, более или менее выкристаллизовавшийся образ (Мокиенко 1986, с. 3).

Именно поэтому языковеды пытаются раскрыть происхождение тех или иных фразеологизмов. Поскольку идиоматика любого языка является отражением, каких-либо национальных реалий, составлявших в свое время самобытность культуры того или иного народа, в языкознании общепризнанным на сегодняшний день является мнение о том, что развитие исследований в области фразеологии возможно лишь при условии серьезного внимания к языку как к вербальному коду культуры.

Фразеологические единицы (ФЕ), отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы. Фразеологизмы - это своеобразные микромиры, они содержат в себе «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам» (Маслова 2004, с.82). Это душа всякого национального языка, в которой неповторимым образом выражаются дух и своеобразие нации.

Фразеология есть фрагмент языковой картины мира. Фразеологические единицы всегда обращены на субъекта, т.е. возникают они не столько для

того, чтобы описывать мир, сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и выражать к нему субъективное отношение. Именно это отличает фразеологизмы от других номинативных единиц.

В. Н. Телия пишет, что фразеологический состав языка — это «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» (Телия 1999, 5). Именно фразеологизмы как бы навязывают носителям языка особое видение мира, ситуации.

Это могут быть сведения о быте народа (русск. *печки-лавочки* — это символ повседневной жизни, когда домашние разделяют и пищу, и ночлег, и радости, и горе), об этикетном поведении (*ломать шапку* — приветствовать кого-либо), о традициях и обычаях (нем. *Bohnenfest, jemand hat die Bohne gefunden* — в день Бобового короля по обычаю в праздничный пирог запекали фасолину. Девушка, нашедшая фасолину быстрее своих подруг, должна была быстрее обручиться и выйти замуж), различные реалии (русск. *ехать в Тулу со своим самоваром* — вести что-либо куда-либо, где это имеется в избытке) факты его истории (нем. *rein (rein) in die Kartoffeln, raus aus den (aus die) Kartoffeln* — происхождение этого фразеологизма связывается с именем Фридриха Вюльфинга, который рассказал на страницах журнала «*Fliegende Blätter*» историю о военных учениях, во время которых солдаты то занимали позицию на картофельном поле, то покидали его, поскольку оно не могло служить укрытием) и т.д.

Проще всего понять и объяснить культурный аспект тех фразеологизмов, в значении которых большую роль играет **денотативный аспект**. Для примера проанализируем фразеологизмы, одним или несколькими компонентами которых являются названия предметов национальной культуры: *щи лаптем хлебать* (об очень простом человеке), *как с писаной торбой носиться* (уделять много внимания). Эти фразеологизмы в самом своем лексическом составе содержат указание на сферу материальной культуры — *щи, лапоть, торба*. Их значение и неодобрительная оценка формировались с учетом значений входящих в них лексем. Так, *щи* — слишком простая народная пища, вместо ложки употребляется простейшая обувь — *лапти*, кушать которыми недостойно, отсюда неодобрительная оценка; *торба* — вид сумки, которую раньше носили нищие и прочий простой люд, она не является ценной вещью, ибо хоть и *писаная*, но все же *торба*, а отсюда те, кто носится с ней, вызывают неодобрение.

По мнению В.Н. Телии, изучение фразеологического состава языка в контексте культуры — благодатная почва для выявления и описания тех языковых средств и способов, которые воплощают во фразеологические знаки культурно значимые смыслы, придавая им тем самым и функцию знаков «языка» культуры. Выступая в этой роли, фразеологизмы не только выражают и межпоколенно транслируют, но и формируют в непрестанном диалоге этих двух разных семиотических систем культурное самосознание народа — носителя языка (Телия 1999, с. 9).

Итак, фразеологизмы несут в себе культурную информацию о мире, социуме. Поэтому ФЕ – своего рода «кладезь премудрости» народа, сохраняющие и воспроизводящие его менталитет, его культуру от поколения к поколению.

Исследования фразеологических единиц становятся все более актуальными с позиций когнитивной семантики. Возникновение когнитивной лингвистики привело к широкому использованию в лингвистических исследованиях термина *концепт*. «Концепт понимается как глобальная мыслительная единица представляющая собой квант структурированного знания. Концепты – это идеальные сущности, которые формируются в сознании человека» (Попова, Стернин 1999, с. 4). Семантика слов и фразеосочетаний в системе языка – это важнейший источник наших знаний о содержании тех или иных концептов. В то же время фразеологические концепты формируются из признаков, важных для культурно-исторического развития определенного народа, а также из своеобразного национального понимания и категоризации окружающей действительности. Поэтому фразеологические концепты в основном несут национальный характер, специфический для каждой этнической общности. По мнению Л.В. Ковалевой, полное тождество фразеологической концептуализации чрезвычайно редкое явление. Чаще одни и те же явления быта и окружающей действительности порождают разные ассоциации, осмысляются с разных сторон, в них видятся разные концептуальные признаки, которые становятся основой фразеологических концептов, выражающих сугубо национальное отношение к миру носителей той или иной культуры. Отражение в языке объективной действительности, присутствующей в сознании говорящего, принято называть *денотативной ситуацией*. Под *денотативной ситуацией* понимается определенная целостность отражаемого фрагмента действительности, объединенного набором признаков обобщенного характера с выделением центральных, существенных, и случайных, периферических (Ковалева 2004, с. 19).

В последние годы растет интерес к сопоставительному изучению фразеологических единиц разных языков. Что касается фразеологии немецкого языка, она стала объектом сопоставительного анализа сравнительно недавно, и труды по данной тематике исчисляются единицами. Автором первой книги по системно-структурному сопоставлению немецкой и русской фразеологии является А.Д. Райхштейн, чьи принципы и положения до сих пор остаются основополагающими для исследований подобного рода (Слово. Фраза. Текст 2002, с. 109).

Поскольку фразеологизмы выражают национально окрашенное отношение к миру, образу жизни, системе ценностей, хранящих традиции той или иной этнокультурной общности, изучение их в этом направлении вызывает интерес к рассмотрению фразеологизмов как способу представления знаний представителей определенной культуры в языковом сознании. Сопоставление устойчивых словосочетаний разных языков

представляет как теоретический, так и практический интерес и дает важные сведения для теории и практики перевода, для методики преподавания иностранных языков. В то же время они являются ценным страноведческим материалом, поскольку в них наиболее очевидны этнолингвистические компоненты.

Материалом нашего исследования послужили русские и немецкие фразеологизмы, содержащие наименования предметов домашней утвари, мебели, продуктов питания, одежды в качестве базисных компонентов. Данная группа номинативных единиц получила название «прагматонимы». Под термином прагматонимы Н.В. Подольская понимает группы номинативных единиц, имеющих денотаты в прагматической сфере деятельности человека: предметы домашней утвари, мебель, продукты питания, одежда, точки питания. (Подольская 1978, с. 113). Предметы домашней утвари относятся к реальным знакам внешнего мира («реалемам») с особым семиотическим статусом. Объекты и предметы, в том числе повседневного обихода несут функционально значимые для культуры смыслы, придающие обозначающим их именам роль знаков «языка культуры» (Быкова 2005, с. 209).

Как показал сопоставительный анализ исследуемой группы фразеологизмов, существуют полные и частичные совпадения. Полные совпадения возникают на основании ассоциаций у обоих народов, обусловленных общностью тех или других предметов окружающей действительности. *бездонная бочка* - *das ist ein Faß ohne Boden*; *кровь с молоком* - *wie Milch und Blut*; *подливать масло в огонь* - *Öl ins Feuer gießen*; *новая метла чисто метет* - *neue Besen kehren gut*; *стричь под одну гребенку* - *alle über einen Kamm scheren*; *плясать под дудку* - *nach j-m Pfeife tanzen*; *в чем мать родила* - *im Adamskostüm*;

Отметим, что зачастую фразеологизмы сравниваемых языков имеют в своем составе образы близкие, но не **тождественные**. Это часто слова одной тематической группы. Например, в немецком языке говорят *dürr wie eine Spindel* - *тощий как веретено*. В русском языке такое сравнение звучит непривычно и странно, потому что традиционным здесь является форма «*тощий как жердь*» или «*худой как щепка, соломинка*».

Для иллюстрации частичных совпадений обратимся к следующим фразеологизмам: *От горшка два вершка* - *j-m ist ein Dreikäsehoch*; *в лепешку разбиться* - *sich vor Eifer fast umbringen*; *как сыр в масле кататься* - *wie die Made im Speck leben*; *заваривать кашу* - *sich eine schöne Suppe einbrocken*; *быть под каблуком* - *unter dem Pantoffel sein*; *прислать гарбуза* - *einen Korb bekommen*; *молоко на губах не обсохло* - *j-m hat noch die Eierschalen hinter den Ohren*; *до последней нитки* - *kein Hemd mehr auf dem Leibe haben*; *нашла коса на камень* - *Stahl auf Stein gibt Feuer*.

Отсутствуют соответствия у большинства шуточных образований, которыми так богата обиходная разговорная речь, например *er tut, als hätte er die Weisheit mit Löffeln gefressen* – так говорят с насмешкой о человеке,

мнящем себя умнее других. В русском языке аналогичного фразеологизма не выявлено.

Отметим также, что многие бытовые явления, характерные для одной культуры (одежда, танцы, обычаи, национальные блюда и т.д.) мало известны или совершенно незнакомы представителям другой культуры. Например, русск. *штаны у вас навывпуск, ведь я продаю не лапти*; нем. *Handkäs mit Musik* – особый вид сыра с луком, уксусом и маслом; *Spezi* – коктейль из фанты и колы.

В целом фразеологический корпус любого национального языка является своеобразным источником знаний о культуре народа. В глубинных связях устойчивых словесных комплексов закодированы сообщения о мире конкретной страны: ее истории, душевном складе народа, образе жизни. Принципиально важным для понимания национальной специфики фразеологии, раскрытия ее неразрывной связи с национальной культурой является восстановление экстралингвистической ситуации, обусловившей возникновение фразеологического образа.

Литература

1. Быкова О.И. Этноконнотация как вид культурной коннотации (на материале номинативных единиц немецкого языка). – Воронеж, 2005.
2. Ковалева Л.В. Фразеологизация как когнитивный процесс – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004.
3. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. Пособие для студ. Высш. учеб. завед. – 2-е изд., стереотип. – М.: Издательский центр «Академия», 2004.
4. Мокиенко В.М. Образы русской речи; Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии – Л: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986.
5. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии – М.: Изд-во «Наука», 1978.
6. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях – Воронеж, 1999.
7. Слово. Фраза. Текст. Сборник научных статей к 60-летию проф. М.А. Алексеенко – М.: «Азбуковник», 2002.
8. Телия В.Н. Фразеология в контексте культуры – М.: «Языки русской культуры», 1999.

И.В. Дукальская

Особенности английского лингвокультурного кода «Артефакты»

Язык и деятельность человека очень тесно связаны; все, что человек познает в процессе жизнедеятельности, находит отражение в языке. Культурные, экономические и научные контакты разных народов делают необходимым исследование соотношения между языком и культурой. Разработкой этих проблем занимаются такие научные дисциплины как лингвокультурология и лингвострановедение.

Лингвострановедение изучает совокупности так называемых культурных реалий, составляющих колорит образа жизни определенного народа в его непосредственной связи со спецификой лексики и фразеологии данного языка, а также рассматривает этноязык в неразрывной связи с социокультурным компонентом его функционирования.

Лингвокультурология как научная дисциплина представляет собой совокупность знаний о национально-культурной специфике, организации содержания речевого общения и помогает сформировать адекватную языковую картину мира как составную часть целостной картины мира.

Знания в области культуры носителей данного языка релевантны для построения и понимания речи на этом языке, поскольку в основе языковой компетенции лежит культурная компетенция. Хорошую возможность в плане единого описания языковых и культурных объектов представляет семиотика культуры. В рамках этой теории этнокультура предстает как система взаимодействующих гетерогенных кодов, а центральным звеном этой системы выступает естественный язык. Все компоненты культуры могут описываться одной и той же системой понятийных категорий, а именно категорией теории знаков. Различные подсистемы этнокультуры – обряды, мифы, ритуалы, этические и идеологические кодексы, система запретов и предписаний, система образов и т.д. – в рамках семиотики культуры рассматриваются как культурные коды, способные к взаимодействию, взаимовлиянию и взаимной экспансии. По Ю.М.Лотману (Лотман 1994), именно перекодирование, перевод информации с одного кода на другой способствует обогащению и развитию этнокультуры. Это и приводит к возникновению «гибридных» знаковых систем, именуемых лингвокультурными кодами.

Все выше обозначенное в полном объеме относится к английскому лексико-фразеологическому полю «Артефакты». (Артефакт – от лат. *artefactum* – *искусственно сделанное* ... «предмет, изготовленный, сделанный человеком» (Толковый словарь русского языка, электронная версия). Эта часть этнокультуры входит в сферу интересов лингвострановедения, поскольку вместе с обычаями, традициями, праздниками, культурой питания, национальным костюмом и другими элементами культуры в значительной степени этнически маркирована. Народ, веками живущий на одной территории, в определенных географических и климатических условиях, формируется во всем своем этническом своеобразии. в зависимости от Вышеперечисленными условиями во многом определяются традиционные виды производства, характер жилища, одежды, предметов хозяйственного обихода, орудий труда, оружия и предметов потребления. Английская нация формировалась в своеобразных культурно-исторических и природных условиях. Географическое положение оказало влияние на своеобразие климата. Начиная с периода заселения Британских островов кельтскими племенами, сельское хозяйство было по преимуществу аграрным, так как большая

часть Великобритании состоит из низменностей с плодородными почвами и достаточно благоприятным климатом. В гористой местности разводили коз и овец, благодаря их шерсти появился знаменитый английский твид. Островное положение послужило решающим фактором в развитии рыболовства и мореплавания. Так как Британия значительный период своей истории являлась колонизатором, она имела один из самых развитых флотов в мире. Бедность страны полезными ископаемыми заставила еще в начале 17 века развивать производство и Англия одна из первых в Европе осуществила технологический прорыв.

Артефакты, связанные с мореплаванием, рыболовством, животноводством (овцеводством), техникой, легли в основу создания символических образов английского народа. Изменчивость британского климата также породила множество концептов, связанных с переменами в погоде, которые часто символизируют перемены в общественной и культурной жизни, отсюда популярное английское выражение *as changeable as weather*.

Эти исходные моменты повлияли на систему артефактов и на систему концептов, которые имеют символическое значение для английского народа, что, в свою очередь, обуславливает особенности английского лингвокультурного кода «Артефакты».

Одни признаки объектов не являются значимыми для человека, а другие, напротив, имеют ту или иную социокультурную значимость. Одни и те же понятия у французов, русских и англичан передаются несколько разными образами, например;

1. A **bed** of roses

Не жистье, а малина

Ce n'est pas tous les jours fête.

2. A cat in **gloves** catches no mice.

Без труда не вытащишь и рыбку из пруда. Не замочив рук, не умоешься.

Il faut prendre le bénéfice avec les charges.

3. All is fish that comes to his **net**.

На безрыбье и рак рыба.

Qui a des noix, en casse, qui n'en a pas, s'en passé. Aux petits sacs sont les meilleures épices.

4. As welcome as water in one's **shoes**.

Нужен как собаке пятая нога.

La cinquième roue de la charrette gêne plus qu'elle n'aide.

5. No man can make a good **coat** with bad cloth.

Из воздуха пирога не слепишь.

Pour avoir la moëlle, il faut briser l'os. A petit manger bien boir.

В английских пословицах в качестве образных компонентов выступают предметы обихода (*bed*), одежда (*gloves, shoes, coat*), орудия труда (*net*). В разных языках одни и те же понятия могут выражаться разными символическими образами, а могут и совпадать, если образы имеют библейскую или мифологическую этимологию.

По утверждению А.Я. Гуревича, процесс символообразования был особенно характерен для феодальных культур (цит. по: Копалов 1976, с.82). В них самые разнообразные предметы, наряду с утилитарно-прагматической функцией, приобретают еще и функцию символов. В частности стул (трон) символизирует власть, перчатка – вызов на поединок, меч – агрессию, роза – любовь и другие. Но и в более поздние времена процесс образования символов протекает достаточно активно: серп и молот – символ союза рабочих и крестьян и тому подобное.

Разница в культурном кодировании заключается в том, что понятия могут быть одинаковыми для разных народов, но образность может отличаться –

A hole below the mark/ Удар ниже пояса.

Понятие нечестного поступка передается у англичан через морские образы, а русских через сухопутные.

Следующий пример также демонстрирует различный выбор образов:

Swear like a sailor. Swear like a fishwife/

Ругаться как сапожник. Ругаться на чем свет стоит.

Поскольку русская и английская культуры генетически родственны (имеют общую индоевропейскую основу), целый ряд выражений в английском и русском языках совпадает. Особенно это касается выражений, имеющих общее мифологическое или литературное происхождение. Однако имеются и различия, обусловленные культурно-историческими особенностями развития этих народов. В частности, нами обнаружено большое количество фразеологических выражений, связанных с кухонной утварью и предметами обихода:

An empty vessel gives a greater sound than a full barrel/ Пустая бочка пуще гремит. A new broom sweeps clean/ Новая метла метет по-новому. A storm in a tea-cup/ Буря в стакане воды. A watched pot is long in boiling /A watched pot never boils/ За которым горшком наблюдают, тот не скоро вскипает. Кто над чайником стоит, у того он не кипит. Children and fools must not play with edged tools/ Ножи и вилки не для младенцев. Look for a needle in a haystack/ Искать иголку в стоге сена.

Символикой обладают образы посуды, кухонной утвари. Так, посуда из драгоценных металлов и роскошная утварь – признаки богатства и роскоши:

Gold/silver plates, a cloth of gold (silver)/ на золоте есть, на серебре есть, золотая чаша да пустая каша, накрыть стол атласом, да на атласе хлеб с квасом.

Ложка и ее использование символизируют потребление в русском языке и удачу в английском:

Где моя большая ложка? Семеро с ложкой, один с сошкой. Хороша ложка к обеду

Be born with a silver spoon in one's mouth. Make a spoon or spoil a horn/Либо нан, либо пропал. He must have along spoon that sups with the devil/ Связался с чертом – пеняй на себя.

Весьма частотен в составе английских фразеологизмов и пословиц образ горшка (pot):

Pot valour / Пьяному море по колено. Заяц во хмелю. Praise without profit puts little in the pot / Спасибо сым не будешь. A little pot is soon hot / Дурака легко вывести из себя. A watched pot is long boiling / За которым горшком наблюдают, тот дольше вскипает. Come and have pot-luck with us / Чем богаты, тем и рады. If ifs and ands were pots and pans / Если бы да кабы, да во рту росли грибы. The pot calls the kettle black / Горшок над котлом смеется, а оба черны. Чья бы корова мычала, а твоя молчала. The pot goes so often to the water that it is broken at last / Поводился кувшин по воду ходить, тут ему и голову сломить.

Весьма частотен образ горшка и печи и в составе русских пословиц и фразеологизмов: *Незнайка на печке лежит, а знайка по дорожке бежит. С сыном бранись – за печку держись, с зятем бранись – за дверь держись. Что есть в печи, все на стол мечи. У кого-то горшок варит. Хоть горшком назови, только в печку не ставь. Не боги горшки обжигают.*

Образ горшка обычно имеет метафорическое значение. Хотя его используют для приготовления пищи, его фигуральный смысл чаще не связан с этой тематикой. Горшком в старину шуточно называли голову. В сказках горшок фигурирует как хранилище драгоценностей: *копал мужик, копал и выкопал горшок драгоценных камней*. Общая символика данного образа – «вместилище чего-либо ценного».

Использование самовара было важной и характерной русской чертой в быту разных общественных сословий – от крестьян до царей. С ним связано не только представление инструментального характера, но и представление о домашнем уюте и семейном единении: *В кругу семьи за самоваром*.

Любопытно отметить, что самовар и соответствующая лексическая единица *samovar* хорошо известны носителям английской культуры. Самовар прочно ассоциируется у них с русской культурой и является элементом так называемого национального стереотипа.

Зачастую символика образа артефактов определяется не только внешними условиями, но также и внутренними свойствами самого артефакта. Например, *hammer* – *молот* – *тяжелый*; эффект воздействия усиливается: *To crush a nut with the hammer/ стрелять из пушек по воробьям*

Ср. также *Look for a pin's head in a cartload of hay/ искать иголку в стоге сена. Like a needle in a bundle of hay/ Игла в стог попала – ниши пропала. It is easy for a camel to go through the eye of a needle/ Легче верблюду пройти через игольное ушко. God's mill grinds slow, but sure/ От возмездия не уйдешь. Have a millstone about one's neck/ Повесить ярмо на шею. Draw water in a sieve/ Решетом воду носить.*

При сопоставлении полей «Артефакты» в английском и русском языках обнаруживаются лакуны (отсутствие межъязыковых соответствий): англ. *kilt, hallenhouse, Jenny's wheel, etc.*; рус. *соха, самовар, лопата-*

«дерновушка», лошилки (инструмент пимоката), «морды» (приспособления для ловли рыбы, пластинки и иголки для плетения сетей), косоворотка, изба, мазанка, бердыш (ружье с кремневым замком)) и неполная эквивалентность многих наименований артефактов (рус. крупорушка (приспособление для обработки зерна) – англ. *stamp mill*, рус. подойник – англ. *milk bucket*, рус. крынка – англ. *milkpot*, рус. кузовок для ягод – англ. *basket*, рус. шалаши – англ. *tent*, рус. коттедж – англ. *cottage* и др.).

В основе сравниваемых полей лежат не во всем совпадающие когнитивные структуры (фреймы), являющиеся фрагментами разных и весьма специфичных культур. Коммуникант, говорящий на определенную тему на английском языке как неродном, невольно использует в своем речевом мышлении привычную ему когнитивную схему из родной культуры, что может привести к коммуникативной неудаче. Знакомство с предметными областями лексико-фразеологических полей и точное знание семантики их единиц, свободное от интерференции родной культуры и языка, составляет необходимое условие правильного освоения неродного языка и грамотного общения на нем. Этому способствует анализ особенностей лингвокультурных кодов изучаемого языка.

Литература

1. Копалов В.И. Символика и ее сущность//Философские науки, 1976 – №1. – С. 81-89.
2. Лотман Ю.М. Две осени// Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. - М.: Гнозис, 1994. – С.394 -406.

Т.С. Медведева

Русские и немецкие объявления о знакомстве как отражение культурных стандартов

В настоящей публикации проводится сопоставительный анализ русско-язычных и немецкоязычных текстов объявлений с тематикой «знакомства», в которых отражаются современные культурные ценности и стандарты двух культур, проявляются особенности немецкой и русской ментальности. Тексты данного жанра привлекали внимание исследователей (Маркова 2001, Черкасова, 2006). В результате исследования коммуникативной стратегии самопрезентации личности в русских и немецких объявлениях о знакомстве И.С. Черкасова приходит к выводу о том, что ценности, детерминирующие коммуникативное поведение авторов объявлений о знакомстве, в немецкой и русской лингвокультурах в принципе совпадают; различия же в текстах объявлений о знакомстве обнаруживаются в ценностных доминантах и их иерархии (Черкасова, 2006, с. 8). В данном исследовании было также установлено, что немецкие авторы чаще по сравнению с русскими применяют

нестандартные тактики, реализующие дивергентную стратегию самопрезентации личности, которые лингвистически актуализируются в различных стилистических средствах и приемах.

В результате нашего исследования мы пришли к несколько иным выводам относительно сходств и различий в ценностных картинах мира немецкой и русской лингвокультур. Базовым понятием, используемом в нашем исследовании, является понятие «культурные стандарты», предложенное немецким ученым А. Томасом. Под культурными стандартами А. Томас понимает интериоризованные в когнитивном плане нормы и ценности культуры, стереотипы мышления, восприятия и поведения, которые осознаются большинством носителей данной культуры как нормальные, типичные, обязательные для себя лично и других (Yoosefi, Thomas, 2003, с. 9). Такое понимание культурных стандартов близко пониманию отечественными учеными менталитета как «специфического способа восприятия и понимания действительности; совокупности принципов осуществления суждений и оценок» (Попова, Стернин, 2003, с. 8-10), «набора специфических когнитивных, эмотивных и поведенческих стереотипов нации» (Воркачев, 2007, с. 11).

С целью изучения русских и немецких культурных стандартов было отобрано 4000 объявлений с указанной тематикой из современных печатных и электронных источников (2000 русскоязычных и 2000 немецкоязычных).

В ходе нашего исследования корпус материала был распределен по группам в соответствии с целью, которую ставят перед собой адресанты. Нами были выявлены следующие основные цели объявлений в двух культурах:

- *Женитьба/замужество* (эксплицитное указание на брак) – 2,84 % немецких объявлений от общего количества немецкого материала, 5,48 % российских объявлений от общего количества российского материала;
- *создание семьи* – 1,5 % немецких объявлений от общего количества немецкого материала, 8,33 % российских объявлений от общего количества российского материала;
- *серьезные отношения* (эксплицитное указание на брак также отсутствует) – 55,8 % немецких объявлений от общего количества немецкого материала, 54,65 % российских объявлений от общего количества российского материала;
- *интимные встречи* – 12,4 % немецких объявлений от общего количества немецкого материала, 11,28 % российских объявлений от общего количества российского материала;
- *дружба* – 1,5 % немецких объявлений от общего количества немецкого материала, 1,31 % российских объявлений от общего количества российского материала;

- *совместный досуг* (группа объявлений, характерная для немецкой культуры и отсутствующая в русскоязычном материале) – 16,4 % немецких объявлений от общего количества немецкого материала;
- общение/переписка – 5,04 % российских объявлений от общего количества русского материала;
- *прочее* – 9,66 % немецких объявлений от общего количества немецкого материала, 13,91 % российских объявлений от общего количества русского материала.

Распределение материала по группам и количественные характеристики данных групп приводят к показательным выводам.

Среди исследуемого материала объявления с эксплицитным указанием на цель *женитьба* или *замужество* / *Ehe* (брак), *Heirat* (свадьба) составляют небольшое количество в обеих культурах. Следует, однако, отметить, что немецких объявлений в два раза меньше, чем российских, и что адресантами 28 % немецких брачных объявлений являются женщины, не относящиеся к немецкой национальности. В основном, это женщины, эмигрировавшие или желающие эмигрировать в Германию из Восточной Европы и стран Азии. Таким образом, можно констатировать меньшую ценность института брака для немецкой культуры. Группа *Familiengründung* (создание семьи) также весьма немногочисленна в немецком корпусе материала. По данным немецких информантов, *Familiengründung* подразумевает совместное проживание и, как правило, рождение ребенка. В российских объявлениях подразумевается «гражданский брак». Группа, обозначенная как *серьезные отношения* в соответствии с формулировкой российских адресантов, наиболее значительна в количественном отношении в двух сопоставляемых культурах. Однако при кажущемся сходстве имеются существенные различия. Формулировка российских адресантов является весьма неопределенной, диффузной и может означать завуалированное желание вступления в (гражданский) брак. Формулировка цели объявления *feste Partnerschaft* / *feste Beziehung*, по мнению носителей немецкой культуры, является весьма конкретной. *Feste Partnerschaft* / *feste Beziehung* относится к одному из самых распространенных стандартов отношений мужчин и женщин в современном немецком обществе и обозначает «отдельное либо совместное проживание мужчины и женщины без цели создания семьи». Тот факт, что более 50 % немецких адресантов указывают в объявлении данную целеустановку, свидетельствует, по нашему мнению, о стремлении большого количества носителей немецкой культуры к ограничению личного пространства, регулированию дистанции в общении, независимости, самостоятельности, что относится немецкими исследователями к немецким культурным стандартам (Schroll-Machl, 2003) и характеризуют индивидуалистические культуры.

Объявления группы *совместный досуг* также свидетельствуют об особенностях немецкой культуры и ментальности. Наиболее частотными

являются объявления лиц пенсионного возраста, а частотными способами проведения досуга являются: *Reisen* (путешествия), *Sport* (спорт), *Kultur* (культура), *Gespräche* (беседы), *Tanzen* (танцы), *Natur* (природа), *Kunst* (искусство), *Berge* (горы), *Schwimmen* (плавание), *Rad* (велосипед), *Wandern* (пешеходный туризм), *Segeln* (плавание под парусом), *Musik* (музыка), *Kino* (кино), *Golf* (гольф), *Oper* (опера), *Theater* (театр), *Tango* (танго). Данные объявления также соответствуют вышеназванным немецким культурным стандартам, поскольку они косвенно указывают на меньшую ценность семейных отношений для пожилых людей в немецкой культуре, а большую значимость самореализации, занятий любимым хобби в обществе единомышленников. (Ср.: воспитание внуков российскими пенсионерами как культурная норма).

Следует отметить разное отношение немецких и русских адресантов к оценке своего возраста. В объявлениях наблюдается тенденция замены прилагательного *alt* на прилагательное *jung*: *Chefsekretärin, 58, 1,64, schlanke, sehr ansehnliche Figur, attraktiver, jugendlicher Typ, sportlich/sexu...*; *Franciska, 65 Jahre jung...*; *Nette Sie, 51 Jahre jung*. Таким образом, в проанализированных немецкоязычных объявлениях прослеживается "культ молодости": немцы, находящиеся в возрасте, который в России считается зрелым или пожилым, тем не менее, подчеркивают свою молодость, очевидно, являющуюся ценностью в немецкой культуре.

Сопоставительный анализ материала позволил выявить наиболее частотные характеристики, используемые в немецкой и российской культурах как при самопрезентации адресанта, так и при предъявлении требований к адресату. Для русских наиболее ценными являются душевные качества, например, доброта, заботливость, порядочность. При самопрезентации российские женщины упоминают следующие качества: *хозяйственная* (создаю уют, на все руки мастерица, люблю готовить) – 35 %, *без вредных привычек* – 25 %, *добрая* – 41 %, *нежная, ласковая* – 17 %, *заботливая* – 11 %. Важными для совместной жизни женщины-адресанты считают следующие характеристики мужчины: *добрый* – 29 %, *не судимый* – 25 %, *порядочный* – 21 %, *не пьющий* – 14 %, *не альфонс* – 11 %, *умеющий обеспечить семью* – 11 %.

Немецкими женщинами для самопрезентации наиболее часто используются следующие качества: *attraktiv* – 85,5 %, *schlank* – 52 %, *vielseitig interessiert* – 48 %, *nett* – 44 %, *jung(geblieben)* – 43 %, *blond* – 43 %, *intelligent* – 41 %, *natürlich* – 36,5 %, *(bild)hübsch* – 34 %, *(finanziell) unabhängig* – 26 %, *humorvoll* – 23 %. К характеристикам адресата немецкие женщины предъявляют следующие требования: *(finanziell) unabhängig* – 43 %, *niveauvoll* – 42 %, *intelligent* – 40 %, *Nichtraucher* – 39,5 %, *nett* – 32 %, *vielseitig interessiert* – 28 %, *humorvoll* – 27 %, *gepflegt* – 25 %.

Таким образом, при самопрезентации немецких адресантов-женщин чаще всего указываются внешность, интеллект, наличие разносторонних

интересов. Для совместной жизни у немецких женщин оказываются значимыми финансовая независимость мужчины, высокий уровень культуры и интеллекта, разносторонние интересы, чувство юмора и ухоженность.

Отличительной особенностью части объявлений российских мужчин является их пессимистичность, апелляция к чувству жалости, что не обнаружено в объявлениях немецких адресантов-мужчин. В русскоязычном материале частотны объявления, в которых адресант-мужчина обращается за материальной и моральной помощью к женщине, признается в собственной слабости, несамостоятельности, неспособности решить свои проблемы. Так, имеются описания сложной жизненной ситуации, среди которых: указание на инвалидность, физический недостаток, материальные и / или жилищные проблемы, отбывание срока в колонии. У немецких адресантов-мужчин описания своих проблем, физических недостатков в нашем корпусе материала не обнаружено. Они, наоборот, указывают на свое материальное благополучие, здоровый образ жизни, успешную карьеру. Таким образом, в российских объявлениях о знакомстве отражается приоритетность морально-этических ценностей, душевность социальных отношений (термин И.А. Стернина). Личностные характеристики, приводимые российскими женщинами и мужчинами, являются в значительной степени направленными на адресата (заботливость, доброта). В текстах русскоязычных объявлений частотны репрезентации ключевого концепта русской культуры *душа*: *Поживем душа в душу?*; *услышите мой крик души*; *для души* и т. п. В немецком материале репрезентации соответствующего концепта не обнаружены.

В немецкой культуре ценностями являются: здоровье, молодость, материальное благополучие, активный образ жизни, досуг / хобби, интеллект, равноправие полов; душевным качествам, как показал наш материал, уделяется меньшее внимание.

Анализ объявлений с указанной тематикой приводит нас к заключению, что для немецких объявлений в большей степени характерна стандартизированность. Российские адресанты чаще применяют нестандартную форму объявления, например, поэтическое эссе или стихотворную форму объявления. Таким образом, наше исследование приводит к выводу о том, что в изученном нами немецком материале отразилась культурные стандарты *Sachorientierung* (ориентация на содержание), *Direktheit der Kommunikation* (прямота стиля коммуникации).

Следует отметить, что поскольку наш материал был отобран в основном из провинциальных изданий, результаты данного исследования могут расходиться с результатами уже имеющихся или будущих работ.

Литература

1. Воркачев С.Г. Постулаты лингвоконцептологии // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М.: Гнозис, 2007. – С. 10-11
2. Маркова Л.А. К проблеме оценки коммуникативной эффективности

- объявлений о знакомстве // Язык, коммуникация и социальная среда. – Воронеж, 2001. Вып. 1. – <http://tpl1999.narod.ru/WebLSE2001/Markova.htm>
3. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж: «Истоки», 2003.
 4. Черкасова И.С. Реализация коммуникативной стратегии самопрезентации личности в русских и немецких объявлениях о знакомстве: Дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2006.
 5. Yoosefi T., Thomas A. Beruflich in Russland. Trainingsprogramm für Manager, Fach- und Führungskräfte. Vandenhoeck & Ruprecht, – Göttingen, 2003.
 6. Schroll-Machl S. Die Deutschen – Wir Deutsche. Fremdwahrnehmung und Selbstsicht im Berufsleben. 2. Auflage. Vandenhoeck & Ruprecht, – Göttingen, 2003.

А.Н. Петрова

О тенденциях именаречения в США, Великобритании и России

Антропонимические традиции развиваются вместе с обществом. Именники различных эпох существенно отличаются друг от друга. Объясняется это различным восприятием имен в отдельные эпохи, различной социальной оценкой определенных типов имен, обращением к различным мотивировкам имен, продиктованным требованиями эпохи (Суперанская 1977, с.7). В каждую историческую эпоху имя в обществе выполняет свои специфические функции, и в разные периоды отношение людей к именам различно.

Английские и американские имена в настоящее время представляют плотно сплетенный клубок из имен традиционных и современных. Нам хотелось бы остановиться на необычных именах, которые дают своим детям известные люди. Одна из причин, почему знаменитости дают странные имена своим детям, – то, что некоторые из них полагают, что необычное имя обеспечит их детям известность в будущем. Однако существуют примеры обратного. В книге FreakOnomics (Levitt, Dubner 2006) описывается случай, как в конце 1950-х в Нью-Йорке отец назвал одного своего сына Looser «Неудачник», а второго - Winner «Победитель». Looser сделал успешную карьеру, а Winner 30 раз попадал в тюрьму за различные преступления, от бытового насилия до кражи со взломом.

В Интернете недавно был проведен опрос среди 2300 человек на тему «Самое странное имя, данное ребенку знаменитости». В результате голосования почетное первое место заняла дочь Фрэнка Заппы по имени Moon Unit «Спутник луны». Мы выделили несколько современных тенденций именования: «Голливудских детей»:

1. Однокомпонентные антропонимические модели. Здесь, в свою очередь, выделяется несколько семантических групп имен:

- имена античных личностей

Aurelius (имя римского императора Марка Аврелия) – сын Элли Макферсон

Homer (от имени древнегреческого философа) - Ричард Гир

- фамилии известных людей XX столетия

Lennon (от фамилии участника группы «Биттлз» Джона Леннона) – сын Лаэма Галлахера

Truman (вероятно, от фамилии американского президента Гарри Трумана) – сын Риты Уилсон и Тома Хэнкса

- персонаж книги

Atticus (один из главных персонажей знаменитой книги «Убить пересмешника») – сын Тони Адамс; сын Дэниела Болдуина.

Gulliver (от имени главного героя произведения Д.Дефо «Путешествие Гулливера») – сын Гарри Олдмана

- название музыкальной группы

Zeppelin (от названия группы Led Zeppelin) - сын Джонатана Дэвиса

- именование нарицательными существительными, обозначающими плоды

Apple («Яблоко») - дочь Криса Мартина и актрисы Гвинет Пэлтроу.
Peaches («Персики») – дочь Боба Гелдофа

- нарицательные существительные, обозначающие цветы и цветение

Blossom «Цветение» - дочь Кейси Эйнсворт

Dandelion («Одуванчик») – сын Кейта Ричардса.
Honeyblossom («Медовое цветение») – дочь Боба Гелдофа

- нарицательные существительные, обозначающие музыкальные инструменты

Banjo («Банджо») – сын Рэчел Гриффитс

- нарицательные существительные, обозначающие космические объекты

Luna («Луна») – дочь Фрэнка Лэмпарда

- нарицательные существительные, связанные с «самолетной тематикой»

Ace («Ас») - Натали Эпплтон и Лайам Хоулет

Jet («Реактивный самолет») - Джон Траволта и Келли Престон

Rocket («Ракета») – дочь Роберта Родригеса

- нарицательные существительные, обозначающие явления природы

Autumn («Осень»), **Ocean** («Океан») – дети Фореста Уитакера

- нарицательные существительные, называющие род занятий человека, особенно романтические «профессии»

Pirate («Пират») – сын Джонатана Дэвиса

Racer («Гонщик»), **Rebel** («Мятежник») - дети Роберта Родригеса

Sailor («Моряк») - сын Кристи Бринкли

Scout («Разведчик») – дочь Брюса Уиллиса и Деми Мур

- нарицательные существительные, обозначающие животных:

Puma («Пума») – дочь Эрика Баду

- имена, образованные от географических названий:

Assisi («Ассиси», от названия города) – дочь Джейд Джаггер

Brooklyn («Бруклин», район Нью-Йорка) – сын Дэвида Бекхема

Chester («Честер», город в Англии) – сын Рита Уилсон и Том Хэнкс

Dakota («Дакота», от названия американского штата) – дочь Мелани Гриффит и Дон Джонсон

Kingston («Кингстон», столица Ямайки) – сын Гвен Стефании и Гевина Росдейла

Ireland («Ирландия») – дочь Алека Болдуина и Ким Бейсингер

Paris («Париж») – сын Майкла Джексона

- имена, образованные от иностранных слов:

Amandine – (с фр. «миндальный крем») – дочь Джона Малковича

Suri (с иврита «Принцесса», с фарси «Красная роза») – дочь Тома Круза и Кейти Холмс

- имена, образованные от имен/фамилий родителей:

Coco («Коко», от первых слогов имени и фамилии матери Courtney Cox) – дочь Дэвида Аркетта и Кортни Кокс Аркетт

Taj («Тай», вероятно, от первого слога фамилии отца T(ai)ler) – сын Стивена Тайлера

Willow («Уиллоу», от имени отца Will) – дочь Уилла Смита. Интересно, что его сын носит имя **Jaden**, образованное от имени матери Jada.

- просто странные имена:

Denim («Деним», «Джинс») – сын Тони Брэкстон

Dweezil (возможно, от нарицательного существительного diesel «дизельный двигатель») – сын Фрэнка Заппы.

Jermajesty («Ее Величество») – дочь Джермейн Джексон

Seven «Семь» – сын Эрика Баду

Sonnet («Сонет»), **True** («Правдивый») – дети Фореста Уитакера

Ziggi – сын Боба Марли

Zola – дочь Эдди Мерфи

Zoey – сын Дэвида Боуи.

2. Двухкомпонентные антропонимические модели:

- Имя (диминутив)+ нарицательное существительное:

Betty Kitten («Бетти-Котенок») – Джейн Голдман и Джонатан Росс

Hazel Patricia («Лесной орех Патриция») – дочь Джулии Робертс

Bluebell Madonna («Колокольчик Мадонна») – дочь Джерри Халливел

Rufus Tiger («Руфус Тигр») – сын Роджера Тейлора

- Диминутив имени + прилагательное:

Little Trixie («Маленькая Трикси») – дочь Боба Гелдофа

- Нарицательное существительное + нарицательное существительное:

Audio Science («Аудио-Наука») – дочь Шаннин Соссамон
God'iss Love («Богиня Любви») - дочь Лил Мо
Moon Unit («Спутник луны») - дочь Фрэнка Заппы.
Moxie Crimefighter («Смелый борец с преступностью») – дочь Пенн Джулиетт
Pilot Inspektor («Пилот-Инспектор») сын Джейсона Ли
Dixie Dot («Южная точка», Dixie – название южных штатов США) – дочь Анны Райдер Ричардсон

- Прилагательное + нарицательное существительное:

Blue Angel («Синий ангел») - сын Дэйва Эванса
Misty Kid («Мистический малыш») - дочь Шарлин Спитери
Shiloh Nouvel (с иврита «Новый подарок», «Новый миротворец» или «Новый Мессия») – дочь Бреда Питта и Анджелины Джоли

- Имя собственное, не являющееся именем + нарицательное существительное:

Bibi Belle («Биби красавица») - Анна Райдер Ричардсон
Fifi-Trixibelle (возможно, от фр. belle «красавица» и сленгизма trixie «в тройной мере», Fifi – популярное имя для маленькой собачки) – дочь Боба Гелдофа
Indiana August («Август в Индиане») – сын Саммер Феникс и Кейси Аффлека

Rider Russell («Наездник Рассел» (от фамилии актера Курта Расселла)) - сын Кейт Хадсон и Криса Робинсона

Tallulah Belle («Таллула красавица») – дочь Брюса Уиллиса и Деми Мур

- «Странное» личное имя + обычное личное имя:

Phinnaeus Walter (от имени римского императора) – сын Джулии Робертс и Дэнни Модера

Prince Michael II («Принц Майкл II»)– сын Майкла Джексона

Rumer Glenn – дочь Деми Мур и Брюса Уиллиса

- Личное имя + междометие:

Daisy Boo («Дейзи «фу») – дочь Джулс Нортон

Diezel Ky (возможно, от нарицательного существительного diesel «дизельный двигатель») – сын Тони Брекстон

Phoenix Chi («Феникс Чи») – дочь Мелани Браун

3. Трехкомпонентные антропонимические модели:

- Нарицательное существительное + нарицательное существительное + нарицательное существительное:

Fortuna Daphne Bay («Фортуна Дафна Бухта») – дочь Мелани Браун

- Личное имя + существительное/прилагательное + прилагательное:

Levi Roan Green («Левий Чалый/чалой масти Зеленый») – сын Умы Турман и Итана Хоука

4. Четырехкомпонентные антропонимические модели:

- Прилагательное + компонент неизвестного происхождения + прилагательное + существительное:

Heavenly Hirani Tiger Lily («Небесная Тигровая Лилия») – дочь Майкла Хатченса и Полы Йетс

- Личное имя + личное имя + «старанное» личное имя + компонент неизвестного происхождения:

Johan Riley Fyodor Taiwo («Джоан Райли Федор Тайво») – сын Хайди Клум и Сила

5. Пятикомпонентные антропонимические модели:

- Личное имя + личное имя + «странное» личное имя + сленговое выражение:

Elijah Bob Patricius Guggi Q (данный антропоним состоит из личного имени Элайджа, деривата Боб (< Роберт) и ирландского сленга) - сын Боно.

Любопытно, что жажда новизны в именах среди знаменитостей не так уж сильно повлияла на поклонников, которых они пытаются впечатлить. Простые британцы предпочитают называть детей традиционно: Thomas, Daniel, William, Emily, Lucy, Sophia (по результатам статистики, ежегодно публикуемой в газете «Times»). На протяжении 10 лет в Англии лидировало мужское имя Jack. Простые имена свидетельствуют, что мир имен знаменитостей и имен простых людей разделяет огромная пропасть. Однако и среди простых американцев и англичан встречаются любители необычного. Например, на Гавайских островах в одну из школ города Гонолулу поступила младшая дочь владельца одного из местных ресторанов. Ее имя и фамилия состоят из 102 букв и в переводе на русский язык означает: «многочисленные прекрасные цветы гор и долин начинают наполнять Гавайи в длину и ширину своим благоуханием». А семья Джексон из города Чикаго назвала своих детей: Meningitis (менингит), Laryngitis (ларингит), Appendicitis (аппендицит), Peritonitis (перитонит), Tonsillitis (тонзиллит).

В русском языке, конечно, имен Яблоко или Сонет нет, и вряд ли будут, но некоторые необычные тенденции все же заметны. Основная тенденция именаречения «звездных» детей - появление устаревших имен. Петербургская актриса Анна Ковальчук назвала дочку Злата в честь святой великомученицы Златы Могленской. Примерно в то же время старорусские имена дал своим близнецам певец Александр Малинин: Устинья и Фрол. Известная актриса Рената Литвинова назвала дочку Ульяной, певица Наталья Королева дала своему сыну имя Архип.

Популярны также и другие старинные имена, древнееврейского или древнегреческого происхождения. Так, популярная телеведущая Тутта Ларсен назвала сына Лука, а актриса Ольга Будина - Наумом. Еще лет 10 - 15 назад практически не встречались такие детские имена, как Таисия, Стефания, Макар, Игнат, Арсений, Ариадна, но в настоящее время такие древнегреческие имена как, например, Макар (сын актрисы Марии

Шукшиной), Арсений (сын Алексея Кортнева) уже стали чем-то привычным и обыденным. Имена греческого происхождения Таисия (дочь телеведущей Юлии Меншовой), Стефания (дочь певца Дмитрия Маликова), Ариадна (дочь балерины Анастасии Волочковой) многим кажутся исконно русскими. Непривычные для России иностранные имена дали своим детям солист группы «Ума Турман» Владимир Кристовский (Мия и Ясмин), Николай Басков (Бронислав), певица Маша Макарова (Мирра и Роза). Двойные иностранные имена также являются новой тенденцией именаречени: Анна-Мария – дочь актера Михаила Ефремова; Елизавета-Анна – дочь телеведущей Елены Ханги.

На известных людей могут оказывать влияние и другие «звезды». Например, олимпийский чемпион по фигурному катанию Евгений Плющенко собирался назвать своего первенца Кристианом, в честь знаменитого футболиста Криштиану Роналду. Многие странные имена связаны с национальностью либо самих знаменитостей, либо их супругов. Певица Алсу назвала свою дочку Сафиной, т.к. в Татарстане, откуда она родом, это очень распространенное имя.

Впрочем, из всего вышесказанного нельзя сделать вывод, что российские звезды нарекают своих детей только вычурными именами. Например, одно из самых популярных имен Мария, носят дочери актрисы Анастасии Мельниковой, певца Максима Леонидова, актера Олега Табакова.

В то же время, как констатируют в органах загса, звездный вклад в копилку рождаемости и звездное же стремление к оригинальности никак не повлияли на формирование первой «десятки» самых популярных детских имен. В рамках Интернет-форума «Переполюх» был проведен опрос среди мам и будущих мам. Среди женских имен самыми популярными стали Софья, Василиса, Дарья, Мария. В рейтинге мужских имен лидерами являются Тимофей, Ярослав (все Славы), Максим, Арсений, Даниил, Дмитрий. Все эти имена являются довольно широко распространенными в настоящее время, но через десять лет ситуация может кардинально измениться, что доказывает свою моду на имена в каждом поколении. Например, в раннюю советскую эпоху, например, было модным придумывать коммунистические имена: Рэм (революция, Энгельс, Маркс), Мэлор (Маркс, Энгельс, Ленин, Октябрьская революция), Оюшминальд (Отто Юльевич Шмидт на льдине). В одном из сел Киргизии отец по имени Цилиндр дал своему новорожденному сыну имя Поршень. Также зарегистрированы имена Канализация, Юрист, Трактор, Идея Делегатовна; имена из таблицы Менделеева: Радий, Ванадий, Рутений, Иридий; минералы Рубин, Гранат, Изумруда; географические названия: Алтай, Гималай, Казбек, Волга, Онега, Амур и все названия месяцев, начиная с января и заканчивая декабром. Много имен было образовано от революционных лозунгов, названий учреждений: Икки (Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала), Роблен (родился быть ленинцем), Ремизан (революция мировая занялась), Ревдит

(революционное дитя), Цас (центральный аптечный склад), Гласп (Главспирт), Райтия (районная типография).

Из всего высказанного мы можем сделать вывод, что «звездные» родители больше склонны к эпатажу в выборе имени для своих детей, чем обычные люди, хотя и в том, и в другом обществе бывают неожиданные исключения. Безусловно, в США и Великобритании необычное имя «звездного» малыша является почти нормой, что, к счастью, нельзя сказать о российских знаменитостях. Выбирая необычное, вычурное, странное имя для своих детей, родители вряд ли думают о том, как сложится судьба ребенка с таким именем. За выбором необычного имени чаще всего стоит желание выделиться из толпы, показать свою оригинальность, «звездный» статус. Могут быть также религиозные, политические причины, желание рассказать всему миру о своих увлечениях таким неординарным способом.

Литература

1. Суперанская А.В. Имя и эпоха (к постановке проблемы)// Историческая ономастика. – М.: Наука, 1977 .
2. Levitt, Steven D., Dubner, Stephen J. Freakonomics (Revised and Expanded): A Rogue Economist Explores the Hidden Side of Everything. –William Morrow, 2006.

Д.М. Будунова

Число «семь» в мифологическом сознании (сопоставительный аспект)

Число, одна из важнейших категорий в мифопоэтическом образе мира, – средство упорядочения и моделирования Вселенной.

В наиболее древних мифопоэтических традициях числам придавалось сакральное значение: они рассматривались в качестве божественных символов Вселенной и Космоса. Число – символ гармонии, порядка в противовес Хаосу. Числа считались неотъемлемыми качествами всех существ и предметов: они управляют не только физической гармонией и законами жизни, пространства и времени, но также отношениями с Богом, который уподобляется Мировому единству, Высшей истине (Маковский 1996, с.388). По мнению В.Н. Топорова, числа представляют собой «элементы особого числового кода, с помощью которого описывается Вселенная, человек и сама система метаописания. В древних мифопоэтических традициях число было не только образом мироздания, но и средством его периодического восстановления в циклической схеме развития, средством преодоления деструктивных хаотических тенденций (Топоров 1988,с. 629).

В мифологических системах число ориентировано не на присущую ему в обыденном сознании количественную, градуировано-интенсивную, индексную или порядковые оценки, а на оценку качественно-количественную (Жаботинская 1992, с.178). Поскольку вселенная

организована с помощью чисел, то она представляет собой иерархию вещей, а, следовательно, число управляет миром. Числовой ряд практически во всех традициях оказывается негомогенным, поскольку члены его качественно различны (Топоров 1980, с. 3-7). Иерархия числового кода не исчерпывает сути отношений между его элементами, чем и объясняется оттеснение на периферию количественного аспекта числа и, наоборот, преобладание качественного (Шичжан 2001, с.69).

Число **семь** предстает как образ синтеза статистического и динамического аспектов Вселенной. Человек воспринимает все окружающие явления – свет, звук, запах, вкус – через семь отверстий в голове: через два глаза, два уха, две ноздри и рот. Установлено, что число **семь** является пределом способности человека перерабатывать информацию. Это же число характеризует оперативную память человека. Б.А. Фролов объясняет распространенность и значимость числа **семь** простейшими астрономическими наблюдениями, доступными древнему человеку. Семь чудес света, семь цветов радуги соотносится с объемом оперативной памяти, поскольку «в основе своей нервная система у нас та же, что и у всех прежних поколений *homo sapiens* до последнего палеолита включительно» (Фролов 1986, с. 236). Число **семь** выкристаллизовалось в процессе эволюции как некий максимум для непосредственного запоминания сигналов, символов (семь дней недели, семь тонов музыки). Поэтому существует мнение, что причиной сакрализации числа **семь** можно считать естественные феномены (число дней лунной фазы) (Жаботинская 1992, с. 284).

Таким образом, число **семь** предстает как константа, определяющая объем человеческой памяти. Оно выступает как наиболее употребительный Космический показатель, универсально характеризующий все сущее, что подлежит исчислению.

Комбинация чисел также имеет магическое значение. Семь трактуется как сумма двух основных числовых параметров 3 ($2+1$ – «размножение») и 4 ($2+2$ – «закон») – характеризует общую идею вселенной, константу в описании мирового дерева ($4+3$ – «истина»), слияние женского начала, символизируемого числом четыре и мужского начала, восходящего к числу три.

Центр Вселенной – число **семь** – предстает как пересечение горизонтальной и вертикальной осей, как точка отсчета и ориентира, где находится наблюдатель. У многих индоевропейских народов сложилось представление **семи** как о сумме пространства мира: три точки вертикальной оси плюс четыре точки плоскости Вселенной.

По мнению В.М. Кириллина, «символический смысл того или иного сакрального числа обычно не сводился к какому-либо одному, строго фиксированному значению, <...> он представлял собой некую многослойную<...> семантическую структуру, содержание которой в каждом конкретном случае <...> могло предстать как более или менее однозначное» (Кириллин 2000, с.34). Это совершенно необходимо

учитывать при анализе какого-то бы ни было, основанного на числовых отношениях, явления культуры.

Число **семь** – символ высших космических начал, интеллектуальности. В Библии оно представляет духовное совершенствование. Число **семь** связано с различными христианскими ценностными понятиями и предметами; оно соотносится с сакральной областью мистического постижения тайн христианской космологии, историософии, богопознания и футурологии. Этимологический анализ наиболее употребимых мифологических шаблонов в архаических сообществах подтверждает данное утверждение.

С одной стороны, число **семь** – символ высших космических начал, семи «верховных букв», символ интеллектуальности: *septm* - <*kseptm*< **kes* - «Вселенная»+ **ap* «вершина» (ср. лат. *apex*)+ осет. *taman* «верх, вершина», ирл. *teamhair* «холм, гора» (мировая гора); с другой стороны - фаллический символ: **septm*-, ср. др.-инд. *sarah* – “*penis*”+**tam* - «рожать», ср. **tem* - «темный» (ночь как символ нижнего мира); и.-е. **sap* (арм. *ap*) “*palm of the hand*”+ англ. *thumb* «палец на руке» (Маковский 1996, с.392).

Число **семь** соотносится со значениями «дух, душа», «царство душ», «(Мировой) разум»: «семь» соотносится с и.-е.- **sop* – «дышать»+ ст.-слав. *дымь* “*Atem, Seele*” (с первой частью этого слова можно сопоставить также др.-сев. *sefi* «божественный разум», а со второй – греч. *θαύμα* «чудо»). Оно символизирует др.-сев. *sefi* «разум»+и.-е. **dhem* «думать»; (там же, с. 395); «небо, светило»: и.-е. **septm*- «семь», но др.-англ. *heofon* «небо»+и.-е. **tom* – «пустота, бездна»(ср.**tem* – «темнота, ночь»). Оно содержит семантический компонент «впадать в экстаз» (>«спать») и.-е.**septm* соотносится с и.-е. **suep* – «спать» («находиться в экстазе») (там же, с.397).

На иврите число **семь** («шева») происходит от корня *saвах*, что означает «быть полным или удовлетворенным, иметь достаточно».

Число **семь** в русском языке от др.-русс. *семь*, праслав. ***sedmь**, что является новообразованием от * **sedm** «седьмой», греч. *ἑβδομος* по типу **petь*: **petь*, **seсть*: **seсть*. Эта форма заменила **setь* из и.-е. *septm*.

Число **семь** получило наибольшее распространение в европейской традиции и было закреплено впоследствии в христианской теологии (семь таинств, семь добродетелей, семь смертных, семь радостей Девы Марии).

Сакрализация числа влияла на его употребимость в речи, где со временем мифические числовые коннотации исчезли, но сохранялась сама форма сакрального числа для обозначения некоторых количеств, получающих оценку «много/мало» или качеств «прекрасно/плохо» (Жаботинская 1992, с.292).

Число **семь** часто принимает на себя роль символа множества вообще, то есть, если бы не богатейший культурный подтекст, основное значение данного слова в следующих пословицах, поговорках можно рассматривать как значение большого (неопределенного) множества. Например: *семь бед – один ответ*; *семь раз отмерь – один раз отрежь*; *семеро одного не*

ждут; у семи нянек дитя без глаза; у семи пастухов не стадо; семи пядей во лбу; как семеро пойдут, Сибирь возьмут; to knock seven bells out of a man – сильно бить кого-либо; *seven-leagued boots/strides/* – семимильные сапоги/шаги; *in one's seventh heaven* – на седьмом небе от счастья.

Мифология российских народов Сибири и Дальнего востока насыщена «магическими семерками». Число **семь** используется здесь, прежде всего, для характеристики вселенной в целом, космических процессов во времени и пространстве. Показатели шкалы времени – от семи дней до семи поколений. Обобщенное значение числа **семь** у народов Сибири и Дальнего Востока – это значение предела, порога, за который не следует переступать; продолжение счета одинаковых явлений после семи может привести к новому, иногда противоположному качеству (например, гибель через семь лет) (Фролов 1986, с. 229).

В кельтской мифологии число **семь** означает «значительное количество» (лет, людей и т.д.). Так, у Дагды («доброго бога») в мифологии ирландских кельтов было семеро детей. Друид Амхейригин, ступив правой ногой на землю Ирландии, тотчас сложил песню, где есть слова: я – семь дружных бойцов. Племя богини Дану сможет пить вволю, сколько бы ни продолжалась война, даже если она продлится семь лет.

Число **семь** продуктивно в образовании фразеологических выражений как в русском, так и в английском. Это объясняется рядом причин древнего происхождения: число **семь**, упоминаемое в религиозных мифах, наделено мистическим содержанием. В мифологической традиции многих народов небо представляется семиярусной структурой. Так, например, кеты на Енисее представляли небо, состоящим из семи полос выделанной шкуры огромного оленя (Шичжан 2001, с.73). Этот образ прослеживается во фразеологизмах как в русском языке, так и в английском: *на седьмом небе*, *in one's seventh heaven* со значением высшего блаженства, что связано с религиозным представлением о семислойном составе неба. По магометанской религии, с последнего – седьмого – неба был получен Коран. Выражение *книга за семью печатями* пришло из Библии (встречается и без компонента *книга*). Данные фразеологизмы расширили сферу употребления, *быть на седьмом небе* в современной речи не носит отпечатка мистики, как нет отпечатка религиозности во фразеологизме *книга за семью печатями*, который употребляется со значением чего-то недоступного пониманию (Рожанский 1957, с.31).

Таким образом, представления о числе, сохранившиеся в национальных языках, являются частью более важного, количественного принципа организации космоса в индоевропейской мифологической картине мира.

Литература

1. Жаботинская С.А. Когнитивные и номинативные аспекты класса числительных.- М., 1992.
2. Кириллин В.М. Символика чисел в литературе Древней Руси. – СПб., 2000.

3. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. - М., 1996.
4. Рожанский А.Я. Фразеологизмы с числительными//Русский язык в школе. 1957, №1 – С.29-33.
5. Топоров В.Н. О числовых моделях в архаичных текстах//Структура текста, 1980. С.3-58.
6. Фролов Б.А. По следам одного числа // Сквозь века. – М.: Знание, 1986. – С. 221-238.
7. Шичжан Ян. Модель числа как фрагмент русской языковой картины мира. – М., 2001.

Т.Ю.Тамерьян

Влияние русскоязычной культуры на формирование языковой картины мира осетин

Исторически сложившееся в России поликультурное пространство обуславливает появление новой коммуникативной парадигмы – поликультурной. Поликультурный социум представляет собой пространство, в котором проживают люди разной этнолингвистической, религиозной и социоэкономической принадлежности. В поликультурных регионах большая часть населения является дву/многоязычной. Причем, кроме русского языка как средства межнационального общения, многие владеют языками «соседствующих» этносов или этносов компактного совместного проживания.

Традиционно «диалог культур» и «диалог опытов» осуществляется в значительной степени благодаря знанию русского и иностранных языков.

Появление большого количества заимствований и неологизмов отразило возникновение новых условий в социально-политической, экономической, научно-технической сферах жизни и в области литературы и искусства, которые определили предрасположенность российского общества к принятию и широкому употреблению специальной иноязычной лексики. Как отмечает В.П.Крысин, со второй половины 80-х – начала 90-х годов ощущается открытая ориентация на Запад в области экономики, политической структуры государства, в сферах культуры, спорта, торговли, моды, музыки и др. Значительная часть населения России осознает себя частью цивилизованного мира (Крысин 2002, с.27).

К общему лексическому фонду народов России относятся слова, воспринятые в основном из русского языка или через его посредство. Заимствования из русского языка в подавляющем большинстве являются единственными наименованиями понятий, явлений, процессов, признаков и предметов.

Русский язык в силу внутриязыковых возможностей и внешнеполитических причин выполняет функцию языка межнационального общения. Он стал основным источником

формирования общего лексического фонда народов России, в основе которого лежит процесс интернационализации.

Интернационализм в лексике – это явление более широкого охвата, чем заимствование. Интернационализируются чаще всего слова, обозначающие определенные понятия основных сфер человеческой деятельности, причем не играет роли, обозначают они понятия или явления национальной направленности или общие для нескольких народов, – важно, какой вес им придается на современном историческом этапе.

В такой же степени, в какой английский язык как средство международного общения под влиянием процессов глобализации приобретает территориальные особенности, в такой же степени русский язык в качестве средства межнационального общения не идентичен родному языку монолингва, а предстает как национальный вариант русского языка. За период контактирования осетинского и русского народов осетинский язык обогатился тысячами заимствований, что характерно для младописьменных языков, которые нуждались в пополнении общеупотребительного и терминологического фондов из-за отсутствия богатых литературных традиций.

В советский период в количественном отношении заимствования из русского языка превалировали над собственно неологизмами (кальками), образованными на базе ресурсов осетинского языка, в силу ряда причин: интенсивное развитие политической, экономической и культурной жизни республики было непосредственно связано с ролью России и русского языка как средства межнационального общения; бурный поток заимствований из русского языка был вызван необходимостью обозначить новые для осетинского народа явления, понятия и предметы; русский язык явился транслятором интернациональной лексики, новых термино- и словообразовательных элементов. Это был период становления осетинского литературного языка.

Под влиянием русского языка в осетинском происходит развитие и изменение значений слов, некоторых элементов структуры предложения. Словарный состав осетинского языка постоянно развивается и обогащается путем развертывания внутренних возможностей морфологического, синтаксического и семантического словообразования. При этом не происходит нарушения национальной специфики осетинского языка – заимствования оформляются согласно его фонетическим и морфологическим нормам. Таким образом, его развитие осуществляется по своим внутренним законам. Заимствование/калькирование из русского языка является стимулирующим фактором развития национальных лексических и структурно-грамматических средств.

Осетины с древнейших времен находились в тесных отношениях со славянскими племенами (Кулаев 1956; 1957). Исторические данные свидетельствуют о большом политическом и культурном влиянии Древней Руси на народы юга России и Кавказа.

Осетинский и русский языки относятся к индоевропейской семье языков. Внутри индоевропейских языков осетинский язык принадлежит к иранской, а русский – к славянской группе языков. В осетинском и русском языках многие слова восходят к общеиндоевропейским корням: **æрвад** «брат», **тайын** «таять», **рæйын** «лаять», **тавын** «топить», **фынк** «пена», **дыууæ** «два», **мад** «мать», **дæс** «десять», **мæн** «меня», **æз** «я» (древнерусское аз) и т.д. К числу древнейших заимствований из русского языка в осетинский относятся такие слова, как: **Уырыс/Урус** «Русь», (через татаро-монгольское посредство), **уырыссаг** «русский», **Мæскуы** «Москва», **фæз** «площадь» (древнерусское пажа), **бæлас** «дерево» (древнерусское белястна), **чиныг** «книга». Некоторые собственные имена: **Уырыс** (имя), **Уырыстæ** (фамилия), **Петр**, **Петя**, **Пета**, **Петка** «Петр», **Басил**, **Сандыр**, **Лексо**, **Лекса**, **Сандро**, **Алыксандыр** (Кулаев 1957, с.246).

Процесс заимствования из русского языка в осетинский начался, по-видимому, еще до монгольского нашествия. Слабый в начальный период, он стал более активным после присоединения Осетии к России. В период присоединения Осетии к России во II-й половине XVIII века была создана первая осетинская графика на основе церковно-славянского письма – кириллицы. В 1818-1825 годах была предпринята попытка создания осетинской письменности на основе грузинской графики – хуцури. Но и этот алфавит оказался неудачным. В 1844 году русский академик А.Шегрен в основу осетинской письменности положил русский гражданский алфавит, введенный Петром I. В том же году была издана первая осетинская грамматика А.Шегрена с кратким осетинско-русским и русско-осетинским словарем.

Заимствования из русского языка и через его посредство проходили двумя путями – устным (благодаря общению осетин с русскими) и письменным (в период после 1917 года). Не было практически ни одной области, где бы не отмечались заимствования из русского языка (Кулов 1957; Гуриев 1962; Галазов, Исаев 1987). В бытовой сфере появились такие слова, как:

1. Названия предметов домашнего обихода – **бедра** «ведро», **тас** «таз», **стъл** «стол», **скъапп** «шкаф», **къамод** «комод», **лампаæ** «лампа», **ронкъа** «рюмка», **боцкъа** «бочка», **тъахтин** «тахта», **табуреткæ** «табуретка», **кушеткæ** «кушетка, диван»;

2. Названия предметов одежды и обуви – **палто** «пальто», **кофтаæ** «кофта», **юбкаæ** «юбка», **касинкаæ** «косынка», **къурткаæ** «куртка», **къалос(тæ)** «калоша», **батинкаæ(тæ)** «ботинок», **сандали(тæ)** «сандали», **туфли(тæ)** «туфля», **валинкаæ(тæ)** «валенки»;

3. Названия текстильных изделий – **бйаз** «бязь», **кæсæмир** «кашемир», **фанел** «фланель», **марли** «марля», **кружава** «кружева», **прастина** «простыня», **накидкаæ** «накидка», **крепдешин** «крепдешин», **лент** «лента»;

4. Названия продуктов питания – **хлепа** «рожь», **картоф** «картофель», **къабука** «капуста», **пъамидор** «помидор», **баклажан** «баклажан»;

кабачок «кабачок», **антоновкаѐ** «антоновка», **клубникаѐ** «клубника», **лимон** «лимон», **апельсин** «апельсин», **гранат** «гранат»;

5. Названия пищевых продуктов и блюд – **кас** «каша», **борс** «борщ», **блин(тә)** «блин», **жаркой** «жаркое», **къурупа** «крупа», **сухари(тә)** «сухари», **катлет** «котлета», **гарчицаѐ** «горчица»;

6. Название кондитерских изделий – **къафет** «конфета», **пирожнаѐ** «пирожное», **марожнаѐ** «мороженое», **вареннаѐ** «варенье», **торт** «торт», **кекс** «кекс», **бисквит** «бисквит»;

7. Название рыб и рыбных продуктов – **валергәсаг (валер)** «форель», **сардзан** «сазан», **силодкаѐ** «селедка», **тъаран** «тарань», **килькаѐ** «килька», **белугаѐ** «белуга»;

8. Название напитков – **цай** «чай», **къофи** «кофе», **какао** «какао», **лимонад** «лимонад», **коньяк** «коньяк».

В области сельского хозяйства появились такие слова, как: **трактор** «трактор», **комбайн** «комбайн», **молотилкаѐ** «молотилка», **культиватор** «культиватор», **сепаратор** «сепаратор», **инкубатор** «инкубатор», **сара** «сарай», **пъадвал** «подвал», **пец** «печь», **пъол** «пол», **плета** «плита», **стъарапил** «стропила», **рейкаѐ** «рейка» и т.д.

В области связи и путей сообщения появились новые слова: **пост** «почта», **адрес** «адрес», **письмо** «письмо», **тилифон** «телефон», **соса** «шоссе», **вагон** «вагон», **станцаѐ** «станция», **поезд** «поезд», **вагзал** «вокзал», **шпъалы** «шпала», **релс** «рельс», **автобус** «автобус», **транспорт** «транспорт».

В области торговли и бытового обслуживания были заимствованы слова: **армукъа** «ярмарка», **ларек** «ларек», **киоск** «киоск», **къалбас** «колбаса», **спичка** «спичка».

В области обучения и образования вошли в употребление заимствования из русского языка: **университет** «университет», **техникум** «техникум», **факультет** «факультет», **студент** «студент», **чиныг** «книга», **скъола** «школа», **кърандас** «карандаш», **тетрад** «тетрадь», **пъеро** «перо», **ручкаѐ** «ручка», **мел** «мел», **чернил** «чернила», **резинкаѐ** «резинка», **циркуль** «циркуль», **кисточкаѐ** «кисточка».

В области административно-официальной лексики появились слова: **къопи** «копия», **оригинал** «оригинал», **папкаѐ** «папка», **къаенцылар** «канцелярия», **къантор** «контора», **кабинет** «кабинет», **клей** «клей», **суд** «суд», **къамис** «комиссия».

Многочисленные заимствования отражали новые явления общественно-политической жизни (**парти** «партия», **кълас** «класс», **идейаѐ** «идея», **республикаѐ** «республика», **милицаѐ** «милиция», **коммунист** «коммунист», **революци** «революция», **парламент** «парламент», **агитаци** «агитация», **забастовкаѐ** «забастовка», **пъаелицаѐ** «полиция»), военной организации (**афицер** «офицер», **булкъон** «полковник», **иналар** «генерал», **акъопп** «окоп», **къазарма** «казарма», **лейтенант** «лейтенант», **майор** «майор», **гарнизон** «гарнизон», **военкомат** «военкомат», **гилдз** «гильза»), финансово-экономических отношений (**банк** «банк», **кассаѐ**

«касса», **вексыл** «вексель», **къазна** «казна», **квитанца** «квитанция», **капекк** «копейка»).

Появились новые способы обозначения меры веса, длины, измерения времени: **пут** «пуд», **базман** «безмен», **меркъа** «мерка», **сардзин** «сажень», **четверт** «четверть», **сикъунд** «секунда», **минут** «минута», **сутка** «сутки», **сотна** «сотня», **милуан** «миллион», **гектар** «гектар», **метр** «метр», **километр** «километр», **килограмм** «килограмм», **грамм** «грамм».

Источником формирования терминологии различных отраслей знания также служили заимствования из русского языка: в научно-технической сфере (**хими** «химия», **биологи** «биология», **техника** «техника», **фабрик** «фабрика», **завод** «завод», **станок** «станок», **инженер** «инженер», **мотор** «мотор», **зубила** «зубило», **кабель** «кабель», **индустри** «индустрия», **электрон** «электрон», **атомон бомба** «атомная бомба», **экономон географи** «экономическая география»), в медицинской сфере (**дохтыр** «доктор», **фелсыр** «фельшер», **лечьыр** «лекарь», **афтек** «аптека», **медик** «медик», **медикамент** «медикамент», **инфекци** «инфекция», **инфаркт** «инфаркт»), в лингвистической сфере (**фонетика** «фонетика», **лексика** «лексика», **морфологи** «морфология», **синтаксис** «синтаксис», **суффикс** «суффикс», **префикс** «префикс»), в сфере литературы и искусства (**литература** «литература», **поэзи** «поэзия», **проза** «проза», **драматурги** «драматургия», **комеди** «комедия», **трагеди** «трагедия», **музыка** «музыка», **оркестр** «оркестр», **театр** «театр», **опера** «опера») и т.д.

Фразеология значительно обогатилась за счет структурно-семантических калек (**адамон хадзарад** «народное хозяйство», **адамон тәрхондон** «народный суд», **аэвгъаддон хадзар** «родильный дом», **гәрзифтонг тыхтә** «вооруженные силы», **мад-хъабатыр** «мать-героиня», **мидбаэсты хәст** «гражданская война»), **нырыккон афон** «настоящее время», а также полукалек или гибридных образований (**аивадон литература** «художественная литература», **адамон артист** «народный артист», **авторон бар** «авторское право», **дәлдондзог лодка** «подводная лодка», **къулы газет** «стенная газета»). Калькировались русские поговорки и выражения: **мах уынджы бәрәгбон уыдзән** «будет и на нашей улице праздник»; **әнә фыдабонай ницы ис** «без труда ничего нет»; **цы байтауай, уый әркәрддына** «что посеешь, то пожнешь»; **туас голладжы әмбәхсән нәй** «шило в мешке не утаишь»; **булкәй хрен адджындәр нәу** «хрен редьки не слаще».

Под влиянием русского языка наметилась тенденция к терминообразованию на базе специализации одного из значений общепотребительного слова (**цавд** «тот, кто ударил» → «удар» (действие) → лингв. «ударение»; **хауән** «место падения» → лингв. «падеж»; **удаг** «корень» → лингв., мат. «корень») произошло переосмысление архаизмов и историзмов (**әхсин** «госпожа, барыня» → «хозяйка»; **скъәраг** «погонщик» → «шофер»), расширилась семантическая структура слов (**стыәлф** «пятно» → «точка»; **фарс** «бок, сторона» → «страница»),

появились слова, обозначающие абстрактные понятия (**аив** «красивый» → **аивдзинад** «красота», **аивад** «искусство»; **иртасын** «различать, выделять» → «исследовать» → **иртасынад** «исследование»).

Как отмечает Т.А. Гуриев, пока влияние русского языка на осетинский осуществлялось по устным каналам, оно приводило к лексическим заимствованиям или же к толкованию или описанию значений русских слов. Только появление письменных источников информации вызвало интенсивный процесс калькирования: **æвзагзонынад** «языкознание», **хикритикаæ** «самокритика», **дардмаæуынындзинад** «дальновидность», **æвзагзонынад** «языкознание», **киноаивад** «киноискусство», **ныхмæ архайд** «сопротивление» (букв. «действие против кого-либо»), **адаæмон хицауад** «демократ» (букв. «народная власть»), **армдарæн** «покровительство» (букв. «держание под крылом, ладонью») (Гуриев 1962, с.18-24).

В случаях функциональной и семантической тождественности русизмы имеют преимущественное хождение по отношению к конкурирующим осетинским наименованиям (заимствованные названия месяцев – **январь, февраль, мартъи, апрель, май** и т.д. по отношению к исконным – **тъæнаен, æртам, таæргæн, хуымаен, зæлдæн** и т.д.) или вытесняют их из употребления (**цалцæг** → ремонт, **сахар** → город, **фæранк** → тигр, **тути** → попугай), что является закономерным проявлением тенденции к интернационализации лексики (Тамерьян 1996).

В качестве ведущей тенденции семантической адаптации справедливо признается тенденция к установлению однозначных отношений между понятием и знаком, предполагающая смысловое и/или стилистическое разграничение заимствованных и исконных слов. После заимствования из русского языка в значении «предмет домашнего обихода» слова **стъл** слово **фынг** («круглый низкий столик на трех ножках») стало употребляться, главным образом, в переносном значении «яство, угощение» (Гуриев 1962, с.65-66).

Уже третье десятилетие обсуждается вопрос об употреблении в осетинском языке вежливой формы местоимения «ты» (**сымах**) и обращении по имени-отчеству, причем даже в русском оформлении (например, **Къайтыхъо Къамболатович**). Подобная форма обращения встречается не только в устной, но и в письменной речи.

Х.А.Таказов полагает, что это неправомерно, поскольку в осетинской традиции принято обращаться к собеседнику независимо от возраста и положения на «ты» и по имени (Тахъазты 1983). Другой точки зрения придерживаются Т.А.Гуриев и Л.Б.Моргоева (Гуыриаты 2003; Моргуаты 2004).

Это обусловлено тем, что в соответствии с традиционным этикетом осетин практически отсутствовали ситуации общения старших с младшими. В современном обществе в условиях развития функциональных стилей осетинской речи официально-деловая, научная,

учебно-научная и т.д. коммуникация, даже в пределах этнического сообщества, требует соблюдения этикета (вербального и невербального), который регламентирует общение старшего с младшим (по возрасту, положению, должности, ученому званию). Показателем происходящих процессов является вариативность способов обращения по имени-отчеству – **Харум Алиханович, Харум Алиханы-фырт** («сын»), **Алиханы-фырт Харум** – или же переход на русский язык для передачи конвенциональных речевых формул.

Стандарты речевого поведения осетин – как этикетные, так и неэтикетные отражают стереотипные ситуации в сознании носителей языка. Представленный в этноречевых стандартах ментальный код аккумулирует общекультурные понятия и кросс-культурные стереотипы, поскольку осетинское мировосприятие подвергается как русскому, так и инокультурному влиянию.

Наиболее очевидные изменения в лексике осетинского языка происходят не только за счет заимствований, главным образом, из русского языка, но также за счет развертывания собственных потенциальных возможностей – переосмысления значений осетинских слов, создания неологизмов на базе оригинальных лексических и словообразовательных средств.

Наличие общего политико-экономического, культурного и научного пространства, вызвавшее усиление коммуникативных взаимодействий, в том числе межкультурных, привело к общности базовых знаний о мире. Возросла плотность информационных потоков, поступающих по русскоязычному каналу. В результате этих процессов русский язык явился не только средством и способом приобщения к новым знаниям, но также стимулом внутриязыкового развития.

Литература

1. Галазов А.Х., Исаев М.И. Народы – братья, языки – братья. – Орджоникидзе: Ир, 1987.
2. Гуриев Т.А. Влияние русского языка на развитие осетинской лексики. – Орджоникидзе: Сев.-осет.кн.изд-во, 1962.
3. Крысин Л.П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий//Вопросы языкознания. 2002. – № 6. – С.24-34.
4. Кулаев Н.Х. Основные этапы развития и источники обогащения осетинского литературного языка//Известия СО НИИ. Т.16. – Орджоникидзе: СО НИИ, 1956. – С. 203 – 212.
5. Кулаев Н.Х. Влияние русского языка на развитие словарного состава осетинского языка//Известия СО НИИ. Т.17. – Орджоникидзе: СО НИИ, 1957. – С. 244-250.
6. Моргоуаты Л. Куыд дзурам – «ды» æви «сымах»//Рæстдзинад, 2004. – 4 февраля.
7. Тамерьян Т.Ю. Семантические характеристики латинизмов периода их вхождения в русский язык//Актуальные проблемы теории романо-

германских языков и методики преподавания. – Владикавказ: СОГУ, 1996. – С.62-69.

8. Тахъазты Х. «Ды» æви «сымах»?//Рæстдзинад, 1983. – 8 июня.

Раздел 5.

Сопоставительные исследования и перевод

Л.И.Зубкова

Вариативность переводческих соответствий как признак референциальной безэквивалентности (на материале словарных и художественных переводов)

Концепция обусловленности многих номинативных и реляционных единиц языка развитием культуры народа – носителя языка является основополагающей при выявлении национально-культурной специфики значения слова. Изучение лексики с национально-культурной спецификой значения тесным образом связано с такими понятиями, как «эквивалент», «переводимость», «безэквивалентность», большая заслуга в разработке которых принадлежит ведущим специалистам в области перевода и переводоведения В. П. Беркову, М. П. Брандесу, Л. С. Бархударову, С. Влахову и С. Флорину, В. Г. Гаку, Н. К. Гарбовскому, А. О. Иванову, В. Н. Комиссарову, В. Н. Крупнову, Р. К. Миньяр-Белоручеву, Л. Л. Нелюбину, Я. И. Рецкеру, В. Л. Россельс, А. В. Федорову, Г. В. Чернову, Г. В. Шаткову, А. Д. Швейцеру и др.

Установить наличие национально-культурной семантики у слова можно только путем сопоставления семантики слов двух (и более) языков. Теоретическую и практическую ценность сопоставительного изучения языков обосновал в свое время Ш. Балли (Балли, 1955, с. 38-40).

Слова и словосочетания, не имеющие эквивалентов в словарном составе сопоставляемого языка, относят к безэквивалентной лексике. «План содержания безэквивалентных слов «невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями», — отмечают Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров (Верещагин, Костомаров, 1990, с. 42).

Если безэквивалентность лексических единиц понимается как отсутствие переводческого эквивалента, которое может быть обусловлено национально-языковыми и национально-культурными причинами, то

термин «референциальная безэквивалентность» исключает двойное толкование термина «безэквивалентность», указывает на причину такого отсутствия — обозначение словом национально-культурного понятия, которому нет соответствия в понятиях и в языке другого народа. Референциально-безэквивалентная лексика характеризуется национально-культурной спецификой семантики. Многие представители лингвистики и переводоведения применяют к этой группе лексики термин «реалия» (Л. И. Соболев, А. Д. Швейцер, Г. Д. Томахин, Л. С. Бархударов, М. Л. Вайсбурд, С. Влахов и С. Флорин и др.)

Выделяя такие признаки референциально-безэквивалентных лексических единиц, как 1) несовпадение объема передаваемых релевантных значений исходной лексической единицы в сопоставлении с ее соответствием в языке перевода; 2) несовпадение уровня репрезентации релевантных значений в переводе, остановимся на таком признаке, как 3) нерегулярность использования в языке перевода, т.е. наличие вариантов.

Рассмотрим вариативность в переводе на примере референциально-безэквивалентных лексических единиц русского языка, относящихся к наименованиям жилых построек. В русско-английском словаре под редакцией А. И. Смирницкого слово «изба» передается при помощи нескольких вариантов перевода: house, cottage, hut, peasant house. В художественном переводе рассказов Василия Шукшина отмечаются следующие варианты перевода слова «изба»:

- cottage (коттедж): *Бабка спрятала письмо в карман передника, оделась и вышла из избы* (Сельские жители). – *Grandma slipped the letter into her apron pocket, put on her coat and shawl and left the cottage* (Country Dwellers. Перевод Robert Daglish);
- house (дом): – *Вот что: постучишь в крайнюю избу, спросишь, где Мазаев Ефим живет* (Охота жить). — *Knock at the end house in the village and ask where Yefim Mazayev lives* (I Want to Live. Перевод Robert Daglish);
- hut (хижина, хибарка): *Изба Сани стояла на краю деревни, над рекой* (Залетный). – *Sanya's hut stood at the edge of the village, above the river* (The Stray. Перевод Andrew Bromfield);
- log cabin (бревенчатая хижина): *Кабинет они оба додумались подогнать под деревенскую избу* (Мастер). – *They decided to make it look like the inside of the log cabin* (A Master Craftsman. Перевод Kathleen Mary Cook);
- room (комната): *Он встал со стула и начал ходить по избе* (Космос, нервная система и шмат сала). – *He jumped up and started pacing about the room* (Outer space, the Nervous System and a Slab of Fatback. Перевод Robert Daglish).

Переводческие соответствия, как house, hut, room, log cabin, мы считаем функциональными аналогами русской реалии «изба», они не раскрывают и не указывают на национально-культурную специфику русской постройки.

Использование слова *cottage* в переводе не способствует адекватной рецепции текста, т.к. «небольшой жилой благоустроенный дом в пригороде, в поселке» (словарь Ожегова, Шведовой) не ассоциируется у русского человека с крестьянским бревенчатым срубом.

Другая национально-окрашенная лексическая единица русского языка, которая характеризуется вариативностью переводческих соответствий, – это «горница». В русско-английском словаре под редакцией А. И. Смирницкого слово дается с пометой «ист.» и переводится как *room* и *chamber*. Эти варианты отмечаются в художественном переводе:

- *chamber* (комната, главным образом спальня): – *Фикус ему в конюшню поставил – у его там, как у невесты в горнице стало* (И разыгрались же кони в поле). – “*I even put a rubber plant in his stable – it’s like a bridal chamber in there now*” (See the Horse Gallop. Перевод Robert Daglish);
- *room* (комната): *В горнице запахло сеном и сбруей* (Сельские жители). – *A smell of hay and harness spread through the room* (Country Dwellers. Перевод Robert Daglish).

Наряду со словарными соответствиями переводчики предлагают другие варианты, включающие атрибутивные сочетания:

- *best room* (лучшая комната): *Пашка запомнил, что окна горницы выходят в сад* (Классный водитель). – *Pashka had remembered, that the windows of the best room looked out on to the garden* (The Classy Driver. Перевод Robert Daglish);
- *front room* (передняя комната): *Пашка увидел сквозь голые деревья слабо мерцающие темные окна горницы* (Классный водитель). – *Pashka was able to make out through the bare branches the faintly glimmering window panes of the front room* (The Classy Driver. Перевод Robert Daglish);
- *living room* (гостиная, общая комната): *И ничуть* (Ваганов – З.Л.) *этого не испугался, только ушел с хозяйской половины дома к себе в горницу* (Страдания молодого Ваганова). – *And in the least daunted by this, he just left the landlord’s section of the house and went to his living room* (The Sorrows of Young Vaganov. Перевод Kathleen Mary Cook);
- *main room* (главная, основная комната): *Он* (Моня – З.Л.) *походил по горнице в трусах, глубоко гордый и спокойный...* (Упорный). – *He strode about the main room in his underwear, calm and proud as he could be...* (The Stubborn Fellow. Перевод Holly Smith);
- *parlour* (скромная гостиная, общая комната; приемная (в гостинице)): *Шурыгин, чтобы не слушать ее ворчания, ушел в горницу...* (Крепкий мужик). – *So as not to hear her mutterings, Shurygin went into the parlour...* (The Tough Guy. Перевод Kathleen Mary Cook).

Референциальная безэквивалентность свойственна лексической единице «сени», имеющей словарный перевод *entrance hall* и *passage*. Эти словарные соответствия рассматриваются как функциональные аналоги для перевода русской реалии «сени». В художественных переводах мы отмечаем следующие варианты:

- porch (крыльцо, подъезд, портик, крытая галерея): *Избушка – так себе, амбар рядов в тринадцать-четырнадцать, в одно оконце, без сеней и без крыши* (Охота жить). – *Nothing special, just a shed really with walls thirteen or fourteen logs high and no porch and no roof either sometimes* (I Want to Live. Перевод Robert Daglish);
- corridor (коридор): *В сенях, закуривая, инженер признался: – Не понимаю, что за натура?* (Классный водитель). – *Lighting up in the corridor? The engineer confided, “I can’t understand that way she has with her”* (The Classy Driver. Перевод Robert Daglish);
- covered porch (закрытое крыльцо): *Колька обычно стоял в сенях своего дома и смотрел в щелочку* (Нечаянный выстрел). – *Kolka would usually stand in the covered porch of his house and watch through the crack in the boards* (An Accidental Shot. Перевод Robert Daglish).

Таким образом, способ перевода с помощью функционального аналога и наличие нескольких вариантов указывают на трудность поиска переводческих соответствий для передачи национально-культурного своеобразия референциально-безэквивалентных лексических единиц и являются основанием для проведения более детального компонентного анализа.

Литература

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Изд-во Иностр. лит-ры, 1955.
2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Рус. яз. – 1990.

Н.А. Козельская, Н.В. Федотова

Особенности перевода колористической лексики в рекламном тексте

Рекламный дискурс является относительно новым и активно развивающимся типом дискурса в коммуникативном пространстве русского языка. В разработке рекламного текста российские производители идут вслед за западным (англо-американским) опытом. Одним из ярких подтверждений тому является создание цветонаименований (ЦН) в рекламном тексте. Цвет в рекламе оказывается своеобразным товаром, для продажи которого нужна упаковка (Василевич, Мищенко 2003, с. 76). Эта «упаковка» - все новые и новые экспрессивные

цветообозначения, главной функцией которых является привлечение внимания не столько к цвету рекламируемого предмета, сколько к своей словесной форме. По данным специалистов, еще пятнадцать лет тому назад до 75 % всех названий цвета в тексте отечественной рекламы приходилось на 12 основных наименований (красный, синий и т.п.) и лишь 5-6% – на словосочетания типа *цвета воронового крыла* или *цвета давленной малины*. В настоящее время структура лексических средств обозначения цвета заметно меняется. Во многом это происходит под влиянием моделей образования окказиональных названий цвета в англо-американской рекламе.

С целью выявить особенности перевода английских рекламных цветоименований на русский язык мы исследовали каталоги декоративной косметики популярных зарубежных фирм Oriflame и Avon, в которых, как правило, указывается наряду с русским коммерческим названием цвета его английский оригинал. Всего было собрано 500 цветоименований (губной помады, лака для ногтей, теней) языка-источника. В результате сопоставительного анализа ЦН языка-источника и языка перевода было выявлено четыре типа номинаций, в основе которых лежат разные виды межъязыковых лексических соответствий.

1. Линейные соответствия (полные эквиваленты), полученные в результате буквального перевода, составили 13% от общего числа исследованных цветоименований. Переводу преимущественно подвергались ЦН на основе названий фруктов и ягод (*Арбуз, Клубника, Малина, Нежный персик, Папайя, Сочное манго* и др.); напитков (*Какао, Кофе с молоком, Розовый лимонад, Фруктовый пунш*); сладостей (*Шоколад, Пирожное, Конфетка*); минералов и металлов, драгоценных камней (*Бронза, Кварц, Платина, Серебро, Аметист, Бриллиант*); названия основных цветов и их оттенков (*Коричневый, Коричнево-черный, Классический серый, Охра, Ультрамарин* и др.)

2. Близкие соответствия – 28% от общего числа ЦН. В этой группе номинаций определилось несколько подгрупп –

2.1. С сохранением цветового образа:

Lilac shine (Сиреневое сияние²²) – *Сиреневый букет*
Raspberry Lilac (Малиновая сирень) – *Малиновое варенье*
Pink Sharm (Розовое очарование) – *Розовый бархат*
Blue Sky (Голубое небо) – *Голубой шелк*
Peach Ice (Персиковый лед) – *Персиковый щербет* и др.

2.2. С сохранением предметного образа:

Sheer Rose (Спелая дыня) – *Ароматная дыня*
Frozen Rose (Замерзшая роза) – *Дикая роза*
Perfect Plum (Совершенная слива) – *Сочная слива*
Fresh Grape (Свежий виноград) – *Сочный виноград*

²² В скобках дан буквальный перевод.

White as Snow (Белый как снег) – *Искрящийся снег* и т.п.

Мы отметили, что при образовании близких соответствий происходят процессы расширения значения (за счет удаления конкретизирующего признака в языке перевода): *Juicy Bronze* – *Бронза*, *Perfect Petal* – *Лепесток*, *Sunrise Kiss* – *Поцелуй* и сужения значения (за счет добавления признака в языке перевода): *Cream* – *Ванильный крем*, *Vanilla* – *Нежная ваниль*, *Pink* – *Розовый бархат*, *Grey* – *Серый гранит*.

3. Приблизительные соответствия – 22 %. В таких номинациях сохраняется некая общность цветового или конкретно-чувственного образа, общность ассоциаций, вызываемых ЦН, но происходит замена лексем, образующих название цвета. Здесь выявились следующие подгруппы –

3.1. С заменой номинаций цветового образа на близкий, однотипный, подобный, но имеющий более четкую или точную цветовую ассоциацию в языке перевода: *Bronze* (Бронза) – *Бежевый*, *Cornflower* (Василек) – *Колокольчик*, *Terracotta* (Терракота) – *Красная яшма*, *Jade* (Нефрит) – *Малахит*;

3.2. С заменой предметного образа: *Pool Blue* (Голубой пруд) – *Июнь-ское небо*, *Baby's Blush* (Детский румянец) – *Нежная роза*, *Denim* (Джинсовая ткань) – *Синяя птица*, *Berry Shine* (Ягодное сияние) – *Малиновый модерн*, *Sunny* (Солнечный) – *Заря*, *Brown Sugar* (Коричневый сахар) – *Ириска*, *Tempo* (Темп) – *Вальс*, *Crystal Waters* (Кристалльные воды) – *Аквамарин*.

4. В данную группу цветоименований мы объединили новые номинации, предложенные отечественными распространителями декоративной косметики в качестве аналогов названиям-оригиналам. Это самая большая группа – 37% от общего числа. В созданных ЦН реализуются разные, в том числе противоположные тенденции. Так, есть подгруппа названий, в которых язык-оригинал дает цветовой образ, а в русском языке возникает номинация без него: *Brown Sugar* (Коричневый сахар) – *Дюна*, *Rose Beam* (Розовый луч) – *Кассиопея*, *Innocent Violet* (Невинный фиолетовый) – *Ницца*, *Violet Petal* (Фиолетовый лепесток) – *Свидание*, *Sheer Pink* (Настоящий розовый) – *Эдем*, *Mocha Truffle* (Кофейный трюфель) – *Венера*. Очевидно, что в подобных названиях цветом «жертвуют» ради формирования психологически привлекательного образа товара, позитивного отношения к нему, пробуждения любопытства, создания интриги, в том числе и предложением потребителю самостоятельно найти мотивацию для избранного названия цвета.

В другой подгруппе реализуется иная стратегия номинации: введение цветового образа. Например, *Sequin* (Цехин) – *Розовой всплеск*, *Casablanca* (Касабланка) – *Сирень*, *Lace* (Кружево) – *Чайная роза*, *Creole* (Креолка) – *Красный мак*, *Crush* – *Вишня*, *Dynato* – *Лиловые огни*, *Bliss* (Блаженство) – *Лиловый восторг*. Приведенные английские цветоименования не обозначают никакого цвета и у русского потребителя не вызывают сколь-

нибудь определенной цветовой ассоциации, которую, вероятно, имеют у англоговорящих. Это может быть одной из причин замены оригинальных ЦН на новые русские обозначения.

Еще один вариант переименования цвета: замена в цветономинации названий предметов, признаков – носителей цвета. Например, *Buff* (Буйволовая кожа) – *Зимняя вишня*, *Minty* (Мятный) – *Океанская волна*, *Sheer Violet* (Настоящий фиолетовый) – *Снежная малина*, *Creamy* (Кремовый) – *Янтар- ный соблазн*, *Lilac Dust* (Сиреневая пыль) – *Розовый иней*, *Surreal Brown* (Сюрреалистический коричневый) – *Белоснежка*, *Honey Blue* (Медовый голубой) – *Бамбук*.

Несовпадающие цветовые образы, различия цветовых ассоциаций вторичных (производных) наименований цвета объясняются расхождениями в цветовом восприятии окружающего мира носителями сопоставляемых языков, а также объективным фактором «расплывчатости» некоторых вторичных названий цвета, отсутствием своего рода стандартизации терминов цвета.

В последнюю подгруппу вошли наименования, которые ни в английском, ни в русском языке не связаны прямой ассоциацией с каким-либо цветом *Flash* (Вспышка) – *Барби*, *Fidelity* (Преданность) – *Интрига*, *Freedom* (Свобода) – *Искушение*, *Concorde* (Согласие) – *Тайна*, *Double Fudge* (Двой- ное вранье) – *Фламенко*, *Escape* (Спасение) – *Триумф*, *Peekaboo* (Игра в прятки) – *Талисман*. Подобные наименования выполняют чисто рекламную функцию, привлекая внимание к товару. Однако отсутствие ассоциативной связи с называемым цветом снижает их коммуникативную эффективность.

Наш материал показывает, что в процессе создания русской рекламной колористической лексики наряду с прямым переводом лексем все большее место занимает освоение моделей образования ЦН, например, использование названия предмета – носителя цвета (*Фуксия*), предмета и его конкретного признака (*Горячий камень*), предмета и его экспрессивной, эмоциональной характеристики (*Застенчивая слива*). Проведенный анализ свидетельствует, с одной стороны, о значительном влиянии англо-американской рекламы косметики на русскую, а с другой стороны, о становлении самостоятельного российского рекламного дискурса, учитывающего особенности национального ассоциативного мышления. В процессе активного словотворчества происходит своего рода конкуренция между цветоименованиями иностранного происхождения и исконными, возникающими в процессе естественного развития русского языка.

Литература

1. Василевич А.П., Мищенко С.С. Лексика цветообозначения: реакция русского языка на новые реалии // Русский язык сегодня. Вып. 2. – М.: «Азбуковник», 2003. – С.75-87.

Т.Ю. Махортова

Сопоставительный анализ текстов и перевод

В условиях стремительной глобализации существует необходимость учета универсальных и специфических особенностей поведения и общения различных народов, адекватного определения культурных ценностей, лежащих в основе коммуникативной деятельности, а также предугадывания вероятных ситуаций межкультурного непонимания.

В связи с этим в методике обучения иностранным языкам и переводу особую актуальность приобретает интеркультурный подход, основной целью которого является интеркультурная компетенция, под которой понимается комплекс умений, позволяющих ориентироваться и соответствующе вести себя в ситуациях межкультурного общения.

Важнейшей составляющей интеркультурной методики обучения является работа со связными текстами различной жанровой и тематической принадлежности, основанная на рассмотрении текста как фрагмента культуры и ее репрезентации. Теоретическим обоснованием данной методики являются лингвокультурологические исследования текста. Исследователь в области лингвистики текста К. Бринкер отмечает общественно-исторические предпосылки возникновения и становления типов текстов, представляющих собой «общепринятые модели для различных видов языковой деятельности», которые могут быть описаны как типичные комбинации ситуативных, коммуникативно-функциональных и структурных признаков (Brinker, 1992). В свете актуализации проблем межкультурной коммуникации важным представляется замечание К. Норд по поводу культурно-специфического характера признаков типов текста (Nord, 1995).

По оценкам В.-Д. Краузе, сравнительные исследования типов текстов в различных языках подтверждают тот факт, что типы текстов, вследствие различий в их историко-общественном возникновении и развитии, обладают определенными свойствами, которые являются характерными лишь для соответствующего языкового сообщества. Речь идет, прежде всего, о макро- и микроструктурной организации типов текстов, а также о языковых средствах выражения дифференциальных признаков текстов. Исследователь указывает также и на наметившиеся тенденции унифицирования некоторых типов текстов (Krause, 1988).

Процесс языковой унификации наиболее отчетливо проявляется в сфере функционирования международных организаций и институтов: происходит формирование стандартной лексики и единых принципов создания текстов, возникновение гибридных текстов, в которых нарушаются лексические, синтаксические и стилистические нормы вследствие влияния других языков и культур. Данное явление детерминировано процессами глобализации, развитием Интернета, интенсивным развитием межкультурных связей, интернационализацией

экономики, активным международным туризмом, а также деятельностью средств массовой информации в современном обществе.

В контексте общей тенденции изучения особенностей межкультурного общения в рамках современной лингвистической парадигмы наряду с выявлением культурно-специфических особенностей текста и его типов представляется важным исследование способов реализации того или иного типа текста в различных языках. Данный вопрос фокусирует наше внимание на несовпадениях в реализации одной и той же текстовой модели в различных лингвокультурных сообществах, а также на проблемах гармоничного сосуществования и возможного взаимовлияния и взаимопроникновения данных моделей. Для решения обозначенных проблем, прежде всего, необходимо определить причины данных различий.

Специфика общественно-исторического развития языкового сообщества, этническое своеобразие жизнедеятельности членов данного сообщества, а также особенности ментального сознания являются причинами экстралингвистического характера и в комплексе с собственно лингвистическими причинами предопределяют, во-первых, этнодифференцирующие признаки текстовой деятельности, во-вторых, механизм реализации текстовой модели в конкретном тексте, и, наконец, структурно-семантические особенности текста. Поэтому достаточно актуальными являются как одноязычные, так и, пожалуй, даже в большей степени, сопоставительные исследования, объектом которых являются типы текстов, противопоставленные друг другу в определенных парах языков.

Исследование текстов в сопоставительно-типологическом аспекте является необходимым, поскольку существует определенный корпус текстов, которые в одной лингвокультурной общности могут быть употребительными, а в другой вообще отсутствовать. Тем не менее, сопоставительная типология текстов не должна ограничиваться выявлением принципиальных отличий текстовых моделей, реализующихся и функционирующих в разных человеческих общностях. Сопоставительные исследования преследуют цели показать как различия, так и сходства, существующие в данной сфере языковой деятельности. Таким образом, изучение текста в межкультурном аспекте является важнейшим направлением современной лингвистики текста и открывает широкие возможности перед исследователями.

Сопоставительно-типологическое описание текстов имеет как научную, так и практическую ценность не только для лингвистики текста, но и для теории и практики перевода. В практической деятельности переводчик сталкивается с текстами разнообразных типов и жанров, перевод которых предполагает комплексное использование переводческих методов и приемов, а также учет смысловой, структурной и стилистической целостности текста. При этом важнейшими факторами, определяющими стратегию перевода, являются особенности источника и реципиента

текста, его коммуникативное задание, лингвоэтнические характеристики переводимого типа текста в ИЯ и ПЯ.

Этим обусловлена необходимость постановки перед студентами, обучающимися переводу, заданий, нацеленных на анализ текстов одной типологической принадлежности, одного функционального типа в ИЯ и ПЯ с целью выявления их сходных и культурно-специфических черт. Задания такого рода, включающие прагматический, структурный, смысловой, лексический, грамматический и стилистический анализ текстового материала, представляется целесообразным включать в первый этап работы с текстом – так называемый предпереводческий анализ текста.

Для сопоставительного анализа подбираются два параллельных текста на ИЯ и ПЯ (под параллельными текстами мы понимаем аутентичные тексты на ИЯ и ПЯ одного и того же функционального типа, имеющие одинаковую тему и сходные коммуникативные функции), например, немецкоязычная и русскоязычная потребительская инструкция, деловое письмо, контракт и т.д. В качестве алгоритма выполнения сопоставительного «мини-исследования» обучающимся может быть предложен следующий план:

- 1) Определите тип и жанровую принадлежность параллельных текстов.
- 2) Охарактеризуйте источник и потенциальных реципиентов текстов.
- 3) Определите коммуникативно-прагматические функции текстов.
- 4) Установите приемы внешнего стандартного оформления текстов.
- 5) Определите тему каждого из текстов.
- 6) Охарактеризуйте композиционную структуру текстов.
- 7) Определите структурно-содержательные сходства и различия текстов.
- 8) Выявите языковые средства, характерные для текстов данного типа на ИЯ и ПЯ.
- 9) Определите, есть ли в текстах термины, реалии, клише, тематически ориентированная лексика, стилистически маркированная лексика. Установите соотношение данных пластов лексики в текстах данного типа на ИЯ и ПЯ.
- 10) Определите тема-рематическое членение предложений в текстах.
- 11) Определите синтаксические структуры и средства когезии, характерные для текстов данного типа на ИЯ и ПЯ.
- 12) Определите доминирующие грамматические формы и конструкции; объясните их использование в данных текстах.
- 13) Найдите в текстах средства выражения модальности и определите ее вид.
- 14) Сформулируйте переводческую стратегию для текстов данного типа, опираясь на результаты проведенного анализа. Определите переводческие проблемы и предложите способы их решения.

Как видно из приведенного плана, в ходе сопоставительного анализа обучающимися поэтапно выявляются дискурсивные и внутритекстовые (структурные, содержательно-тематические и языковые) признаки текстов определенной типологической принадлежности. В заключение

предпереводческого анализа студенты с помощью преподавателя обобщают особенности данного типа текста, имеющие культурно-универсальный или национально-специфический характер для определенной пары языков. Основываясь на результатах проведенного анализа, они определяют стратегию перевода для текстов данного типа, учитывающую его культурологическую специфику и направленную, таким образом, на создание прагматически адекватного перевода с позиций межкультурного и межъязыкового взаимодействия. Таким образом, сопоставительное изучение текстов является действенным помощником переводчика.

Литература

1. Brinker K. Linguistische Textanalyse: eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. – Berlin, 1992.
2. Krause W.-D. Zur Präzisierung eines sprachwissenschaftlichen Textsortenbegriffs // Wiss. Ztschr. Der PH Potsdam, Heft 5. – Potsdam, 1988.
3. Nord C. Textanalyse und Übersetzen. – Heidelberg, 1995.

Раздел 6.

Сопоставительные исследования в области словообразования и грамматики

О.Н. Кравченко

Словообразовательные аффиксы в английском и русском языках

Бурно развивающийся мир и события нашей жизни вызывают изменения в языковой системе и, прежде всего, в словарном составе. Ведь именно лексика языка, по мнению С.Ш. Рытковой, особенно чувствительна ко всем изменениям общественно-культурной жизни общества (Рыткина 2005, с. 167). Свойственный данному языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти специфичен, так что носители разных языков могут видеть немного по-разному, через призму своих языков. Как считает Ю.Н. Антюфеева, лексический состав языка динамичен и меняется исторически в соответствии с новыми задачами коммуникации и практическим использованием языка. Существенной особенностью словарного состава является его непосредственная обращенность к явлениям действительности, поэтому именно в лексике отражаются все изменения, происходящие в общественной жизни, что неизбежно влечет за собой создание новых наименований (Антюфеева 2005, с. 11).

Словарный состав языка и обслуживающий его механизм словообразования дают богатейший материал для наблюдений, размышлений и обобщений. Представляя собой систему, лексика пребывает в постоянном движении. В каждом языке никогда не

прекращается процесс пополнения его новыми словами. Часть их создается путем словообразования, поэтому словообразование непосредственно отражает все изменения, происходящие в окружающей нас действительности.

Базовыми типами словообразования считаются словопроизводство, словосложение, транспозиция и др., а базовыми его понятиями – понятие мотивации и понятие словообразовательной производности. «Применение этих понятий позволяет рассматривать производное слово как такую структуру, внутренняя форма которой соответствует выражаемому ею содержанию и которая строится как двучленное бинарное образование из отсылочной и формантной частей». Формантная часть «... служит выражению нового значения у деривата по сравнению с мотивирующим его словом» (Кубрякова 1998, с. 467).

Особое внимание уделяется моделям производных и сложных слов. В данной статье мы подробнее остановимся на образовании производных слов с общим корнем в английском и русском языках способом аффиксации.

По мнению П.В. Царева, словопроизводство – это способ образования слов с помощью аффиксов – суффиксов и префиксов, которые, вступая в различные комбинации с основами слов (и другими образованиями), образуют новые слова (Царев 1984, с. 13). По мнению О.Д. Мешкова, с точки зрения словообразовательного анализа слово является производным, если оно может быть произведено от производящей основы членами данного языкового коллектива. Если слово может появляться в речи только как готовая производимая единица, то оно не производное (Мешков 1976, с. 27). Для создания производного слова необходимо знать производящую основу и значения аффиксов. Разные аффиксы имеют разную степень абстрагированности. Так, английские суффиксы *-ness*, *-ity*, *-ance*, *-ence*, *-hood*, *-dom*, *-ship*, *-age* обладают весьма абстрагированным значением состояния; существуют суффиксы деятеля: *-er*, *-or*, *-ist*, *-man*; негативные префиксы: *un-*, *non-*, *dis-*, *de-*, *mis-* и др.; суффиксы со значением подобия: *-ish*, *-y*; качества: *-ous*, *-ive* и др. У существительных русского языка можно выделить суффиксы со значением действия: *-ние* (пение), *-тие* (взятие), *-к-* (рубка), *-б-* (косьба), *-ёж* (грабеж), *-ация* (аттестация), *-ств-* (баловство), *-ок* (бросок) и др., суффиксы со значением деятеля: *-тель* (воспитатель), *-ник* (ученик), *-ец* (владелец), *-арь* (пахарь), *-ун* (бегун), *-ок* (стрелок) и др.

Вслед за О.Д. Мешковым мы считаем, что словообразовательный суффикс в английском языке – это такой элемент, который, присоединяясь к основе, выполняет одну из следующих функций: (1) переводит производящую основу в другую часть речи: *to teach* – *a teacher*; *a friend* – *friendly*; *to consider* – *consideration*; (2) переводит производящую основу в другой лексико-грамматический разряд: *London* (не лицо) – *a Londoner* (лицо); (3) придает производящей основе другое коннотативное значение: *a book* – *booklet*, *green* – *greenish*; (4) изменяет существительное, означающее

мужской род в существительное, означающее женский род: *an actor – an actress*. (Мешков 1976, с. 31).

Анализ структуры английского производного слова, образованного способом аффиксации осложняется двумя факторами.

Во-первых: существует большое количество алломорфных форм словообразовательных аффиксов, особенно суффиксов. Это значит, что недостаточно знать одну форму суффикса, например, *-able*, а целый ряд его алломорфов: *-able (breakable)*, *-ible (responsible)*, *-ibl (incompatibly)*, *-uble (dissoluble)* и т.д.

Второй важный для проблем словообразования, фактор состоит в выделяемости словообразовательного аффикса и, следовательно, в отнесении того или иного слова к разряду производных. В английском языке имеется большое количество слов, которые были заимствованы вместе со словообразовательными аффиксами, однако корни этих слов не имеют в современном английском языке самостоятельного употребления. Рассмотрим примеры: *document* и *government*, *capable* и *readable*. С одной стороны, после вычитания *-ment* из *document* и *-able* из *capable* не остается значимой части и, следовательно, *document* и *capable* неделимы, а это в свою очередь, должно бы означать, что *-ment* в *document* и *-able* в *capable* не суффиксы, а суффиксальные морфемы. А вот основа *govern-* является производной и можно проследить её структуры с различными суффиксами: *to govern v*, *governance n*, *governess n*, *governing adj*, *governor n*, *government n*, *governmental adj*, *governorship n* и соответственно от *read-*: *read v*, *reader n*, *reading n*, *readable adj*, *readability n*.

Следует выделить разветвлённое семейство английских слов, производных от латинского глагола *ducere, ductum* «водить»:

- глаголы с различными приставками: *abduct* «уводить», *adduce* «приводить», *conduct* «проводить», *deduce* «выводить», *introduce* «вводить», *reduce* «снижать» и т.д.;

- существительные с суффиксами *-tion*, *-ance*, обозначающие соответствующие действия: *abduction*, *conductance*, *deduction*, *introduction*, *reduction* и т.д.;

- существительные с суффиксами *-or*, *-er*, *-ress*, обозначающие человека или инструмент как исполнителя действия: *abductor*, *conductor*, *conductress*, *inducer*, *inductor*, *reducer*, *reproducer*, *seducer*, *seductress* и т.д.;

- прилагательные с суффиксами *-ive*, *-ory*, обозначающие способность совершать действие: *conductive*, *deductive*, *introductory*, *reproductive*, *seductive* и др.;

- прилагательные с суффиксом *-ible*, обозначающие способность подвергаться действию: *adducible*, *conductible*, *deductible*, *inducible*, *producible* и др.

Этот перечень далеко не полон, так как к нему можно добавить, во-первых, некоторые производные с менее распространёнными суффиксами (например, *abducent*, *inductee*), во-вторых, существительные, имеющие в своем составе два суффикса (например, *productivity*, *producibility*) и

наречия (например, *productively*), которые образуются от прилагательных по стандартным образцам. Всего от этого корня образовано больше ста английских слов.

У некоторых слов этого семейства есть прямые русские совпадения, заимствованные из той же латыни: *индуцировать*, *дедуктивный*, *кондуктор*, *продукт*, *репродукция* и т.п. Однако русских слов от этого корня в несколько раз меньше, и им присущи более узкие, специальные значения. Так, у слова продукция более узкое значение, чем у *production*, которое переводится также как *производство*, *произведение*, *постановка*.

Русский словарный состав тоже богат семействами производных слов. Например, от корня русского глагола *вод(ить)* с помощью приставок образуются больше двух десятков производных глаголов, а от них с помощью аффиксов создано ещё несколько десятков производных существительных и прилагательных. Общая черта таких семейств в английском и русском языках - изменчивость корня, от которого они разрастаются. В рассмотренных примерах английский корень выступает в виде *(pro)duce - duct*, а русский – как *вод(ить) - вес(ти) - вед(у) - вож(у) - вожд(ение)*.

Вслед за А.Н. Тихоновым мы называем аффиксальные общности словообразовательными типами (СТ), а корневые общности - словообразовательными гнездами (СГ) (Тихонов 1982, с. 4). В словообразовательном гнезде основная словообразовательная функция аффиксов заключается в конкретизации общего значения корня слова на первом шаге словообразования; на втором и на всех следующих словообразовательных шагах аффиксы (суффиксы, префиксы и др.) соответственно конкретизируют лексическое значение производящего слова (Ковалик, 1982, с. 234).

В заключение следует подчеркнуть, что противопоставление аффиксов (СТ) корневым элементам (СГ) играет системообразующую роль, поэтому описание системных связей комплексных единиц словообразования предполагает выявление и всестороннюю характеристику его конкретных проявлений.

Литература

1. Антюфеева Ю.Н. Новообразования как факты языка и речи // Фундаментальные и прикладные исследования в системе образования. – Тамбов, 2005.
2. Ковалик И.И. Аффиксы и их роль в словообразовательном гнезде // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент, 1982. – С. 232-234.
3. Кубрякова Е.С. Словообразование // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд. – М.: Изд-во Большая Российская энциклопедия, 1998.
4. Мешков О.Д. Словообразование современного английского языка. – М.: Наука, 1976.

5. Рыткина С.Ш. Национально-культурная специфика словообразовательной парадигмы // Фундаментальные и прикладные исследования в системе образования. – Тамбов, 2005.
6. Тихонов А.Н. Проблемы изучения комплексных единиц системы словообразования // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент, 1982. – С. 3-13.
7. Царев П.В. Продуктивное именное словообразование в современном английском языке. – М.: Изд-во МГУ, 1984.

М. Г. Гашкова

Способы глагольного действия как потенциал языковой экспрессии (на материале русского и немецкого языков)

Анализ способов действия представляет большой интерес для грамматической стилистики. Разнообразные оттенки видовых значений и стилистической окраски у глаголов разных способов действия определяются, как правило, особенностями их словообразования.

1. Начинательный способ действия.

А.В.Бондарко выделяет три возможности образования глаголов начинательного способа действия в русском языке с помощью приставок. Большинство русских начинательных глаголов имеют приставку *за-* (*заблестеть, завывать, заволноваться* и т. д.). Начинательные глаголы с приставкой *по-* образуются от однонаправленных глаголов движения и других глаголов со значением передвижения в пространстве (*побежать, поплыть, помчаться* и т. д.). Начинательные глаголы с приставками *вз-* (*вс-*) и *воз-* немногочисленны. Они утратили былую продуктивность и отчасти имеют оттенок устарелости или отличаются экспрессивностью и принадлежностью к просторечию (*взвыть, взмолиться; вскричать; возлюбить, возмечтать, возрадоваться*) (Бондарко, Буланин 1967). Н.С. Авилова указывает также на приставку *раз-* в русских глаголах. Здесь речь идет о тех случаях, когда действие полностью отсутствует до выражения его глаголом (*расплакаться: ребенок не плакал, спокойно спал, и вдруг расплакался*) (Авилова 1976).

Немецкий язык обладает морфологическими, лексическими, синтаксическими и другими средствами для выражения начала действия. Мы остановимся только на глагольно-субстантивных конструкциях фразеологического типа, которые выражают начало действия на уровне сочетания (а не на уровне глагола и т. д.). Такие сочетания выделяются экспрессивной окраской.

Конструкции с глаголом *ausbrechen* нашли широкое распространение в переводной литературе и, как правило, обозначают психические переживания (*in Weinen ausbrechen – расплакаться; in Schluchzen*

ausbrechen – разразиться рыданиями; *in Husten ausbrechen* – закашлять; *in Gelächter ausbrechen* – засмеяться и др.). Напр.:

Лиза швырнула в пепельницу
недокуренную сигарету и
горько зарыдала. (Маринина)

Lisa zerdrückte die halb
gerauchte Zigarette im
Aschenbecher und brach in
haltloses Schluchzen aus.
(Marinina)

Больная, всего лишь лет
сорока, заплакала.
(Солженицын)

Die Patientin, eine Frau von
kaum vierzig Jahren, brach in
Tränen aus. (Solschenizyn,83)

Близки к вышеназванным конструкциям сочетания с глаголом *geraten*, которые обладают большим диапазоном сочетаемости (*in Aufregung geraten* – заволноваться; *in Bewegung geraten* – задвигаться; *ins Stottern geraten* – заикаться; *in Streit geraten* – заспорить и т. д.). Как отмечают некоторые лингвисты (Кульбакин, 1981), словосочетания с глаголом *geraten* подчеркивают спонтанность протекания действия, придают оттенок интенсивности движения. Напр.:

- Ах, Лев Глебович, -
заволновался Подтягин.
(Набоков)

„Ach, Lew Glebowitsch.“
Podtjagin geriet in Erregung.
(Nabokov)

Уф, аж взопрел.
(Пастернак)

Uff, bin ich in Eifer geraten!
(Pasternak)

Следующая группа – это сочетания с глаголом *kommen* (*ins Wanken kommen* – зашататься; *ins Schwatzen kommen* – разболтаться; *ins Laufen kommen* – разбежаться и т. д.). Как отмечает А.А. Кульбакин (Кульбакин, 1981), словосочетания с глаголом *kommen* имеют значение постепенного наступления действия. Напр.:

Все засуетились и
закричали. (Пастернак)

Alle kamen in Bewegung und
schrien. (Pasternak)

Гладышев растворил эту
дверь, и оттудашибануло
таким запахом, что Чонкина
зашатало от неожиданнос-
ти,... (Войнович)

...öffnete die Tür und bekam
sofort einen solchen Geruch in die
Nase, daß er geradezu ins Wanken
kam. (Woinowitsch)

Мы выделяем также сочетания с глаголом *bekommen*, которые указывают на начало действия (*Lust bekommen* – захотеть; *Schluckauf bekommen* – заикать; *Mitleid bekommen* – начать жалеть кого-либо и др.). Напр.:

...а то я что-то тоже исть

Inzwischen hab ich nämlich auch

захотел. (Войнович)

Hunger bekommen.
(Woinowitsch)

Не забывай про кражи
документов, когда начнешь
жалеть Дарью. (Маринина)

...denk an die Diebstähle, wenn du
Mitleid mit ihr bekommst.
(Marinina)

Выше названные конструкции способствуют реализации начинательного значения, достигшего особой силы, активности, экспрессивности при переводе на немецкий язык.

2. Смягчительный способ действия.

А. В. Бондарко выделяет четыре возможности образования глаголов смягчительного способа действия в русском языке. Приставка *по-* смягчает, умеряет полноту проявления действия, привносит оттенок 'немного, слегка, несколько' (*поиздержаться, пообноситься, поразузнать* и др.). Приставка *при-* также привносит оттенок неполноты проявления действия (*приврать – привирать, приоткрыть – приоткрывать, притушить, приустать* и др.). Приставка *под-* ограничивает полноту проявления действия, его значимость, эффективность (*подзабыть – подзабывать, подновить – подновлять, подзакусить, подзаработать* и др.). При помощи приставки *вз-* (*вс-*) и суффикса *-ну-* образуются глаголы со значением слабости, неполноты проявления действия (*вздремнуть,, всплакнуть, всхрапнуть* и др.) (Бондарко, Буланин 1967).

Говоря об экспрессивных средствах выражения глаголов смягчительного способа действия, следует обратить внимание на три момента:

- Экспрессивными являются комбинации глаголов смягчительного способа действия в сочетании с контекстуальными показателями, по смыслу исключающими друг друга. Как отмечает Авилова (Авилова 1976), такие глаголы, как, напр., *подзахмелеть, подвыпить, подпить*, сочетаясь с наречиями *порядочно, гораздо, здорово* и подобными, создают противоречивые и поэтому особенно выразительные сочетания (*порядочно подвыпить, как следует подзакусить, хорошенько подкормить, основательно подпортить, порядочно поистратиться* и др.). Напр.:

...показал на диван, а сам
вошел в кабинет, плотно
прикрыв за собой дверь.
(Рыбаков)

...wies auf ein Sofa, ging in Stalins
Arbeitszimmer und zog die Tür fest
hinter sich zu. (Rybakow)

- Подживет нога хорошенько –
попробую. (Шукшин)

„Wenn das Bein gut abgeheilt ist,
probier ich's. (Schukschin)

Возможно, в сочетаниях *плотно прикрыть* и *хорошенько поджить* (о ране) цель высказывания – сконцентрировать внимание на глаголе, на

действии, которое он обозначает, акцентировать само действие путем стилистического эффекта (Папина, 1988).

- Описанный выше конфликт может быть не только «внешним» (между лексическим показателем и смягчительным глаголом), но и «внутренним» (Папина, 1988). Здесь речь идет о таких случаях, когда значение основы глагола и суффикса противоречат друг другу (*поугробить*). Цель такого окказионального образования – экспрессивное акцентирование информации.

- Экспрессивными являются также полипрефиксальные глаголы, в которых словообразовательные значения формантов исключают друг друга (Папина, 1988). В данном случае речь идет, прежде всего, об окказиональных образованиях – комбинациях глаголов интенсивного способа действия со смягчительными приставками (*подначитаться, поднапиться, поднагуляться, подизноситься, подистрепать* и др.). Глаголы интенсивного способа действия сами по себе отличаются сильной экспрессивной окраской, а в сочетании с приставкой *под-* создается дополнительный стилистический эффект.

Глаголы других способов действия также выделяются сильной экспрессивной окраской. Например, усилительный способ действия: (*разахаться, развоеваться, разоткровенничаться; mehr und mehr ins Reden kommen, ins Laufen kommen, ins Lärmen kommen*), интенсивный способ действия, представленный несколькими группами глаголов, выражающих различные оттенки значения: глаголы, обозначающие действие, выходящее за пределы обычного или допустимого, отражающие увлеченность, поглощенность субъекта действием (*забегаться, заждаться, загоститься, загуляться*); глаголы, указывающие на результативность, которая иногда бывает осложнена оттенком такой полноты и интенсивности действия, что доводит объект до какого-то крайнего состояния (*загнать, заласкать, заездить, закормить*); глаголы, обозначающие действие, которое вызывает усталость, бессилие субъекта (*убегаться (sich müde laufen, vom vielen Laufen müde werden, sich zu Tode laufen), упрыгаться (sich müde springen), уходитьсь, уездиться (vom langen Reiten/Fahren völlig ermüden, absolut erschöpft sein)*); глаголы, которые выражают длительность, интенсивность, исчерпанность действия (*избегаться, изголодаться, исстрадаться*). Экспрессивны и глаголы, обозначающие длительно-смягчительный способ действия (*наигрывать (leise vor sich hin spielen), напевать (leise vor sich hin singen), насвистывать (leise pfeifen, pfiffeln)*). Они называют длительное и в то же время ослабленное, приглушенное действие и употребляются преимущественно в разговорном стиле. К глаголам интенсивно-одноактного способа действия относятся глаголы с суффиксом *-ану-*. Кроме значения однократности, суффикс *-ану-* придает действию яркий оттенок интенсивности и просторечной экспрессивности (Авилова, 1976): (*долбануть (einmal stark und heftig zuschlagen), звездануть (heftig, sehr schnell und ungestüm zuschlagen)*). Нельзя отказать в выразительности и

некоторым другим глаголам, характеризующим разные способы действия (*разгуливать, выделявать, выплясывать* (*unter Anstrengung, aber mit Begeisterung schöne Figuren tanzen*), *напираться, переловить, пересажать*). Многие из приведенных примеров имеют оттенок упрощения, сниженности и грубоватости. Таким образом, мы видим, что способы глагольного действия в обоих языках (русском и немецком) имеют большой потенциал для выражения языковой экспрессии.

Литература

1. Авилова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова. – М., 1976.
2. Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. – Ленинград, 1967.
3. Кульбакин А. А. Средства выражения акционального значения начинательности в разноструктурных языках: (На материале немецкого и русского языков) // Семантические категории сопоставительного изучения русского языка. – Воронеж, 1981. – С. 150 - 156.
4. Папина Е. И. О функционировании глаголов смягчительного способа действия в русском языке // Высказывание и текст: взаимодействия языковых единиц, - М., 1988. – С. 121-126.

С.В. Рождественская

Специфика образования многокомпонентных терминов области керамики в английском и русском языках

Естественным процессом возникновения и образования новых терминов является добавление многочисленных определяющих компонентов к главному слову. Многокомпонентные единицы, как правило, не фиксируются в специальных словарях и вызывают особые трудности при переводе. Специфика образования многокомпонентных терминов одной области в разных языках является одним из объектов сопоставительных исследований.

В данной статье мы рассмотрим особенности образования многокомпонентных терминов в английском и русском языках на примере терминологических сочетаний области керамики.

Образование многокомпонентных терминологических единиц предполагает формирование словосочетаний по определённым моделям. В большинстве европейских языков термины-словосочетания или многокомпонентные термины составляют 60 – 80% от общего количества терминов (Гринев 1993, с. 8-9).

Многокомпонентные термины, по утверждению лингвистов, относятся к двум типам – сложным словам и устойчивым терминологическим словосочетаниям. Если многокомпонентный термин не имеет грамматического оформления компонентов, то его относят к сложным словам, а термин, в котором каждый компонент оформлен грамматически, относится к устойчивым терминологическим словосочетаниям. Мы будем относить

к многокомпонентным терминам те словосочетания, в которых все компоненты находятся в атрибутивной связи, т. е. один или несколько из компонентов определяют другой, т.е. выполняют функции препозитивного или постпозитивного определения по отношению к опорному компоненту.

Нами были исследованы и сопоставлены 1168 многокомпонентных терминологических единиц в английском языке и 698 многокомпонентных терминологических единиц в русском языке.

В английском языке были выявлены шесть моделей двухкомпонентных единиц с опорным компонентом именем существительным. Самая распространенная модель – «существительное + существительное» (NN), где первое существительное будет препозитивным определением по отношению ко второму, т.е. будет выполнять атрибутивную функцию, например: *adobe surface, laser glaze, kiln atmosphere, clay body, calcium glaze, barium titanate*. Это самая многочисленная (389 лексических единиц) модель полилексемных терминов в английском языке. Сюда были отнесены и заимствованные словосочетания, так как компоненты в них не известны носителям языка и воспринимаются как субстантивные единицы: *ch'ing pai, famille rose, famille verte, lung ch'uan, pique assiette, rosso antico*.

В систему двухкомпонентных субстантивных терминологических словосочетаний входят и словосочетания, где определяющим компонентом является имя собственное. В таких словосочетаниях собственное имя лишается какой-либо грамматической оформленности, выступая в качестве определяющего компонента. Таких словосочетаний в английском материале обнаружено 16 единиц, например: *Seeger cone, Orton cone, Adam style, Barnhard clay, Wedgwood porcelain, Poisson's Ratio*.

Далее по количеству единиц (172) идет модель «прилагательное + существительное» (AdjN), например: *black core, brittle fracture, ceramic surface, ferroelectric ceramics, electrical porcelain, refractory material*. По модели «причастие + существительное» образовано 131 словосочетание. В роли определения в них выступает либо действительное причастие (V_{ing} N), например: *forming chamber, casting slip, firing chamber, forming methods, glazing wheel, grinding wheel*, либо страдательное причастие прошедшего времени (V_{ed} N), значение которого утратило временной характер и приобрело характер качества, например: *reinforced ceramics, strengthened ceramics, advanced ceramics, closed vessel, electroplated decal*.

В исследуемом материале выявлены также 11 сочетаний «существительное + предлог + существительное» (NprepN), например: *coefficient of transparency, index of refraction, fading of colors, rate of rise, module of rupture, blanc de chine, sang de boeuf, pate sur pate*. Следует заметить, что последние три словосочетания тоже относятся к данному типу, поскольку французский предлог «de» синонимичен английскому предлогу «of», а предлог «sur» - английскому «on».

Наряду с двухкомпонентными словосочетаниями, в керамической терминологии в английском языке выявлены 140 трехкомпонентных субстантивных словосочетаний, которые образуются посредством

комбинации опорного компонента – существительного и двух препозитивных или постпозитивных определений. Были выявлены 15 моделей сочетаний трех компонентов, где субстантивные словосочетания с двумя препозитивными определениями составляют большинство случаев.

По модели «существительное + существительное + существительное» (NN)N образовано самое большое количество трехкомпонентных терминов – 55 единиц. Следует отметить, что к этой группе были отнесены и заимствованные словосочетания типа *borax sodium borate, carbon trap glaze, basalt tuff ceramics, chrome magnesia ceramics, foam glass ceramics, della robbia ware*. Так как определяющие элементы в данных словосочетаниях не известны, то они воспринимаются носителями языка не как прилагательные, а как существительные.

По модели «прилагательное + существительное + существительное» (AdjN)N построены 45 словосочетаний: *electrical porcelain ceramics, ceramic flame trap, optical transmission coefficient, metallic film decal, electric kiln ceramics* и др.

9 терминологических словосочетаний имеют морфологическую структуру «существительное + действительное причастие + существительное» (NV_{ing})N: *clay containing concrete, clay cutting machine, clay drying plant* и др.

Модель «прилагательное + прилагательное + существительное» (AdjAdj)N представлена 8 словосочетаниями: *porous permeable ceramics, ceramic sanitary ware, dense ceramic holder, green ceramic body, versicular vermiculite sand, black glass-like mass, brown glass-like mass, watertight glass-like coating*.

По схеме «существительное + причастие прошедшего времени + существительное» (NV_{ed})N образованы 5 словосочетаний: *porcelain refined paste, ram pressed clay, slab built pottery* и др.

Модели «существительное + предлог + прилагательное + существительное» (NPrepAdj)N соответствуют 5 субстантивных словосочетаний с двумя постпозитивными определениями: *coefficient of thermal expansion, coefficient of cubic expansion, coefficient of linear expansion, maintainece of electric kiln, trade names for materials*. Сюда же относятся и словосочетание *Clair de lune Flush*, где французский предлог «de» синонимичен английскому предлогу «of».

По три словосочетания приходятся на следующие модели:

«имя собственное + существительное + существительное»: *Hoffman ring kiln, Kentucky ball clay, Tennessee ball clay*. Отметим, что в двух из перечисленных словосочетаний имена собственные представлены названиями мест, где добывают глину;

«причастие прошедшего времени + существительное + существительное» (V_{ed}N)N: *directed surface crystallization, forced air burner*;

«действительное причастие + прилагательное + существительное»: *freezing aqueous slip, loading electric kiln, discarding electric kiln*;

«причастие прошедшего времени + прилагательное + существительное»: *vitrified metallic oxides, close-grained crystalline ceramics, water-based antique gel*.

По два субстантивных словосочетания представлены следующими моделями:

«существительное + прилагательное + существительное во мн.ч.» (NAdj)Npl): *sprig decorative pieces, terracotta red clays*;

«существительное + and + существительное + существительное» (N and N) N): *paddle and anvil technique, wet and dry pressing*;

«действительное причастие + существительное + существительное во мн.ч.» (V_{ing} N)Npl): *mixing clay bodies, self-supporting witness cones*.

Одна единица построена по схеме «прилагательное + действительное причастие + существительное» (AdjV_{ing})N): *front loading kiln*.

В английской керамической терминологии было выявлено 9 четырехкомпонентных словосочетаний и 1 пятикомпонентное: *low clay content body, boron nitride based ceramics, commercially prepared clay body, pore-free fine-grained oxide ceramics, siloxane binder-based compositional materials, high-porous cellular ceramic materials, carboxyl fluoride-based ceramic material, strontium zirconate based ceramics, promising clay raw materials* и *informal clay body absorbent test*.

Из всех моделей образования английских многокомпонентных словосочетаний самыми продуктивными и часто встречающимися оказались двухкомпонентные субстантивные словосочетания, построенные по модели «существительное + существительное».

В русском материале были выявлены 567 двухкомпонентных словосочетания. Все двухкомпонентные единицы в русском материале относятся к именному типу (то есть состоят исключительно из имен (имя существительное, имя прилагательное и т.д.). Подавляющее большинство двухкомпонентных сочетаний построено по модели «прилагательное + существительное», например: *керамическая масса, алюмонитридная керамика, гипсокерамический материал*. Данной модели соответствуют 348 единицы.

Другой распространенной моделью построения словосочетаний является модель «существительное + существительное» (СС), в которой можно выделить два структурных типа: «существительное + существительное» (С_иС_р), где первое существительное находится в именительном падеже, а второе в родительном, и «существительное + предлог + существительное», например: *недожог красок, обжиг шамота, обмазка для плит, глазурь с наколами, чувствительность к сушке, устойчивость к оседанию, отношение к сушке*. Всего в исследованном материале было обнаружено 219 подобных словосочетаний.

В процессе исследования русских словосочетаний была обнаружена 101 единица с тремя компонентами в своем составе. Такие словосочетания построены по следующим моделям:

($P_n P_n C_n$) – «прилагательное/причастие + прилагательное/причастие + существительное». Причастие, стоящее в таких словосочетаниях перед существительным, выражает качество, и может быть приравнено к прилагательному. По этой модели построено 72 словосочетания, например: *башенная распылительная сушилка, керамический композиционный материал, керамические армированные материалы*;

($C_n (P_r C_r)$) – «существительное + прилагательное + существительное», где прилагательное и последнее существительное стоят в родительном падеже. По этой схеме построено 16 словосочетаний, например: *введение нетрадиционных добавок, завал керамической плитки, глазурь восстановительного обжига*;

(($P_n C_n$) C_r) – «прилагательное/причастие + существительное + существительное». По этой схеме образовано 12 словосочетаний, например: *гранулометрический состав пресс-порошка, конусный эквивалент материала*. Сюда же можно отнести и модель «прилагательное + существительное + предлог + существительное»: *однократный обжиг с глазурью*; «существительное + предлог + существительное + существительное». По этой схеме образовано одно сочетание: *изделие из жгутов массы*.

В процессе исследования русских многокомпонентных словосочетаний были обнаружены 20, состоящих из четырех компонентов. Они имеют следующие модели образования:

($C_n C_r (CC)$) – «существительное + существительное + существительное + существительное»: *оксид алюминия со структурой шпинели*;

($C_n C_r (P_r C_r)$) – «существительное + существительное + прилагательное + существительное»: *кинетика спекания алюмооксидной керамики*;

($C_n (P_r C_r C_r)$) – «существительное + прилагательное + существительное + существительное»: *метод плазменного распыления стеклодрота*;

($P_n P_n P_n C_n$) – «прилагательное + прилагательное + прилагательное + существительное», *гончарная традиционная русская утварь*;

($P_n C_n (P_r C_r)$) – «прилагательное + существительное + прилагательное + существительное»: *монтажная поверхность керамической плитки*.

В процессе исследования русских многокомпонентных словосочетаний были обнаружены сочетания, состоящие из пяти и шести компонентов (всего 10 единиц), например: *легкоплавкая нефритованная глазурь на основе диатомита, высокопористые керамические материалы ячеистой структуры, композиционные керамические материалы на основе силоксанового связующего, метод плазменного напыления порошков беложгущихся глин*.

Сопоставительный анализ исследуемого материала показал следующее:

Соотношение структурных моделей в русском и английском материале имеет ряд сходств и различий. Большую часть словосочетаний, как в английском, так и русском языке составляют двухкомпонентные субстантивные единицы, которые образуются посредством комбинации

опорного компонента – существительного и препозитивного и постпозитивного определения.

Наиболее распространенной моделью образования многокомпонентных терминов в русском материале является модель «прилагательное + существительное», а в английском – «существительное + существительное». Распространенность данной модели в английской лексике превышает ее распространенность в русской.

Количество компонентов в словосочетаниях в русском языке превышает их количество в английском – в русском языке терминологические словосочетания имеют в своем составе до шести компонентов. В то же время в английском языке отмечено большее количество моделей, чем в русском. У английских трехкомпонентных словосочетаний отмечено большее, по сравнению с русским, разнообразие структурных моделей, в то время как русский материал изобилует моделями образования четырехкомпонентных словосочетаний.

Отметим, что появление отмеченного разнообразия моделей образования терминологических словосочетаний для обозначения понятий в керамической терминологии в русском и английском языке обусловлено динамичным развитием данной области.

Литература

1. Гринев С.В. Введение в терминоведение. – М.: МГУ, 1993.

В. Ю. Копров

Трехактантные предложения в сопоставительной типологии русского и английского языков

Как известно, традиционный критерий классификации предложений по составу главных членов на односоставные / двусоставные, справедливо критикуется синтаксистами разных направлений за его противоречивость и непоследовательность. Однако он до сих пор фигурирует во многих грамматиках русского и английского языков. При этом в работах, в которых применяется этот критерий, структурная оппозиция, учитывающая наличие в предложении подлежащего и/или сказуемого, как правило, перекрещивается с семантической односоставностью / двусоставностью (наличием в семантике предложения субъекта и/или объекта), вследствие чего получаемая классификация становится внутренне противоречивой и, тем самым, теряет свою объяснительную силу.

Так, в русском языке к структурно и семантически односоставным можно было бы отнести только маленькую группу предложений типа *Мороз; Весна!* Все остальные предложения (в том числе и типа *Была весна; Мне холодно; В дверь постучали; Мальчик заболел; Он любит*

классическую музыку и т. д.) попали бы в один огромный класс семантически двусоставных, но формально односоставных и двусоставных. В английском же языке вообще все предложения являются структурно двусоставными, хотя семантически они могут быть и односоставными, и двусоставными. Поэтому в сопоставительной типологии языков и в практике их преподавания как иностранных представляется целесообразным отказаться от деления предложений на односоставные / двусоставные в пользу более последовательного классификационного критерия – количества **актантов** в семантической структуре предложения.

Семантическая структура предложения формируется в результате языкового кодирования структуры предметной ситуации в виде одного или нескольких актантов (предметных компонентов) и признакового компонента. В соответствии с указанным принципом выделяются следующие типы простого предложения:

1) одноактантный: *Холодно; Морозит; Дети спят; Моя дочь – студентка;*

2) двуактантный: *Кошка разбила вазу; Бензоколонку закрыли; Машина в гараже; У нас двое детей;*

3) трехактантный: *Он подарил жене котенка; Все награды были вручены;*

4) четырехактантный: *Она переложилa деньги из кошелька в карман; Диван перенесли из спальни в детскую комнату.*

При такой «актантной» классификации предложений наблюдаются и разного рода переходные случаи. Поэтому при реализации количественно-актантного подхода к типологии предложения мы руководствуемся следующими принципами:

- классификации первоначально подвергаются ядерные (изосемические) конструкции в максимально возможном отвлечении от их разноаспектных трансформов;

- в спорных случаях определяющей является семантическая сторона устройства предложения, т. е. количество актантов в его семантической структуре, а не количество компонентов синтаксической структуры;

- принципиально важным моментом здесь является требование учета только **информативно обязательных** актантов – субъекта, объекта, адресата и локализатора.

В наших статьях, опубликованных в предыдущих выпусках данного сборника (Копров, 2006; 2007) рассматривалась типология русских и английских одноактантных и двуактантных предложений. Настоящая статья посвящена сопоставлению трехактантных конструкций в двух языках.

В семантической структуре предложений, выражающих трехактантные ситуации, в качестве третьего актанта выступает **адресат** или **локализатор**. Соответственно, инвариантная семантическая структура таких предложений представлена двумя разновидностями:

а) субъект – действие – объект – адресат: N – V – N 4 – N 3, например: *Я привез **вам** дров;*

б) субъект – действие – объект – локализатор: N – V – N 4 – p N, например: *Я повесил часы **на стену**.*

Все, что говорилось в нашей предыдущей публикации о категориально-грамматических признаках субъекта и объекта в двуактантных предложениях (залоговости, определенности / неопределенности), сохраняет свою силу и здесь, поэтому по соображениям места мы сосредоточим внимание на семантике добавившихся актантов – адресата и локализаторов.

Трехактантные предложения представлены в сопоставляемых языках конструкциями двух частеречных типов: вербального и партиципиального.

1. Вербальные предложения

1.1. Активные конструкции

1.1.1. Субъект активный, остальные актанты пассивные. Все актанты, в том числе адресат или локализатор, являются определенными: N – V – N 4 – N 3 / p N

а) предложения с определенным адресатом:

*Я напишу **вам** большое письмо (Ю. Герман) – I'll write **you** a long letter; Ведь лишь вчера я сам это же сказал **бойцу** (А. Бек) – Why, only the day before I had said that very same thing **to one of the men**;*

б) предложения с определенным локализатором:

*Лиза отнесла журнал **в кабинет Виктора** (Д. Гранин) – Liza took the magazine **into the study**; Они уложили его **в постель** (Федин) – They laid him **on the bed**; Она швырнула письмо **в огонь** (В. Кетлинская) – She tossed the letter **into the fire**.*

1.1.2. Субъект действия неопределенный, объект и адресат /локализатор – определенные: N 4 – V 3 pl – N 3 / p N

а) предложения с адресатом:

***Ему** принесли пачку бумаг (К. Федин) – A pile of papers was brought **to him**; **Мне** показали полосу моего батальона (А. Бек) – I was shown my battalion's sector; Слово предоставили **Лобанову** (Д. Гранин) – **Lobanov** was given the floor.*

б) предложения с локализатором:

*Сорокатрехлетних мужиков брали **с поля, с работ** (А. Толстой) – Forty-three-year-old men were taken straight **from the plough**; Однажды меня привели **на совещание** редакции "Золотого Руна" (К. Федин) – One day a friend took me **to a conference** of the editorial staff of The Golden Fleece; Незнакомца повели **к Андрею Круглову** (В. Кетлинская) – He was taken **to Andrei Kruglov**.*

1.1.3. Адресат / локализатор неопределенный (обобщенный), субъект и объект – определенные: N – V – N 2 / 4 / p N

а) предложения с неопределенным адресатом:

Министерство ассигнований на это не дает (Д. Гранин) – The Ministry

doesn't allot funds for that; Андрей кратко рассказал о неудачах со своей статьей (Д. Гранин) – Andrei related his failures briefly; Жена присяжного поверенного Гоголева тоже всегда жаловалась на мигрени (Ю. Герман) – Mrs. Gogoleva, the barrister's wife, had always complained of migraine.

б) предложения с неопределенным локализатором:

Молодые неженатые люди всегда вносят какой-то аромат романтики (Д. Гранин) – Young unmarried people always give the atmosphere such a flavour of romance; Он вытащил новенькую папку (Д. Гранин) – He pulled out a brand-new folder; Я то и дело вынимал часы (А. Бек) – I repeatedly took out my watch.

1.1.4. Объект определенный, субъект и адресат неопределенные: N 4 – V 3 pl: *А вот у немцев-то выдают по одному яйцу на человека два раза в месяц (А. Толстой) – The Germans only get one egg per head every two weeks.*

1.2. Пассивные конструкции

1.2.1. Субъект пассивный определенный или неопределенный, объект активный определенный, адресат / локализатор определенный: N – V refl – (N 5) – N 3 / p N

а) предложения с определенным адресатом:

Всем играющим раздавались поровну костяные жетончики определенной цены (А. Куприн) – All the players were given an equal number of ivory tokens of a specific value.

б) предложения с определенным локализатором:

Его статьи печатались в газетах (Д. Гранин) – His articles were published in the newspapers; Все письма и телеграммы кладутся перед обедом на столик у входа в столовую (А. Чаковский) – All letters and telegrams were stacked on a small table just outside the dining-room before dinner.

1.2.2. Объект и субъект характеризуются так же, но адресат / локализатор выступает как неопределенный: N – V refl – (N 5)

а) предложения с неопределенным адресатом:

С блестящими глазами и разгоревшимися лицами рассказывались и слушались анекдоты о жизни миллионеров... (А. Куприн) – Stories about the life of millionaires were told and listened to, with gleaming eyes and flushed faces.

б) предложения с неопределенным локализатором:

Раньше статьи Ратна печатались регулярно (Ю. Герман) – Previously Rapp's articles had appeared regularly; Прохожие, как щепки по пути, увлекались этим потоком (А. Толстой) – The passers-by were sucked into the stream, and floated like chips in the gathering current; Ценные разработки не внедрялись годами (Д. Гранин) – The valuable innovations had been ignored for years.

1.3. Безличные конструкции

1.3.1. В русских трехактантных безличных предложениях объект характеризуется как активный определенный, субъект – как демиактивный

определенный или неопределенный, локализатор – как определенный: N 4 – V 3 s – (N 5) – р N. В английском языке для перевода используются конструкции других типов (главным образом – двучленные пассивные), сравните:

Нас понесло в открытое море (А. Толстой) – *We were carried out to the open sea*; *Снег сдуло к тесовым кварталам* (К. Федин) – *The snow was driven against the blocks of log houses*; *Его выбросило из самолета* (А. Чаковский) – *He was thrown clear of the plane*.

1.3.2. Грамматическая семантика субъекта и объекта та же, но локализатор выступает как неопределенный: N 4 – V 3 s – (N 5), например:

Лодку понесло (К. Федин) – *The boat was carried downstream*; *Почти весь валежник унесло с полой водой* (К. Федин) – *The receding river had carried away almost all the dead brush*.

2. Партиципиальные предложения

2.1. Адресат или локализатор является грамматически определенным, объект – определенным активным, а субъект – определенным или неопределенным пассивным: N – (cop) Part pass – N 3 / р N – (N 5), например:

При переводе партиципиальных предложений с определенным локализатором наблюдается параллелизм конструкций:

Катя, Даша и Телегин были принесены толпой к самому крыльцу думы (А. Толстой) – *Katya, Dasha and Telegin were carried by the crowd right up to the entrance of the Duma*; *Francesca had been located at Ostia and brought back to Rome before lunch* (M. Spark) – *Франческу разыскали в Остии и к полудню доставили в Рим*.

Адресат, представленный в русском языке формой в дательном падеже, всегда выступает как определенный пассивный: *Новые учебники были выданы всем ученикам*. В английском же языке адресат занимает в синтаксической структуре предложения не только пассивную позицию дополнения, например: *One of these was delivered to me last night* (M. Spark), но и позицию подлежащего, где он представлен как активный носитель признака: *The church had been given the Black Madonna by a recent convert*.

Сравните русское предложение и два варианта его перевода на английский язык – с пассивным и активным адресатом: *Нашей дивизии придано несколько артиллерийских противотанковых полков* (А. Бек) – *Several anti-tank artillery regiments have been attached to our division* – *Our division has been reinforced with several anti-tank artillery regiments*.

2.2. Адресат / локализатор может быть неопределенным: N – (cop) Part pass – (N 5), например: *Список представлен* (К. Федин) – *A list has been presented*; *Был прислан доктор, доставлен воз дров* (К. Федин) – *A doctor was sent, a cartload of wood was delivered*.

2.3. В русской трехактантной партиципиальной конструкции имплицитно может быть представлен не только субъект, но и объект: р N – (cop 3 s) Part pass 3 s, например: *За доктором было послано*. Ср. с английским двучленным партиципиальным пассивом: *The doctor was sent*

for.

По признаку грамматической неопределенности объекта подобные русские безлично-пассивные предложения противопоставляются определенно-объектным личным предложениям: *За доктором был послан старший сын.*

Ср. также английское и русское предложения с неопределенными субъектом и объектом: *I was sent for to try on my new reading glasses (M. Spark) – За мной послали, чтобы я примерила свои новые очки для чтения.*

Итак, предлагаемая нами «актантная» классификация предложений, основанная на исчислении универсальных семантических компонентов организации предложения – актантов – может служить базой для системного сопоставления синтаксиса разнотипных языков. Обладая большей последовательностью и объяснительной силой, чем традиционная «составная» классификация, она имеет непосредственный выход в практику перевода и преподавания языков как иностранных.

Литература

1. Копров В.Ю. Одноактантные предложения в русском и английском языках // Сопоставительные исследования 2006. – Воронеж: Истоки, 2006. – С. 156-164.
2. Копров В.Ю. Дваактантные вербальные предложения в русском и английском языках // Сопоставительные исследования 2007. – Воронеж: Истоки, 2007. – С. 189-199.

Т.Н. Козюра

Предложения пассивно-возвратного типа с глаголами зрительного восприятия в русском и французском языках

В исследованиях семантики и функционирования предложений с глаголами ЛСГ зрительного восприятия особый интерес для нас представляют конструкции, которые мы, вслед за В.Ю. Копровым, определяем как **пассивно-возвратные** (Копров 1999).

Наш анализ употребления глаголов ЛСГ зрительного восприятия обнаруживает наличие в русском языке многочисленных случаев функционирования исследуемых единиц в пассивно-возвратных залоговых конструкциях. Предложения данного типа регулярно противопоставляются личным активным конструкциям. Исключение составляет ряд предложений с такими глаголами, как *мерещиться*, *чудиться*, а также *сниться*; семантика данных глаголов содержит в себе компоненты не только зрительного восприятия, но и ментальных операций, происходящих в сознании человека под влиянием некоторых факторов, изменяющих это сознание (сон и др.). Употребление данных глаголов в тексте ставит под вопрос реальность обозначаемых ими процессов, поэтому перечисленные глаголы не имеют соответствующих невозвратных форм (Янко-Триницкая 1989, с. 84).

Как показало исследование, в степени квалификации процесса, выражаемого глаголом в пассивно-возвратном предложении, и его принадлежности к объекту или субъекту, наблюдается **градуальность**.

1. Активная роль в осуществлении действия принадлежит семантическому **объекту**, который как бы открывает, предоставляет возможность для внешней детерминации, зрительного восприятия себя самого: *видеться, виднеться, замечаться, читаться*. Здесь выделяются:

а) предложения с субъектом действия, выраженным формой дательного падежа: <...> *выпил я горячего чаю, прилег и не то, что заснул, а дремлю, и **видится мне** камень – такой кирпич XI века с реки Смедыни (Ремизов);*

б) предложения с синтаксически нулевым субъектом: *Была оттепель, автомобили расплескивали лужи, на углу виднелся ярко-фиолетовый лоток с цветами (Набоков);*

В данную подгруппу мы также относим предложения с глаголом *показаться*, т.к. его семантика обозначает действие, имеющее следствием «вступление объекта в поле зрения субъекта зрительного восприятия»: <...> *в аллее **показался** первый человек (Булгаков);*

2. Объект является носителем действия, но зрительное восприятие осуществляется **не без участия** субъектного актанта: это может передаваться, например, глаголом *обнаруживаться* в значениях:

а) **появления** объекта как воспринимаемого предмета или явления в результате деятельности субъекта: *В крепости гость пробыл тоже очень недолго, а затем след его обнаружился в Нижнем Городе (Булгаков);*

б) появления нового объекта **в поле зрения** пассивного семантического субъекта: *Да и в Париже «китайские» повадки обнаружались как-то само собой безо всякой преднамеренности и умысла (Ремизов).*

Следует отметить, что, если первую подгруппу составляют глаголы, безоговорочно относимые лингвистами к ЛСГ зрительного восприятия, то во второй находятся глаголы с более сложной семантикой, выражающие семантику других типов субъектно-объектных отношений (локализации, посессивности, умственных и физических действий).

Это можно объяснить тем, что восприятие осуществляется поэтапно: сначала – соответствующими органами чувств человека, затем сигнал поступает в мозг, который фиксирует факт восприятия. На первом этапе восприятия объекта воспринимающему субъекту нет необходимости проявлять какую-либо активность, а осуществление ментальных операций уже требует деятельности мыслительных органов субъекта. М.П. Никитин показал, что возникновение гипотезы (представления) о предъявленном предмете существенно меняет течение перцептивного процесса; это критический путь микроразвития восприятия, который как бы возвращает его на более ранние стадии, задавая новый вектор движения от глобального, синкретического восприятия к все более и более дифференцированному (Никитин 1985, с.14-15). Поэтому при исследовании пассивно-возвратных конструкций возвратные глаголы ЛСГ зрительного восприятия часто объединяются с возвратными глаголами

ЛСГ умственных действий (Копров 1999, с. 116).

3. Такие глаголы как *мерещиться*, *чудиться*, а также *сниться* уже содержат в себе как компоненты восприятия, так и, даже более явно выраженные, семы умственных действий; кроме того, как указывалось выше, семантика данных глаголов ставит под вопрос реальность процессов, которые они обозначают.

Например, глагол *мерещиться* употребляется в пассивно-возвратных конструкциях для обозначения следующих процессов:

а) возникновения образов предметов ситуаций в сознании субъекта:

И опять померещилась ему чаша с темною жидкостью. «Яду мне, яду!» (Булгаков).

Что касается глагола *сниться*, то относительно его семантических характеристик можно сказать следующее: процесс сна сочетает в себе и восприятие (чтение изображения с сетчатки глаз), и ментальную обработку воспринимаемого. Предложения с данным глаголом также передают пассивно-возвратное залоговое значение, подобно остальным возвратным глаголам данной подгруппы: *Ей часто снилась по ночам сказочно великолепная, белая, как сахар, лестница* (Набоков).

Во французском языке имеется количественно более ограниченная, чем в русском языке, группа возвратных глаголов зрительного восприятия, которые могут выражать в предложениях пассивно-возвратное залоговое значение: *se dessiner, se distinguer, se présenter, se voir*.

Все перечисленные глаголы имеют невозвратные корреляты, что сближает их с соответствующими русскими возвратными глаголами зрительного восприятия, например: *L'idée de châtiment se présenta à son esprit...* (Beckett) – *Ему представилась мысль о страданиях*.

В словарном фонде французского языка нет глаголов пассивно-возвратного зрительного восприятия, сопоставимых с такими русскими глаголами как *мерещиться*, *сниться*; во французских предложениях их функцию выполняют **невозвратные** глаголы соответствующей семантики в активных залоговых конструкциях, ср.: *Мне приснился водонапад* – *J'ai rêvé une cascade*.

Соответственно, анализ произведений французской художественной литературы обнаружил меньше, по сравнению с русскими источниками, случаев употребления возвратных глаголов зрительного восприятия в пассивно-возвратных конструкциях. Тем не менее, передача данного залогового значения достигается при функционировании в сходных конструкциях некоторых невозвратных глаголов зрительного восприятия. В предложениях с такими глаголами как *apparaître, paraître* обозначается воздействие семантического объекта на органы зрения субъекта. Отметим, что данные глаголы не имеют возвратных коррелятов: *La lune apparaissait au-dessus des monts dorés et pourpres* (Butor). В некоторых случаях авторы употребляют глагол *apparaître* в пассивной форме, тем самым подчеркивая «двойную» пассивность семантического субъекта: *Entre les tresses des nuages qui se dénouaient, les premières étoiles sont apparues* (Butor).

В целом в русском языке предложения пассивно-возвратного типа представлены шире, чем во французском, что обусловлено количественным превосходством и разнообразием возвратных глаголов, которые могут фигурировать в данных конструкциях. Вместе с тем, во французском языке существуют невозвратные глаголы, обозначающие факт пассивного восприятия объекта субъектом, тогда как в русском языке их функцию выполняют возвратные глаголы, например, *появляться*, *показываться* и др.

Литература

1. Копров В.Ю. Аспекты сопоставительной типологии простого предложения (на материале русского, английского и венгерского языков). – Воронеж : ВГУ, 1999.
2. Никитин М.П. К вопросу об образованиях зрительных восприятий // Психологический журнал. – Том 6, № 3, 1985. – С. 14-21.
3. Янко-Триницкая Н.А. Русская морфология. – М. : «Русский язык», 1989.

Е. Э. Калинина

Функционирование рамочной конструкции в немецком языке и языке идиш

Рамочная конструкция (РК), функционирующая в структуре всех западногерманских языков, кроме английского, является одной из синтаксических норм данных языков. Придерживаясь мнения М.Я. Блох, под РК мы понимаем “любые случаи разъединения тесно связанных между собой лексико-грамматических элементов (слов или частей слов) с синтаксическим заданием оформления более широкого речевого комплекса (целого предложения или отдельного словосочетания внутри предложения)” (Блох 1962, с. 2).

В германистике традиционно рассматривают следующую типологию РК: 1) глагольно-сказуемая РК, функционирующая в главном предложении; 2) союзно-сказуемая РК, обслуживающая придаточное предложение и образованная сочетанием союза (союзного слова), вводящего придаточное предложение, и сказуемого, занимающего финальную позицию в предложении; 3) субстантивная РК, реализуемая в именном словосочетании. В нашей статье мы обращаемся к вопросу функционирования РК в предложении как базисной единице синтаксиса, в своем речевом воплощении представленной в высказывании.

Наиболее полно РК представлена в немецком языке, где она является неотъемлемой идиотнической приметой синтаксиса языка и где для ее реализации существует богатый инвентарь средств. Представляется важным вкратце охарактеризовать лексико-грамматическое наполнение глагольно-сказуемой РК. Как правило, в качестве первого компонента глагольно-сказуемой РК выступает полнозначенательный или

вспомогательный глагол. Если первый компонент РК - вспомогательный глагол, то вторым компонентом РК может выступать:

1. причастие II: "...*Lotte hat nicht von mir geträumt*" (Goethe);
2. инфинитив полнозначительного глагола: "*Sie werden vermuthlich befinden, daß...*" (Wieland);
3. инфинитив модального глагола: "*So hättet ihr euer Zeughaus anderswohin setzen sollen*" (Wieland);
4. предикатив: "*Die Fassade ist schön*" (Wieland).

Если первым компонентом РК выступает знаменательный глагол, то второй рамкообразующий компонент может быть выражен:

инфинитивом с "zu": "...*der nur Gelegenheit sucht, den ganzen Olymp wieder in Besitz ...zu setzen*" (цит. по: Schmidt 1983, с.259);

прямым дополнением: "*Was der Republik Ehre macht...*" (Wieland);

отделяемой глагольной частицей (приставкой): "...*brach ihn auf und steckt ihn weg*" (Goethe);

семантически значимым дополнением: "*Dass er überhaupt kommt, tut er sicherlich mir zuliebe*" (цит. по: Schmidt 1983, с. 259);

наречием и предложной группой в качестве обстоятельства направления действия с глаголами движения: "*Er kommt wegen seiner vielen Reisen nur noch sehr selten dorthin / ins Theater*" (цит. по: Helbig 1991, с. 117);

отрицанием "nicht": "*Er braucht es nicht*" (Opitz).

Наряду с употреблением полной РК, в немецком языке наличествуют случаи ее нарушения (Ausklammerung), имеющие как нормативный, так и ненормативный характер. В XVIII – XIX вв. становится нормативным вынос ряда компонентов предложения за правый край РК (так называемые зарамочные члены предложения), затем в XX в. эти случаи кодифицируются. К ним относятся:

- сравнительные конструкции с *wie* и *als*: "... *das die Werke der prosaischen und patischen Beredsamkeit alter sind, als die Regeln dieser Kunste*" (Gellert);

- определительные придаточные предложения: "...*ich solte / wie er / an einem Stück beten /, welches ich aber nicht gewohnen konte*" (Gryphius);

- инфинитивные обороты. Инфинитивные группы с частицей "zu" могут быть расположены как внутри РК, так и за ее границами: "*Sie hat mich gebeten zu kommen*" и "*Sie hat mich zu kommen gebeten*" (цит. по: Гулыга, Натанзон 1966, с. 75);

- обособления: "*Sie hatte schmutzige Jeans an und einen weiten Pullover*" (цит. по: Сухова 1978, с. 86);

- "объемные" члены предложения (с той целью, чтобы слушающий не потерял смысл повествования): "*Die Bedeutung des Wissenschaftlers ist enorm angesichts seiner weltweit verbreiteten Publikationen sowie seiner bahnbrechenden Forschungen*" (цит. по: Götze, Hess 2004, с. 483).

Как уже указывалось, РК является синтаксической нормой западногерманских языков. Ее формирование и закрепление протежировались как внутривидовыми, так и социокультурными

факторами. К числу внутривидовых факторов относятся редукция флексий, бурное развитие аналитизма, закрепление твердого порядка слов и, как следствие, топологии компонентов сказуемого в предложениях разного коммуникативного типа.

Одним из ведущих социокультурных факторов является языковой контакт. Языковые контакты обусловлены социальной необходимостью общения между представителями разных этнических и языковых групп, вступающих между собой в интенсивные связи по разным причинам. Результаты языковых контактов по-разному выражаются на разных уровнях языка в зависимости от степени вхождения их в глобальную, целостную структуру. Одним из серьезных последствий взаимодействия культур является заимствование лингвистических единиц и синтаксических конструкций, одновременно представляющее собой заимствование культурных ценностей.

В этой связи интересным представляется функционирование РК, синтаксической универсалии индоевропейских языков, наиболее ярко реализуемой в западногерманских языках (Калинина 2005), в синтаксисе языка идиш. Идиш, как известно, один из германских языков, бытовой и литературный язык ашкеназских (германских по происхождению) евреев (Лингв. энц. словарь 1990, с. 171). Очевидно, что среди всех языков, сформированных на основе немецкого языка или его диалектов, идиш больше других приближен к нему по лексическому составу, фонетическому, морфологическому и синтаксическому строю. Его можно рассматривать как особую разновидность немецкого языка, автономно развивающегося и не испытывающего влияния других языков и деятельности грамматистов-нормализаторов.

В целом идиш близок не литературному немецкому языку, а его диалектам, прежде всего восточносреднемецким (саксонскому, берлинскому, силезскому), послужившим основой для его формирования. Необходимо также подчеркнуть, что в синтаксисе идиша присутствует характерная для немецкого языка РК. Анализ теоретического материала (Калинина 2005) позволяет сделать вывод о том, что функционирование в синтаксисе идиша РК есть результат длительных языковых контактов соседствующих народов: носители языка идиш на протяжении многих веков соседствовали с немцами и в условиях постоянных контактов (в сфере торговли особенно) были вынуждены переходить в разговоре на немецкий язык. Кроме того, более высокая степень развития немецкого языка, его нормированность, длительные литературные традиции послужили условием его сильного воздействия на контактирующий с ним идиш. Влияние немецкого языка оказалось настолько сильным, что контактирующий язык перенял от него такую синтаксическую особенность, как РК, достаточно затрудняющую общение по причине возникающего ожидания второго компонента рамки. Таким образом, для языка идиш немецкий язык явился одновременно и субстратом становления, и тем донором, который дал толчок к развитию.

Обратимся к более подробному рассмотрению функционирования РК в языке идиш. Материал исследования базируется на текстах различной жанровой принадлежности: сакральные тексты (переводы Библии 1602 г. и 1657 г.), прозаическое произведение “maasse buch” (“Das Buch der Geschichten”) (1602 г.), лирическое произведение “ssefer misch’le chachomim” (“Das Buch der Fabeln der Weisen”) (1657 г.), перевод древнееврейского поучения в стихах “ssefer b'chinass olom” (“Das Buch der Weltprüfung”) (1744г.).

Мы обратились к функционированию РК в идише в XVI- XVIII вв. по следующим соображениям: именно в этот временной срез кодифицировались нормы немецкого языка, и РК закреплялась в немецком синтаксисе; идиш как язык генетически наиболее близкий немецкому отразил влияние кодификации немецкого языка (XVIII в.) в своем синтаксисе.

Анализ фактического материала позволяет определить следующие рамкообразующие компоненты в языке идиш. Компонентами РК в главном предложении, как правило, выступают:

- сочетания модальных глаголов с инфинитивом: “*was solen mir jamern ...*” (О чем мы должны горевать ...) (Elia-ha-Levi);
- аналитические формы времен перфекта и плюсквамперфекта: “... *so het ir fil unschuldig blut fergoßen.*” (...т.к. он невинно пролил много крови) (Waldkirch);
- аналитические формы страдательного залога: “... *do nomen im also bald tofuß un wor gleich so warem ferurtelt zum tot*” (вскоре он был схвачен и приговорен к смертной казни) (Waldkirch);
- именные части речи в сочетании с глаголом “sein”: “... *den heilig is er*” (...т.к. он священен) (Elia-ha-Levi);
- глаголы с отделяемой приставкой: “*do schtund der horug wider auf un sach sich um noch dem rozeach*” (Тут снова встал убитый и посмотрел на убийцу) (Waldkirch);
- сочетание глагола-сказуемого с отрицанием “nischt / nit”: “*mein bruder acht ich nischt umss gar...*” (Моего брата я вовсе не уважаю...) (Regensburger);
- аналитическая форма перфекта: “*do hot er fun vil bes doss winzgesst tun auslesen*” (Потому что из всего самого лучшего он прочел лишь малость) (Regensburger);
- аналитическая форма футурума I: “...*di zeit wert im etwass ferendren...*” (...время кое-что изменит...) (Reis);
- сочетание глагола “tun” с инфинитивом смыслового глагола: “*in daini tirin tuin mir onk’lapin, derbarimeker got*” (В твои двери мы должны стучать, милосердный Бог) (Wax).

Сравнение рамкообразующих компонентов в немецком языке и языке идиш позволяет выявить наиболее типичные составляющие РК в главном предложении: сочетание модального и полнознаменательного глаголов, аналитические формы перфекта, футурума I и страдательного залога,

составное именное сказуемое, сказуемое с отрицанием “nicht”, сказуемое, выраженное глаголом с отделяемой приставкой.

Необходимо также отметить, что в придаточных предложениях с РК финитная часть сказуемого предшествует афинитной (аналогично их позициям в немецком языке), а компонентами РК являются союз (союзное слово), вводящее придаточное предложение, и сказуемое: “*du hosst welen di g’newo alein hoben un hosst mir den hamer in mein kopf geschlagen, as ich bin arab gefallen wider in di kamer*” (Ты хотел один обладать украденным и ударил меня молотком по голове, чтобы я снова упал в кладовую) (Waldkirch).

В ходе исследования нами были зафиксированы случаи нарушения РК, аналогичные случаям в немецком языке. За РК, как правило, вынесены

- те члены предложения, которые в дальнейшем уточняются: “*er kumt ale kreteier zu neigen zu ver dir, got*” (И придут все создания поклониться тебе, Боже) (Elia-ha-Levi);

- члены предложения, несущие дополнительный, уточняющий смысл: “*du hosst mich um mein leben gebracht iber di g’newo*” (Ты отнял у меня жизнь за украденное) (Waldkirch);

- сравнения, вводимые союзом *aso*: “*...das ich selt wider wern zweighaftig gleich as ein bukssbaum un ich selt auch wider wern aso scharik gleich als ein paless?*” (..я снова должен стать ветвистым как самшит, и я должен также снова стать сильным как дворец?) (Reis);

- распространенные второстепенные члены предложения: “*...lasen si mehren noch fil mer arzneyung oder noch mer dreiakoss*” (... они велят еще увеличить им лекарства или гонцов) (Reis);

- инфинитивные обороты с “zu”: “*...haben di schterinlauf schon bezwungen mit ire schifen zu bezwingen oder zu befassten mich*” (..звездам уже удалось на их кораблях победить или схватить меня) (Reis);

- antecedentes: “*kenten si den in himel machen fensster, das da kent dorich di fenster arunter schmelzen...*” (Они могут на небе делать окна, которые дориец может уменьшать) (Reis).

- придаточное предложение: “*...das mir mein zeit aufgelandent hat das mal, di ich ir gelibt hab*” (что мне мое время дало момент, когда я любил ее) (Reis).

В ряде случаев нарушение РК обусловливается действием прагматического фактора: желанием автора дополнительно подчеркнуть значение зарамочных членов предложения или стремлением сохранить стихотворную рифму.

Таким образом, анализ памятников данного периода подтверждает факт того, что РК, являясь устойчивой тенденцией немецкой нормы, повлияла на развитие синтаксиса идиша. Количество рамочно оформленных предложений увеличивается в каждом периоде; вынос второстепенных членов предложения поддается объяснению согласно синтаксическим нормам немецкого языка. Данный факт свидетельствует о том, что нормализация синтаксиса идиша коррелировала с явлениями,

характерными для узуса и нормы немецкого языка соответствующего периода.

Проведенные наблюдения над функционированием РК в предложениях языка идиш в период с конца XVI до первой половины XIX вв. подтверждают, что РК в идише является ведущей тенденцией, и для ее реализации в языке существует богатый инвентарь средств. Предложения, где преобладает нормативно использованная РК, превалируют над предложениями с зарамочными членами. Сравнение текстов разных периодов отражает регулярность употребления РК в главном и придаточном предложении. Установлено, что РК в языке идиш образуется по модели немецкого языка.

Наличие РК в синтаксисе идиша обусловлено длительными языковыми контактами германских евреев и немцев и заимствованием евреями синтаксических универсалий немецкого языка (в частности, РК и моделей ее образования). Случаи нарушения РК в языке идиш носят характер, аналогичный случаям выноса зарамочных членов предложения в немецком языке, либо объясняются прагматическими моментами.

Литература

1. Блох М.Я. К вопросу о рамочной конструкции предложения (на материале английского и немецкого языков): Автореф. дис. канд. фил. наук. – М., 1962.
2. Гулыга Е.В., Натанзон М.Д. Syntax der deutschen Gegenwartssprache. – М.: Просвещение, 1966.
3. Калинина Е.Э. Формирование синтаксической нормы (структурный и социолингвистический аспекты): дис. канд. фил. наук. – Глазов, 2005.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990.
5. Сухова И.Л. Зарамочные однородные члены предложения в структуре текста (на материале современного немецкого языка)// Словосочетание и структура текста. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1978.
6. Götze L., Hess-Lüttich E.W.B. Grammatik der deutschen Sprache. Sprachsystem und Sprachgebrauch. – Köln: Verlag Karl Müller GmbH, 2004.
7. Helbig G. Deutsche Grammatik. Grundfragen und Abriß. – München: Judicium-Verlag, 1991.
8. Schmidt W. Grundfragen der deutschen Grammatik. Eine Einführung in die funktionale Sprachlehre. – Berlin, 1983.

Раздел 7.

Сопоставительные исследования в области дискурса

Е.А.Филатова

Способы реализации речевого воздействия в англоязычном политическом дискурсе (на материале британского и американского вариантов английского языка)

Политический дискурс представляет собой особый вид дискурса, обладающий высокой коммуникативной направленностью и ориентацией на речевое воздействие.

Воздействие является категорией социального влияния людей друг на друга и присуще различным типам отношений между людьми: формальным, неформальным, временным, постоянным, отношениям индивидуумов или групп. Одной из главных характеристик политического дискурса представляется формальное воздействие оратора на аудиторию (социальную группу) с целью оказания влияния на ее политическую позицию. Коммуникативное воздействие в политическом дискурсе представляет собой риторический акт, успех которого зависит от множества лингвистических и экстралингвистических факторов: темы выступления, взаимоотношения говорящего и слушающих, ораторской подготовки политика, лексико-стилистических и интонационных средств, используемых политическим деятелем.

Тематически политические речи могут быть разделены на предвыборные речи, инаугурационные речи, дискуссионные речи на политические, социальные и экономические темы, торжественные речи.

Согласно *типу адресата* (аудитории, перед которой политик выступает) были выделены следующие виды политического дискурса:

1. Парламентские выступления или дискуссии с другими политиками.

Данный вид политического дискурса характеризуется в целом большой степенью диалогичности. Кроме того, именно в парламентских выступлениях политики предстают перед аудиторией наиболее естественными, поскольку зачастую не знают, что являются объектом телезаписи. Поэтому речь парламентариев наиболее непосредственна.

2. Выступления в средствах массовой информации. Этот вид политического дискурса отличает жесткая ограниченность во времени, что, безусловно, влияет на структуру выступления.

Выступления в СМИ – вид политической речи, которой также свойственна высокая диалогичность. Этот факт связан с тем, что выступления в СМИ часто носят характер интервью, которое, по сути, является диалогом журналиста и политика.

3. Выступления перед широкой аудиторией граждан. Здесь для англоговорящих политиков можно выделить следующие подвиды политического дискурса:

а) выступления перед аудиторией граждан своего государства, являющихся носителями английского языка как родного;

б) выступления перед аудиторией граждан других государств, являющихся носителями английского языка как родного;

в) выступления перед аудиторией граждан других государств, также являющихся билингвами или участвующих в процессе коммуникации с помощью переводчика.

В зависимости от темы выступления и адресата происходит смена языкового кода и, соответственно, лексико-синтаксических и фонетических средств воздействия.

Известный американский ученый, профессор Кен Хейзли выделяет четыре типа информации, обладающей наибольшей степенью воздействия (Hasely, 2007).

1. Персонифицированные высказывания, апеллирующие к целевой аудитории.
2. Высказывания, вызывающие эмоциональную реакцию аудитории.
3. Краткие, но информативные высказывания.
4. Высказывания, имеющие ссылку на авторитетный источник.

Данные принципы риторического воздействия представляются актуальными и в свете политического дискурса. В качестве примера высказывания, апеллирующего к интересам и эмоциям целевой аудитории, можно привести отрывок из речи Б.Клинтона, перед аудиторией российских студентов:

«Recently a woman from Petrozavodsk (hope I've pronounced it right: Petrozavodsk) wrote these words about your people, who won Word War II. Listen to this. She said: "We survive the ruins, the devastation, the hunger and the cold ... Pushkin once said that "So long as we burn with freedom we can fulfill the noble urges of our souls." (Clinton)

В свете кросскультурной коммуникации, если общение происходит с носителями другой культуры, актуальным является использование ссылок на представителей именно этой культуры, либо использование приветствия, речевых клише на родном для аудитории языке без участия переводчика. При этом используется лексика, близкая аудитории.

Роль обращения к аудитории, несомненно, является одной из ведущих в плане воздействия. Как отмечает шведский исследователь, профессор Корнелия Или, тип обращения, грамматическая форма лица и числа может меняться в зависимости от отношения политика к аудитории. (Ilie 2007). Обращения в парламентских выступлениях часто имеют форму третьего лица, поскольку имеет место общение политических оппонентов. В качестве примера можно привести отрывок из парламентского выступления британского премьер министра Тони Блэра "If the right and learned Gentlemen's policy had been implemented Saddam and his two sons would still be running Iraq" (Blair). Форма обращения может меняться в зависимости от отношения оратора и аудитории. Здесь следует учитывать эмоциональное состояние аудитории, степень осведомленности слушающих по обсуждаемым вопросам, позицию аудитории, а также *национально-культурную специфику аудитории, ее менталитет.*

Последнее представляется чрезвычайно важным в свете кросскультурной коммуникации и билингвизма.

Обращения в выступлениях перед широкой аудиторией в большинстве случаев содержат обращения первого лица множественного числа:

“What choices do we have if we are to end the war?” (Nixon)

“We feel the loss, and we are thinking about you so very much. .. We don't hide our space program ... We don't keep secrets and cover things up. We do it all up in front and in public” (Reagan).

Следует отметить, что речь британских политиков представляется более формальной и близкой к ораторскому стилю речи, а речь политиков-американцев чаще тяготеет к разговорному стилю, так как в ней чаще встречается разговорная лексика. Например, в качестве обращения к аудитории британцы предпочитают использовать официальное клише “Ladies and Gentlemen”, а также такие обращения как “Your Royal Highness”, “Your Grace”, “Your Excellencies”, “Lords”, тогда как американские политики используют более разговорные обороты речи, такие как “My fellow Americans”, “My dear friends”. Этот факт связан с национально-культурной и политической спецификой Великобритании и США. Поскольку государственным строем Великобритании является конституционная монархия со всеми ее атрибутами, это накладывает свой отпечаток и на языковые явления. В культуре Америки, которая представляет собой демократическое государство, имеется своя языковая специфика. Национально-культурная специфика накладывает свой отпечаток на речевое поведение политиков Великобритании и США: американский политик даже очень высокого ранга старается быть демократичным, «народным» и стремится к максимально доступным речевым формулировкам. Политики Великобритании более консервативны, что, несомненно, отражается на стиле их речевого поведения.

В связи с актуальностью проблем межкультурного общения и билингвизма, национально-культурные характеристики политического дискурса нуждаются в дальнейшем более подробном исследовании.

Литература

1. Ilie C. Multi-Layered Identities and Shifting Roles in Parliamentary Dialogue Genres//Political Linguistics. Warsaw, 2007. Book of Abstracts. – P. 26-27.
2. Haseley K.A. The New Communicators: What Research Can Teach Us About Effective Communication //Язык. Культура. Словари. Материалы IV Международной лексикографической школы-семинара. Иваново, 2001.

А.Б. Зотова

О некоторых особенностях совмещения экспрессивных речевых актов с другими актами (на материале русских и английских восклицательных предложений)

В современных исследованиях по теории эмоциональности неоднократно подчеркивалось: обширный фонд эмотивных средств языка и речи свидетельствует о том, что эмоции играют большую роль в жизни и деятельности языковой личности (Филимонова 2001, с. 125). Как отмечает В.И. Шаховский (Шаховский 1987, с.181), эмоции – одна из форм отражения мира, обозначающая душевные переживания, волнения.

Однако принято разграничивать эмоции и чувства. Справедливой представляется точка зрения А.М. Лейко, который считает кратковременные переживания (радость, гнев, тревога) эмоциями, а более устойчивые отношения, такие как любовь, ненависть – чувствами (Лейко, 1977, с. 34).

Основным синтаксическим средством, служащим для выражения чувств и эмоций, является восклицательное предложение. Данная единица характеризуется эмотивной интенцией (вербальное выражение эмоций), а иногда и эмоциональной интенцией (вербальное и невербальное выражение эмоций).

В коммуникации восклицательные предложения приобретают статус высказываний, специфика которых заключается в комплексном характере целеустановки, объединяющей коммуникативную и эмотивную интенции.

В коммуникации восклицательные высказывания используются для формирования различных типов речевых актов. Разные подходы к определению термина “речевой акт” привели к появлению значительного числа их классификаций, составленных как зарубежными (Дж. Остин, Дж. Сёрль, Дж. Лич, К. Бах, Р. Харниш, А. Вежбицка, Д. Вундерлих, У. Стайлз, Б. Фрейзер, Дж. Юл), так и отечественными (А.А. Леонтьев, Г.Г. Почепцов, Л.П. Чахоян, Ю.Д. Апресян, Н.А. Комина, В.В. Богданов, В.Г. Гак, Д.Н. Шмелёв) лингвистами.

Отсутствие полной и исчерпывающей таксономии речевых актов определяет необходимость создания классификации, максимально учитывающей достоинства и недостатки предшествующих. Поэтому в рамках материала исследования была составлена собственная классификация речевых актов, учитывающая все частные подвиды.

На основе анализа 4000 русских и 4000 английских примеров было выделено шесть основных видов речевых актов, осуществляемых посредством восклицательных высказываний сопоставляемых языков. Их можно представить в порядке убывания частотности в процентном отношении к общему количеству следующим образом: 1) ассертивы (36,4% в английском и 29% в русском); 2) экспрессивы (30% в русском и 22% в английском); 3) директивы (17,5% в английском и 13,5% в русском); 4) этикетные речевые акты (12,2% в русском и 10% в английском); 5) речевые акты с интенцией вопроса (3% в русском и 2,5% в английском); 6) комиссивы (2,3% в русском и 2,2% в английском).

В рамках каждого из основных видов речевых актов существуют частные подвиды, характерной чертой которых является то, что они в коммуникации становятся эмоциональными.

Другая особенность анализируемых речевых актов заключается в том, что они могут быть чистыми (несовмещёнными) и гибридными (совмещёнными). Чистые речевые акты выражают одну коммуникативную интенцию, совмещённые – две коммуникативные интенции. Совмещение может осуществляться как между частными подвидами одного вида актов, (например, приветствие и обращение в рамках этикетных актов), так и между разными видами (например, приказ и угроза, первый относится к директивам, а второй – к экспрессивам). Количество совмещённых основных видов актов составляет 10% в русском и 9,4% в английском языке.

Совмещённые речевые акты могут быть двух видов:

1) синтетическими (обе интенции выражаются одной конструктивной единицей): «*Русские женщины, Илюша, лучшие в мире*». «*Мама!*» – *невежливо, даже грубо остановил её Илья* (В. Залотуха «Последний коммунист») – эмоциональное обращение и эмоциональный приказ; “*How’s life on Lincoln Street?*” “*Horrible!*” (R. Maynard “Paper Flowers”) – ‘совмещение эмоциональной отрицательной оценки жизни и гнева, злости’;

2) аналитическими (т.е. образованными посредством совмещения двух конструктивных единиц, каждая из которых выражает самостоятельную интенцию): *Tench stayed at her side, sounding more angry now. “Senator Sexton is going down one way or another, Gabrielle!”* (D. Brown “Deception Point”) – ‘эмоциональный прогноз и эмоциональное обращение’, *Кто-то заорёт возмущенно: везёт тебе, живёшь в своё удовольствие. И ничего ты не понимаешь, рабочий! Леня – это проклятие* (С. Шаргунов «Ура!») – ‘эмоциональное возражение и эмоциональное обращение’.

Рассмотрим это подробнее на примере совмещения экспрессивных речевых актов с другими видами. Основная цель речевых актов экспрессивного типа состоит в выражении эмоционального отношения говорящего к положению дел. Высказывания данного типа представляют собой реакцию на действие, поведение слушающего (Сёрль, Вандервекен 1986, с. 242-263).

В рамках материала исследования экспрессивы могут совмещаться: 1) с ассертивами (1,5% в русском и 0,8% в английском языках); 2) с директивами (1% в русском и 0,7% в английском языках). Ассертивные речевые акты – акты, основной функцией которых является сообщение слушающему или читающему о некоторых положениях дел в действительности (Комина 1983, с. 95). Речевые акты директивного типа имеют своей основной целью побуждение адресата сообщения (слушающего) к определённому поведению (Акимова 1992, с. 192).

1) При совмещении ассертивов с экспрессивами *эмоциональное утверждение* совмещается с:

а) эмоциональной положительной и отрицательной оценкой, при этом образуются совмещенные аналитические речевые акты: *“Yes,” Langdon interjected, “and rebuild by Hadrian in 119 A. D.” “It was the world’s largest free-standing dome until 1960 when it was eclipsed by the Superdome in New Orleans!”* (D. Brown “Angels and Demons”); *We’ve got the best programmers in the world downstairs!* (D. Brown “Digital Fortress”); *No woman that beautiful would be with a man like that unless she were well-paid!* (D. Brown “Digital Fortress”); *Yes, my pretty one. Your introduction to society has been more of a success I had bargained for!* (I. Welsh “Ecstasy”); *Когда с женой тебе не повезло и ты один бобылем зажил, я думала: ладно, не всем под женами маяться, может, и к лучшему, главное – человек ты спокойный, честный!..* (А. Слаповский «День денег»); *Гениальная хитрость мелькнула у меня в голове!* (Ф. Искандер «День писателя»); *Рубашкой он гордится, чистая, белая, - у него их две!* (В.С. Маканин «Без политики»); *Нет мира на этой земле, нет...Слезинка ребенка, спасенье человечества – господи, какие же словеса, какая же ложь!* (А. Азольский «Глаша»);

б) упреком, при этом образуются преимущественно совмещенные синтетические речевые акты: *“Your team failed!” the controller seethed, the androgynous tone hardly marking the person’s rage. “Three of your four targets are still alive!”* (D. Brown “Deception point”); *My grandmother makes more money than you do!* (C. Bukowski “You Can’t Write A Love Story”); *“Grandpa!” she cries. “That’s to feed birds! Grandma! He’s been eating birdfood! Little brown things like rabbit turds!”* (J. Updike “Rabbit At Rest”); *Look to the heavens! We forget to look to the heavens!* (D. Brown “Angels and Demons”); *Господи, какая же я... Надо бы мне девочку на руки взять, но - платье боялась испачкать, единственное для больших приёмов!..* (А. Азольский «Глаша»); *Элизабет! Тут все-таки не Вена!* (М. Кундера «Обмен мнениями»);

в) оскорблением, при этом образуются совмещенные аналитические речевые акты: *Печенкин отмахнулся, помрачнев: «Знаю я их сертификат, мироеды московские! Копают все под меня!»* (В. Залотуха «Последний коммунист»); *«А потом, в автобусе, ты проблевался, слабак!» - хмыкнул Джиг. «Отчего тебя всегда тошнит в машине, а? »* (И. Булкаты «Самтредиа»); *He grabbed Becker’s shirt. “She’s Eduardo’s, you asshole! I’d watch it! You touch her, and he’ll kill you!”* (D. Brown “Digital Fortress”).

В рамках материала исследования эмоциональное намерение может совмещаться с угрозой, при этом образуются совмещенные синтетические речевые акты: *Отгораживайся и живи бирюком за железными воротами. А я в город уеду!* (Б. Екимов «На хуторе»); *«То есть ты не уверен?» «Да нет, почему? Цапля, я же вижу» «Твою-то мать! – выразился Аркадий. – Я вот сейчас приеду – и я не знаю, что с тобой сделаю!»* (А. Слаповский «День денег»); *Hale’s grip tightened. “I’ll break her neck!”* (D. Brown “Digital Fortress”); *But the day I think you’re tracking me, I go to the press with the whole story. I tell them Digital Fortress is tainted, and I sink this whole fucking organization!* (D. Brown “Digital Fortress”).

Эмоциональное описание может совмещаться с эмоциональной оценкой (преимущественно отрицательной, при этом образуются совмещенные синтетические речевые акты: *She's a total pig now!* (I. Welsh "Ecstasy"); *I see before me a man of no consequence, unused to society and unfit to wear those colours, and as arrogant milksop who will sell his soul to save his quivering, goose-bumped flesh!* (I. Welsh "Ecstasy"); ... *Дашка! Сидишь ты какая!.. Расслабленная, вялая, ленивая! Салата поутру себе сделать не можешь!* (В.С. Маканин «Без политики»).

2) При совмещении директив с экспрессивами эмоциональный приказ может совмещаться с:

а) оскорблением, бранью, при этом образуются совмещенные аналитические речевые акты: *И я ответил на звуки её торопливого одевания: «Ну и катись, идиотка!»* (Р. Сенчин «Нубук»); *«Пошла вон, потаскуха!» - вопит разъяренная Ирина.* (А. Яковлев «Домашние люди»); *Вылазьте из машины на хрен, е. в. м., к. е., с. м. т. н.!* (А. Слаповский «День денег»); *Парфен скомкал купюру и бросил Достоевскому в лицо. «Подавись своей поганой деньгой, гад!»* (А. Слаповский «День денег»); *Молчи, черт!* (В. Глоцер «М. Дурново. Мой муж Даниил Хармс»); *«Эй, ты, коммуняка, иди сюда!» - весело и грозно проорал Печенкин* (В. Залотуха «Последний коммунист»); *“Go to hell, ass-wipe!” the kid yelled, now aware of his peers laughing at him.* (D. Brown “Digital Fortress”); *Don't you tell me to settle down, you ignora-mus!* (S. King “The Green Mile”); *Becker attempted to step around him, but the teenager blocked his way. “I said, fuckin’ pick ‘em up!”* (D. Brown “Digital Fortress”);

б) угрозой, при этом образуются совмещенные аналитические речевые акты: *«Идите, - громче и смелее сказал я старухе, - а то охрану сейчас позову!»* (Р. Сенчин «Нубук»); *Ехать так ехать, а не ехать так не ехать! Вылазьте, говорю, а то сейчас перехерачу вас тут всех!* (А. Слаповский «День денег»); *«Стоять! – заорал Больной и, выхватив из-за пазухи пистолет, направил его на друзей. - Стоять, стрелять буду!»* (А. Слаповский «День денег»); *Hale clamped down on Susan's neck. “Let me out, or she dies!”* (D. Brown “Digital Fortress”);

в) эмоциональной оценкой (положительной и отрицательной), при этом образуются совмещенные аналитические речевые акты: *О Боже, прекрати этот ужасный шум!* (В. Глоцер «Марина Дурново. Мой муж Даниил Хармс»); *Вон посмотрите на себя в зеркало, оцените – подарок стал, а не парень! И не мучайтесь, не страдайте* (Р. Сенчин «Нубук»); *Весь вечер её интересовало только одно – что вы будете делать. Вспомните, что вы сказали!* (М. Кундера «Обмен мнениями»); *I told you, there's no virus in Crypto! Stop being so damned paranoid!* (D. Brown “Digital Fortress”); *Look what you've done!* (M. Spark “The Public Image”).

При совмещении директив с экспрессивами возможно совмещение и других подвидов: *«Ну, приезжай...» «Приезжай!» - повторила Ирина* (В. Токарева «Своя правда») – ‘совмещение синтетическим способом приглашения и согласия помочь’; *Когда я спросила её, можно ли мне*

пожить у неё, она: «Да, да, никаких разговоров, - приезжайте!» (В. Глоцер «Марина Дурново. Мой муж Даниил Хармс») – ‘совмещение согласия и приглашения аналитическим способом’; *Hale tightened his grip. “You call security, and she dies!”* (D. Brown “Digital Fortress”) – ‘совмещение предупреждения и угрозы аналитическим способом’.

Как показал материал исследования, совмещение экспрессивных речевых актов, осуществляемых русскими и английскими восклицательными высказываниями, с другими видами актов может осуществляться синтетическим и аналитическим способом. В обоих языках, как правило, различные виды экспрессивов (эмоциональная оценка, упрёк, оскорбление, угроза и др.) совмещаются с: а) эмоциональным утверждением аналитическим и синтетическим способами; б) эмоциональным приказом аналитическим способом. Таким образом, для обоих языков наиболее характерны совмещенные аналитические речевые акты.

Литература

1. Акимова Т.Г. Повелительные предложения в английском языке // Типология императивных конструкций. – Санкт-Петербург: Наука, 1992. – С.189-201.
2. Комина Н.А. Систематика коммуникативно-прагматических типов высказывания // Прагматические условия функционирования языка. – Кемерово, 1983. – С.93-101.
3. Лейко А.М. Некоторые знаки препинания как средство выражения эмоций в прямой речи (на материале английского языка)// Выражение экспрессии в языке и речи. – Вып. 107. – Новосибирск, 1977. – С. 29-32.
4. Сёрль Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. Логический анализ естественного языка – Вып. 18. – Москва, 1986. – С. 242-263.
5. Филимонова О.В. Язык эмоций в английском тексте. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001.
6. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1987.

Раздел 8.

Сопоставительные исследования в области фонетики

К.М. Денисов

**Сопоставление композиционных и содержательных
признаков определения понятия фонемы
в некоторых отечественных и зарубежных
терминологических справочниках**

С развитием терминоведения как самостоятельной научной дисциплины в нашей стране и за рубежом наблюдается рост интереса к терминологической компетенции в сфере лингвистического знания на совершенно ином, более высоком когнитивном уровне.

Изучение звуков занимает в сегментной фонетике центральное место, поэтому важным исходным пунктом любого исследования является определение понятия фонемы. «Глобализация» любого лингвистического концепта, о неизбежности которой в связи с возрастающей насущностью стандартизации понятийного аппарата лингвистики писал еще И.А. Мельчук (Mel'čuk 1982, с. 14), невозможна без сопоставления и критического анализа достижений лингвистического терминоведения, представленных в различных терминологических справочниках.

В качестве примера подобного сопоставления приведем статьи о фонеме из четырех различных терминологических справочников, изданных в разные годы у нас и за рубежом. Дефиниции фонемы во всех источниках намеренно выделены автором курсивом, в остальном же шрифтовые особенности оригиналов сохранены полностью.

I. А.Л. Трахтеров. Английская фонетическая терминология. (Трахтеров 1962, с.213-214):

P-66. PHONEME ('founi:m) фонема. *Кратчайшая функциональная единица звуковой системы языка.* В основе современных теорий фонемы лежат идеи Бодуэна де Куртенэ, Щербы и де Соссюра; в дальнейшей разработке деятельное участие приняли Н.С. Трубецкой, Р.О. Jakobson и другие члены Пражского лингвистического кружка.

Термин «фонема» ранее употреблялся только в – артикуляторно-акустическом смысле, т.е. как звук речи безотносительно к его функции в языке. Именно в таком значении он появился впервые в трудах французских ученых. В своем новом значении (словоразличающей единицы звуковой системы языка) термин *ф о н е м а* был впервые упомянут Н.В. Крушевским, учеником Бодуэна де Куртенэ, который с тех пор стал обозначать им *л и н г в и с т и ч е с к и й э к в и в а л е н т* материального звука, т.е. звука, рассматриваемого в его функции. Многие американские авторы относят этот термин не только к основным единицам звукового состава, но и к другим фонетическим средствам (ударение, интонация), обладающим в том или ином языке сигнификативными функциями. См. secondary phonemes, segmental phonemes, suprasegmental phonemes (elements of speech).

II. В.Н. Немченко. Основные понятия фонетики в терминах. (Немченко 1993, с.224):

Фонема. *Звук как кратчайшая единица языка, способная различать звуковые оболочки значимых языковых единиц (морфем, слов и др.). «Звуки речи как особого рода знаки, при помощи которых различаются слова языка, точнее звуковая оболочка слов, называются фонемами».* (Аванесов Р.И. Фонетика современного русского языка. М.:МГУ, 1956, с.7; см также с.8-10, 21, 28 – 39). *«Фонема – минимальная звуковая единица,*

используемая в языке для образования значимых единиц и для их различения». (Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка. М.: Просвещение, 1977, с. 114; см. также с.115-120). «...Фонемой называется кратчайшее общее фонетическое представление данного языка, способное ассоциироваться со смысловыми представлениями и дифференцировать слова и могущее быть выделяемо в речи без искажения фонетического состава слова». (Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т.1. Л.: ЛГУ, 1958, с.134; см. также: с. 129-133, 135-136; Ахманова О.С. Фонология. Морфонология. Морфология. М.: МГУ, 1966, с.14-17; Будагов Р.А. Введение в науку о языке. 2-е изд. М.: Просвещение, 1965, с.174-180; Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. Ч.1. 4-е изд. М.: Просвещение, 1973, с.8-13; Головин Б.Н. Введение в языкознание. 4-е изд. М.: Высшая школа, 1983, с.33-38, 52; Зиндер Л.Р. Общая фонетика. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1979, с.17-19, 37-66 и след.; Ломтев Т.П. Фонология современного русского языка. М.: Высшая школа, 1972, с.3-7, 30-36; Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1987, с.45-46, 53-55; Матусевич М.И. Введение в общую фонетику. 3-е изд. М.: Учпедгиз, 1959, с.12,14,17; Матусевич М.И. Современный русский язык. Фонетика. М.: Просвещение, 1976, с.31-41; Панов М.В. Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967, с.113,170,173,193 и др.; Панов М.В. Современный русский язык. Фонетика. М.: Высшая школа, 1979, с.94-95,106,112 и др.; Реформатский А.А. Введение в языкознание. 4-е изд. М.: Просвещение, 1967, с.46,114-115,210-211; Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. Т.1. М.: Наука, 1980, с.69; Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. 2-е изд. М.: Просвещение, 1975, с.72-73 и след.; Торсуев Г.П. Проблемы теоретической фонетики и фонологии. Л.: Наука, 1969, с.11 и след.; Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М.: Изд-во иностр. литературы, 1960, с.42-45; Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957, с.152; Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974, с.157).

III. D. Crystal. A Dictionary of Linguistics and Phonetics. (Crystal 2003, с.347-348)

Phoneme (n.) *The minimal unit in the sound SYSTEM of a language, according to traditional PHONOLOGICAL THEORIES.* The original motivation for the concept stemmed from the concern to establish patterns of organization within the indefinitely large range of sounds heard in languages. The PHONETIC specifications of the sounds (or PHONES) heard in speech, it was realized, contain far more detail than is needed to identify the way languages make CONTRASTS in MEANING. The notion of the phoneme allowed linguists to group together sets of phonetically similar phones as VARIANTS, or 'members', of the same underlying unit. The phones were said to be REALIZATIONS of the phonemes, and the variants were referred to as allophones of the phonemes (see ALLO-). Each language can be shown to operate with a relatively small numbers of the phonemes; some languages have less than a dozen phonemes; others over a hundred. An analysis in these terms

will display a language's phonemic inventory/structure/system. No two languages have the same phonemic system.

Sounds are considered to be members of the same phoneme if they are phonetically similar, and do not occur in the same ENVIRONMENT (i.e. they are in COMPLEMENTARY DISTRIBUTION) – or, if they do, the substitution of one sound for the other does not cause a change in meaning (i.e. they are in FREE VARIATION). A sound is considered 'phonemic', on the other hand if its substitution in a word does cause a change in meaning. In a phonemic transcription, only the phonemes are given symbols (compared with phonetic TRANSCRIPTIONS, where different degrees of allophonic detail are introduced, depending on one's purpose). Phonemic symbols are written between oblique brackets, compared with square brackets used for phonetic transcriptions; e.g.

Putting this another way, it's not possible to find a pair of words in English which contrast in meaning solely on account of the difference between these features (though such contrasts may exist in other languages). The emphasis on transcription found in early phonemic studies is summarized in the subtitle of one book on the subject: 'a technique for reducing languages to writing'. The extent to which the relationship between the phonemes and the GRAPHEMES of a language is regular is called the 'phoneme-grapheme correspondence'.

On this general basis several approaches to phonemic analysis, or phonemics, have developed. The PRAGUE SCHOOL defined the phoneme as a *BUNDLE of abstract DISTINCTIVE FEATURES, or OPPOSITIONS between sounds* (such as VOICING, NASALITY), an approach which was developed later by Jakobson and Halle (see JACOBSONIAN), and GENERATIVE phonology. The approach of the British phonetician Daniel Jones (1881-1967), viewed the phoneme as a '*family*' of related sounds, and not as oppositions. American linguists in the 1940s also emphasized the phonetic reality of phonemes in their concern to devise PROCEDURES of analysis, paying particular attention to the DISTRIBUTION of sounds in an UTTERANCE. Apart from the question of definition, if the view is taken that all aspects of the sound system of a language can be analysed in terms of phonemes – that is, the SUPRASEGMENTAL as well as the SEGMENTAL features – then 'phonemics' becomes equivalent to phonology (= phonemic phonology). This view was particularly common in later developments of the American STRUCTURALIST tradition of linguistic analysis, where linguists adopting this 'phonemic principle' were called phonemicists. Many phonologists, however (particularly in the British tradition), prefer not to analyse suprasegmental features in terms of phonemes, and have developed approaches which do without the phoneme altogether ('non-phonemic phonology', as in PROSODIC and DISTINCTIVE FEATURE theories). The term phonemic clause is a unit which has been used primarily in PSYCHOLINGUISTIC research into the distribution and function of PAUSES: it refers to a GRAMMATICAL structure produced within a single INTONATION CONTOUR, and bounded by JUNCTURES. The term phonemic tier is often used in AUTOSEGMENTAL PHONOLOGY for the

TIER containing segments specified for the features that identify CONSONANTS and VOWELS (other than (+- syllabic), which is specified on the SKELETAL TIER); also called the segmental tier. See also AUTONOMOUS (2), MERGER, ZERO.

IV. R.L. Trask. Dictionary of Phonetics and Phonology. (Trask 1996, c. 264-266):

Phoneme /'founi:m/ *n.* In many theories of phonology *a fundamental (often the fundamental) unit of phonological structure, an abstract segment which is one of a set of such segments in the phonological system of a particular language or speech variety, often defined as 'the smallest unit which can make a difference in meaning'*. First recognized in the late nineteenth century, the phoneme occupied a more or less central position in every theory of phonology promulgated in the twentieth century, with the sole exception of PROSODIC ANALYSIS, until the development of non-linear approaches in the 1980s; often regarded as the most conspicuous characteristic of classical phonology, the phoneme was also important in all earlier versions of generative phonology. Two points need to be stressed: (1) the most important property of a phoneme is that it contrasts with the other phonemes in the system, and hence (2) we can only speak of the phonemes of some particular speech variety (a particular accent of a particular language). Languages differ in the number of phonemes they distinguish (see phoneme system), but every valid word in every language necessarily consists of some permissible sequence of that language's phonemes (see phonotactics). Several views of the phoneme have been advanced, chiefly differing first as to whether the phoneme is regarded as a phonological prime not capable of further decomposition or as a cluster of more primitive elements, second in the degree of abstractness imputed to it, and finally in whether the phoneme is regarded as a mental reality, a physical unit or merely a convenient analytical fiction. Both the BRITISH school and the AMERICAN STRUCTURALISTS regard the phoneme as indivisible and as minimally abstract, a conception often labeled the autonomous or (classical) phoneme. In this view, the phoneme is essentially a structureless object which nonetheless has identifiable phonetic characteristics; it may be realized in speech by phonetically different phones in different environments (its allophones), and the allophones of a phoneme are united within it by their shared phonetic similarity and by their complementary distribution. The view of the PRAGUE SCHOOL differs somewhat in regarding the phonetic characteristics of a phoneme as fundamental, and hence in stressing the way in which phonemes tend to occur in phonetically identifiable patterns. A very different conception, the systematic phoneme, was put forward by the early generative phonologists. The systematic phoneme is explicitly regarded, not as a primitive but as a mere bundle of the real primitives, the distinctive features. More importantly, the systematic phoneme is in general a highly abstract object, closely resembling the morphophoneme of the AMERICAN STRUCTURALISTS; as a result of the application of a long series of ordered rules, a single phoneme may reach the surface in a form which is phonetically utterly different from its canonical form;

it may merge with another phoneme into a single segment; it may even disappear altogether. The non-linear approaches which have dominated the field since the 1980s have dispensed with the phoneme altogether, though the term 'phoneme' is still sometimes applied to an autosegment on the segmental tier in those versions of AUTOSEGMENTAL PHONOLOGY which recognize such a tier. See also diaphone, diaphoneme. Adj. phonemic, formerly also phonematic. The concept of the phoneme was known to the Indian grammarian Patanjali in the second century BC and to the Icelandic first grammarian in the twelfth century; it was developed with varying degrees of explicitness by a number of nineteenth century authors, including Odell (1806), Whitney (1843), Müller (in 1843, but published in 1875), Ellis (1844), Pitman (1846), Winteler (1876) and Sweet (1877), but no fully explicit formulation was produced, and no term was available at the time. The term 'phoneme' was coined by the French phonetician A. Dutriche-Desgenettes in a lecture in 1873, but in the sense of phone or segment – two terms not coined until much later. The term was picked up by others, including Louis Havet and Saussure, both of whom have sometimes been wrongly credited with inventing it. Saussure's famous 1879 paper (actually published in 1878) gave the term wide currency in the earlier sense and this older sense did not finally disappear until the 1940s, especially in France; it is the only sense attested for 'phoneme' in the first addition of the *OED*. The first fully explicit exposition of the phoneme principle was developed by the Kazan School and the term 'phoneme' was first used in its modern sense by them – though note that the Kazan linguists sometimes also used 'phoneme' in the sense of morphophoneme. The Kazan conception was carried to the west by L.V. Ščerba, who introduced the phoneme concept to Daniel Jones in England in 1911. In the United States the phoneme principle was slow to gain acceptance, even though it was championed Edward Sapir, notably in his classic 1925 paper, in which he argued for the psychological reality of phonemes; Bloomfield accepted the principle in his 1933 book, but as late as 1934 Morris Swadesh could write that the phoneme concept had only recently been accepted. Note also that many American structuralists, following Bloomfield (1933), regard prosodemes (suprasegmental phonemes) as phonemes, a position rejected by most others notably by Daniel Jones, who prefers to speak of tonemes, chronemes and stronemes. For historical accounts, see Fischer-Jørgensen (1975, esp. ch. 6), Anderson (1985, esp. chs 10-11), Abercrombie (1991a: ch.3), or the appendix to the third (1967) addition of Jones (1950).

Анализ приведенных источников, демонстрирующих различные способы презентации понятия, выявляет, наряду с преимуществами каждого из них (удачные и объемные комментарии, составляющие расширенную форму термина «фонема», наличие внушительных библиографий, разнообразие дефиниций и экземплификаций) некоторые общие недостатки, свойственные также многим другим терминологическим справочникам, не представленным в данной статье.

Во-первых, нет указания на языковое происхождение термина, а именно, композиционное объяснение «внутренней формы» иноязычного термина.

По этой и некоторым другим причинам авторам не удастся привести всеобъемлющей дефиниции понятия «фонема» как микротекста, составляющего концептуальную формулу данного термина. Авторизованные толкования термина «фонема» зачастую не снабжены аттестационной справкой.

Во-вторых, не проводится четкой грани между понятиями «звука языка» и «звука речи». По этой причине в некоторых дефинициях и комментариях авторы не избежали омонимии.

В-третьих, представлены лишь частично или не представлены вовсе критерии определения состава фонем языка (статистические, фонологические, физические, перцептивные и др.).

В-четвертых, все рассматриваемые в данной статье и подобные им терминологические справочники не содержат исчерпывающей информации структурно-лингвистического характера.

Думается, что, наряду с дефинициями и комментариями, следует включить информацию о семантических связях, лексической сочетаемости и синтагматическом поведении определяемого терминологического элемента как для лучшего понимания его сущности, так и для наиболее осознанного его использования в дискурсе. К примеру, для фонемы характерно наличие аллофонов, в то время как аллофоны принадлежат фонеме; для аллофона свойственно представлять его фонему и т.д.

И, наконец, в-пятых, следует отметить немаловажные упущения в хронологии развития термина. Это вызвано целым рядом причин, в частности, нарушением научного принципа беспристрастности в приоритетной оценке национальных достижений и умалчивании достижений зарубежных коллег. Это касается как отечественных, так и зарубежных справочников. При анализе даже самого взвешенного и информационно насыщенного, четвертого источника обнаруживаются пробелы в ссылках на советский период развития фонетики и фонологии (дискуссия о сущности фонемы в Ленинградской и Московской школах), в упоминании канадской школы Пьера Леона и т.д.

В заключение краткого анализа необходимо отметить, что накопленный опыт терминологического описания фонетики в целом и каждого, базового или частного, терминологического элемента в отдельности, предоставляет хорошую стартовую площадку для стандартизированной и всеобъемлющей презентации понятийного аппарата древнейшей и важнейшей науки описания первичной формы существования языка.

Литература

1. Авербух К.Я. Общая теория термина. – Иваново, 2004.
2. Карпова О.М. О лексикографической терминологии // Лексика. Лексикография. – Вып. 9. – М., 1998.
3. Немченко В.Н. Основные понятия фонетики в терминах. – Н.Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 1993.

4. Трахтеров А.Л. Английская фонетическая терминология. М: Изд-во литературы на иностранных языках, 1962.
5. Crystal D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics. – Fifth Edition. Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 2003.
6. Mel'čuk I.A. Towards a Language of Linguistics. – Munich, 1982.
7. Picht H. Professional Communication, LSP and Terminology // Лексика, лексикография, терминология в русской, американской и других культурах. – Иваново, 2005. – С.6-15.
8. Trask R.L. A Dictionary of Phonetics and Phonology. – London: Routledge, 1996.

М.В.Зубченко

Проблематика исследований спонтанной речи (на примере русского и немецкого языков)

Зарубежные и отечественные исследователи в области психолингвистики и методики преподавания ИЯ обращают все большее внимание на спонтанную речь, в частности звучащую монологическую речь. Как исследование языка, так и процесс обучения сегодня в качестве основного объекта часто имеют «живую» речь на изучаемом языке. Вместе с тем, как лингвистические, так и методические исследования не дают возможности знакомства с такой речью и ее последующего изучения. Речь носителя языка, как правило, имеет отклонение от кодифицированной нормы. Это касается всех уровней языка: фонетики, грамматики, лексики. Широко используемые сегодня в преподавании ИЯ литературные источники могут завести учащихся в «тупик» в ситуации межкультурного общения. Так, у немцев и русских вызывает смех использование не носителями языка устаревших вариантов слов в живой спонтанной речи: «der Bursche, der Knabe» вместо «der Junge» (пер. с нем. «мальчик» – здесь и далее перевод М.З.), «von dannen ziehen» вместо «losgehen» (пер. с нем. «уходить, отправляться»), «das Fräulein» вместо «die junge Frau» (пер. с нем. «девушка»); «трактовать» вместо «рассуждать, обсуждать, объяснять» (трактовать о разных вопросах), «слобода» вместо «пригород» и др.. Это также касается использования синтаксических конструкций (напр., стремление к построению громоздких немецких предложений). Нельзя отрицать роли правил и образцов в процессе освоения неродного языка, однако их неестественное употребление приводит к возникновению нелепых ситуаций. Именно поэтому современная психолингвистика приобретает такую актуальность для методики преподавания иностранных языков. Особенно это заметно на примере немецких источников последних лет. Р.Форстер в своей книге «Mündliche Kommunikation in Deutsch als Fremdsprache. Gespräch und Rede» обращает внимание читающих на то, что мы часто находимся в жизненных ситуациях, когда приходится говорить спонтанным монологом, поэтому нельзя пренебречь обучением механизмам спонтанной монологической речи. (Forster 1997, с. 237)

Р. Филер в своей статье «Mündliche und gesprochene Sprache als wissenschaftlicher Gegenstand - wo ist das Problem?» затрагивает проблему устной коммуникации в связи с письменной речью. Так, он отмечает тот факт, что устная речь, в отличие от письменной, является быстро «улетучивающимся» предметом, что ограничивает возможность ее исследования. «Можно попытаться запомнить сказанное. В противном случае понадобятся технические средства для фиксации сказанного» (Fieler 2003, с. 22).

А.А. Исаева при представлении проблемы спонтанной речи (Исаева 2002) ссылается на британских психолингвистов Дж. Миллера и Р. Вейнерта. Эти замечания являются актуальными и для темы настоящей статьи. Ученые описывают особенности спонтанной разговорной речи, которая, по их мнению, является разновидностью звучащей речи и обладает рядом черт, свойственных разговорной речи, но и имеет собственные характеристики.

Общие характеристики:

1. Порождение спонтанной речи происходит в реальном времени, без подготовки и времени на коррекцию.

2. Спонтанная речь ограничена кратковременной памятью, как говорящего, так и слушающего. Психолингвистом Дж. Миллером было установлено, что в кратковременной памяти может удерживаться 7 ± 2 бит информации.

3. Спонтанная речь продуцируется людьми, непосредственно общающимися друг с другом (лично или по телефону) в определенном контексте.

4. По определению в спонтанной речи важную роль играют ударение, ритм, темп и тембр голоса.

5. Непосредственное спонтанное общение сопровождается жестами, мимикой, проксемикой, что несет дополнительную информацию.

Общие характеристики отражаются в лингвистических характеристиках:

1. Наблюдается достаточно четкое распределение информации: каждая фраза или высказывание несет определенное ее количество.

2. Для типичного спонтанного текста характерно уменьшение количества подчинительной связи и увеличение случаев сочинительной связи.

3. Синтаксис спонтанной речи в целом фрагментирован и упрощен: специфичны менее сложные конструкции. Основную роль в определении отношений между предложениями играет дейктис.

4. В неформальной разговорной речи высказывание не является важным аналитическим звеном.

В устной спонтанной речи наблюдается употребление грамматических конструкций, нетипичных для письменной речи.

Отечественные психолингвисты также уделяют много внимания в своих исследованиях вышеобозначенной проблематике. Так, Л.В. Величкова, затрагивая проблему спонтанной речи в статье «Psycholinguistische und

phonetische Basis der Störungen bei der interkulturellen sprechsprachlichen Kommunikation», отмечает, что устная форма коммуникации как объект исследования находилась долгое время в тени. Системные исследования супrasegmentного уровня находятся в начальной стадии. Контрастивные исследования интонационных признаков показывают, что нарушение этих признаков мешает не восприятию коммуникативных типов высказывания, а, прежде всего, являются причиной неадекватной эмоциональной реакции» (Veličkova 2004, с. 3-4).

И.А. Стернин в статье «Nonverbal components in teaching public speaking» пишет об особенностях устной коммуникации как таковой: «Любая мысль может быть представлена в устной и письменной форме. Очевидно то, что устная коммуникация более эффективна, чем письменная. Принципиальные достоинства устной коммуникации следующие: устная коммуникация – самая древняя форма коммуникации, что подразумевает, что это самая легкая и традиционная форма в использовании и овладении. Много людей, включая детей, не могут производить четкие (разборчивые) письменные тексты, но способны достаточно ясно порождать их устно. Устная коммуникация обладает большим разнообразием дополнительных коммуникативных средств, которые делают коммуникацию более эффективной. При устной коммуникации есть возможность повторить определенные идеи несколько раз, тем самым, делая их более эксплицитными и важными. В процессе устной коммуникации у слушателей есть возможность задать вопросы говорящему, уточняя что-либо. Устная коммуникация проста в реализации, она не нуждается в дополнительных материальных средствах.» (Перевод с англ. - М.З.) (Стернин 2004, с. 34).

Многие современные исследования спонтанной речи направлены на изучение диалогической речи. Актуальность этой темы ясна. Мы общаемся чаще всего в диалогической форме. Однако, чаще всего незаметно для нас, диалогическое общение приобретает монологический характер, когда, например, один из собеседников начинает рассказывать об интересном фильме. Мысль о том, что спонтанный монолог в разговорной речи довольно часто является компонентом диалога, мы находим в диссертации А.А. Исаевой на тему «Структура тематических монологов в звучащей спонтанной речи (на материале русского и английского языков)»: «Итак, несмотря не то, что диалог и полилог часто противопоставляются монологу; между этими формами речи существует тесная взаимосвязь: в процессе диалога или полилога может наблюдаться и монолог, когда инициатива ведения беседы оказывается у одного из участников. В этом случае другие участники превращаются в слушающих. <...> Диалогическая и полилогическая речи остаются суммой монологов, так как речь в этих формах общения остается индивидуальной, ведь каждый человек индивидуален и неповторим» (Исаева 2002, с. 66)

А.А. Исаева считает, что спонтанная речь обладает двойными характеристиками. «С одной стороны ей свойственна неподготовленность

(спонтанность), с другой стороны, говорящие используют готовые, уже давно закрепленные в языке формы. Выбор этих форм происходит непосредственно в процессе коммуникации» (Исаева 2002, с. 39) Именно это обуславливает, по мнению автора, следующие особенности спонтанной речи:

«1. В спонтанной речи, как ни в одной другой разновидности речи, слиты воедино языковые и неязыковые средства передачи мысли и чувства (мимика и проксемика).

2. Это объясняет определенную «свернутость» спонтанной речи: обилие эллиптических и незаконченных фраз, возрастание коммуникативной роли просодии.

3. Неподготовленность спонтанной речи ведет к появлению различного рода хезитаций, число которых возрастает с возрастанием напряженности или сложности обсуждаемого вопроса. Характер хезитаций зависит от ряда обстоятельств.

4. В спонтанной речи нет строгого плана в выборе тем. По началу разговора не всегда можно предсказать его конец, но в развитии монолога можно усмотреть некоторые закономерности» (Исаева 2002, с. 39-40)

Проблематика спонтанной монологической речи актуальна и для методики преподавания иностранных языков. Проблема обучения спонтанной речи на иностранном языке многогранна. Сегодня наблюдается тенденция изучать языки в рамках коммуникативного подхода, что предполагает порождение спонтанной речи, в частности спонтанной монологической речи (напр. при высказывании собственного мнения по определенной проблематике). При этом возникает проблема недостаточной представленности ее образцов. Речь, которая построена грамматически верно с использованием адекватной лексики, зачастую отличается от спонтанной речи, порождаемой носителями языка. Одним из путей решения данной проблемы, на наш взгляд, является использование аутентичной речи (видео-аудиозаписи, присутствие носителя языка) в процессе преподавания иностранного языка. Ситуация аутентичного общения должна при этом логично вписываться в занятие по практике иноязычной речи.

Литература

1. Исаева А.А. Структура тематических монологов в звучащей спонтанной речи (на материале русского и английского языков): дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук /. – Воронеж, 2002.
2. Veličkova L.V. Psycholinguistische und phonetische Basis der Störungen bei der interkulturellen sprechsprachlichen Kommunikation // Klangsprache im Fremdsprachenunterricht (III). – 2004. – № 3. – S.3-11.
3. Sternin J. A. Nonverbal components in teaching public speaking // Klangsprache im Fremdsprachenunterricht (III). – 2004. – № 3. – S.34-36.

4. Fielers, Reinhard Mündlichkeit und gesprochene Sprache als wissenschaftlicher Gegenstand - Wo ist das Problem? // Sprache und Sprechen, Band 41: Zum Wissenschaftsverständnis der Sprechwissenschaft. – 2003. – № 41. – S. 20-32.
5. Forster, Roland: Mündliche Kommunikation in Deutsch als Fremdsprache: Gespräche und Rede. – St. Ingbert: Röhrig, 1997 (Sprechen und Verstehen; Bd. 12).

Д.В. Анненкова

Восприятие паралингвистических компонентов устного сообщения в родном и неродном языках

Восприятие речи носит комплексный характер. Особый интерес представляет соотношение лингвистических и паралингвистических средств при восприятии речевого сообщения. В психолингвистической теории вопрос соотношения средств коммуникации освещался многими учёными, такими как Н.И. Жинкин, Е.Н. Винарская, Р.К. Потапова, В.В. Потапов и др. Учёные придерживаются мнения, что паралингвистические средства коммуникации придают устному сообщению дополнительный смысл или являются самодостаточными для обеспечения понимания, а иногда даже полностью опровергают семантическое содержание фразы.

Согласно Р. К. Потаповой и В.В. Потапову, паралингвистические средства выполняют коннотативную функцию, что является очень важным в процессе рецепции устного сообщения (Потапова, Потапов 2006, с. 97). В основе коннотативных значений, реализуемых средствами произносительной паралингвистики, лежат такие механизмы межличностного общения, как симпатия/антипатия, одобрение/неодобрение (Потапова, Потапов 2006, с. 127).

Живая спонтанная речь по большей части эмоциональна. В психолингвистической литературе ставится проблема соотношения универсальных и национально-специфических признаков при восприятии эмоционально окрашенной речи. Так, Р.К. Потапова и В.В. Потапов утверждают, что «произносительные паралингвизмы носят универсальный общебиологический, физиологический и психологический характер, что существенно облегчает их декодирование в акте коммуникации вообще и при интерпретации устных речевых высказываний при переводе с одного языка на другой, в частности. Однако их адекватная интерпретация предполагает знание признаков всех коннотативных значений» (Потапова, Потапов 2006, с. 129). Но, по мнению этих авторов, есть также и внутренние межъязыковые паралингвистические различия, которые касаются таких параметров, как максимальные мелодические значения на слогах, несущих фразовые ударения, внутрислоговые мелодические изменения, максимальные и минимальные энергетические участки

высказывания, временные реализации слогов и их составляющих (Потапова, Потапов 2006, с. 129.)

Е.Н. Винарская, рассматривая паралингвистические средства эмоциональной выразительности, считает, что эти средства имеют национально специфические черты, возникающие на основе универсальных для всех новорожденных детей биологически обусловленных врождённых голосовых реакций (Винарская 2003, с. 99).

Р.К. Потапова и В.В. Потапов отмечают, что «в отличие от просодических признаков нейтральных в эмоциональном отношении фраз, между просодическими характеристиками, передающими эмоциональную информацию в двух языках больше сходства, чем различий» (Потапова, Потапов 2006, с. 153).

Н.И. Жинкин, определяя универсально-предметный код как систему образов, возникающих в сознании любого субъекта, как стык речи и интеллекта, приписывает ему способность обрабатывать не только вербальную информацию, но и информацию о действительности, поступающую через разные органы чувств. (Жинкин 1982, с. 54-55). По мнению учёного, предметный код является универсальным для различных языков, поэтому у носителя любого языка возникает возможность определённым образом отражать объективную реальность. Данная способность может также служить основанием адекватной оценки речевой ситуации на основе универсальных средств.

Проведённый нами эксперимент был направлен на исследование восприятия паралингвистических средств (просодических и мимически-жестовых) в спонтанной русской речи. Группа аудиторов состояла из трёх экспертов, в неё входили два носителя русского языка – один из которых имел практические и теоретические знания в области фонетики и психолингвистики, и один носитель немецкого языка, не владеющий русским языком, но имеющий знания в области фонетики. Для последующего упоминания обозначим фонетиста с родным языком русским Ф1 и фонетиста с родным языком немецким, не владеющим русским языком - Ф2. Аудитивно-визуальному анализу были подвержены выдержки из ток-шоу на русском языке. Ток-шоу были обработаны специальным образом, а именно, из них были вырезаны отдельные сюжеты, включающие в себя высказывания людей по определённой теме или проблеме. Подборка материала осуществлялась методом сплошной выборки. Количество просмотренных и подверженных анализу сюжетов составило 60 отрезков. При этом вопросы, поставленные участникам эксперимента, были направлены на разделение содержательного и паралингвистических компонентов. Носителям русского языка было предложено оценить три аспекта: содержание высказывания, речь (как человек говорит) и манеру держаться. Данные аспекты должны были получить оценку «+» или «-», что соответствовало бы ответам «нравится» или «не нравится». Ф2 было предложено оценить соответственно два пункта: «речь» (в данном случае мы имеем ввиду просодические

признаки), и «манера держаться» (жестика, мимика, кинестетика). Интерес представляла, прежде всего, оценка восприятия речи Ф2 в сравнении с оценкой Ф1, с одной стороны, и наивного носителя языка, с другой стороны. Нашей целью являлось определение количества совпадений оценки восприятия речи и манеры держаться при понимании/непонимании содержания высказывания.

В ходе анализа нами было выявлено, что в 71% случаев оценка речи как у Ф1, так и Ф2 совпала. При сравнении оценок по пункту «манера держаться» расхождения наблюдались в 40% случаев, и соответственно в 60% случаев оценка совпадала.

При сравнении ответов, данных Ф2 и наивным носителем русского языка, совпадение оценок речи наблюдалось лишь в 47% случаев. А оценка манеры держаться данными экспертами совпала в 62% случаев.

Если сравнить совпадение оценок по пункту «речь» (что подразумевало собой оценку просодических признаков) у Ф1 и Ф2, с одной стороны, и совпадение оценок по указанному пункту у Ф2 и наивного носителя русского языка, с другой стороны, то можно заметить существенную разницу – 71% и 47% совпадений соответственно. Сравнивая процент совпадений оценок манеры держаться, мы видим, что, как и у Ф1, так и у наивного носителя русского языка оценка манеры держаться совпадает с оценкой Ф2 на 60% и 62% соответственно.

Анализируя данные, можно сделать вывод, что, как утверждают многие учёные, в речевом акте реализуются как универсальные, так и национально-специфические признаки речи и речевого поведения.

Можно предположить, что совпадение оценок на 71% по параметру «речь» (просодические признаки) у Ф1 и Ф2 происходит в виду того, что они руководствуются в большинстве случаев одними и теми же критериями, в то время как наивный носитель языка принимает во внимание и оценивает речевые параметры интуитивно, не основываясь на профессиональных знаниях, что обуславливает меньшее число совпадений. Примерно одинаковое совпадение оценок по пункту «манера держаться» - 60 и 62% соответственно - может быть обусловлено доминированием универсальных признаков, которые служат основой для интуитивного восприятия и оценки двигательных реакций в речевом поведении.

Литература

1. Винарская Е.Н. Выразительные средства текста (на материале русской поэзии). – 2-е изд. – Воронеж: ВГУ, 2003.
2. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. – М.: Наука. 1982.
3. Потапова Р.К., Потапов В.В. Язык, речь, личность. – М.: Языки славянской культуры, 2006.

Содержание

Раздел 1.

Теоретические проблемы сопоставительных исследований

Стернина М.А. (<i>Воронеж</i>) О новых направлениях в развитии сопоставительных исследований	с.3
Пермякова Е.Г. (<i>Екатеринбург</i>) О некоторых методиках сопоставительного исследования лексических систем	с.10
Фененко Н.А. (<i>Воронеж</i>) Реалия в аспекте лингвистического переводоведения	с.13

Раздел 2.

Сопоставительные исследования в области лексики

Шишкина Н.М. (<i>Воронеж</i>) Глаголы, обозначающие обмен мнениями в русском и английском языках	с.21
Колтакова С.В. (<i>Воронеж</i>) Национальная специфика семантики тематической группы «Отдых» в русском и английском языках	с.24
Вострикова И.Ю. (<i>Воронеж</i>) Национальная специфика семантической близости единиц лексико-семантических полей «Трудовая деятельность» в русском и английском языках	с.29
Чернова Н.И. (<i>Воронеж</i>) Сопоставительный анализ наименований характеристик зданий и помещений по форме и конструкции в русском и английском языках	с.33
Селищева Д.А. (<i>Воронеж</i>) Сопоставительный анализ тематической подгруппы «уважение» в русском и английском языках	с.36
Лукина Л.В. (<i>Воронеж</i>) Контрастивный анализ устных и письменных речевых событий «Сообщение информации» в русском и английском языках	с.39
Чан Тхи Тху Хыонг, Чарыкова О.Н. (<i>Воронеж</i>) Лексические	с.44

единицы, называющих температуру со знаком +, в русском и вьетнамском языках

Портнихина Н.А. (Воронеж) Сравнительный анализ семантического развития лексем *rain* и *дождь* в русском и английском языках с.48

Дрюченко А.А. (Воронеж) Национальная специфика глагола положения в пространстве *to sit* в английской языковой картине мира с.53

Чубур Т.А. (Воронеж) Контрастивное описание лексемы место» в русском и английском языках с. 57

Махонина А.А. (Воронеж) О трудностях тематической классификации русско-английских субстантивных лакун с.60

Бабушкин А.П. (Воронеж) Русские и английские ойконимы в образных выражениях и народных речениях с.64

Лангнер А. Н. (Белгород) Функционирование прозвищ в современной речевой коммуникации (на материале политической лексики Демократической республики Конго и Камеруна) с.67

Носырева Е.И., Стернин И.А. (Воронеж) К вопросу о сопоставлении *своего* и *чужого* в профессиональной терминологии с.70

Раздел 3.

Сопоставительные исследования концептосфер

Моисеева С.А., Антипова М.Н. (Белгород) Сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентом - соматизмом *голова*, реализующих концепт «характер человека» (на материале западно-романских языков) с.75

Нечаева Е.Ф. (Москва) Предельное понятие «обладание» как выразитель «Я-концепта» в языке (на материале французского и русского языков) с.79

Новикова Т.Б. (Волгоград) Метафора и заимствование концептов с.86

Прохоров А.В. (Тамбов) Актуализация понятийной области ЖИВОТНОЕ при метафорическом описании объекта рекламы (на материале русскоязычной и англоязычной рекламы) с.89

Щукина О.В. (Воронеж) Специфика функционирования англоязычных вторичных поэтонимов в русском культурном пространстве с.92

Раздел 4.

Сопоставительная лингвокультурология

Лопатина М.Г. (<i>Воронеж</i>) Функционирование фразеологизмов с прагматонимами как базисными компонентами в немецкой и русской лингвокультурах	с.98
Дукальская И.В. (<i>Самара</i>) Особенности английского лингвокультурного кода «Артефакты»	с.102
Медведева Т.С. (<i>Ижевск</i>) Русские и немецкие объявления о знакомстве как отражение культурных стандартов	с.107
Петрова А.Н. (<i>Воронеж</i>) О тенденциях именаречения в США, Великобритании и России	с.112
Будунова Д.М. (<i>Владикавказ</i>) Число «семь» в мифологическом сознании (сопоставительный аспект)	с.118
Тамерьян Т.Ю. (<i>Владикавказ</i>) Влияние русскоязычной культуры на формирование языковой картины мира осетин	с.122

Раздел 5.

Сопоставительные исследования и перевод

Зубкова Л.И. (<i>Воронеж</i>) Вариативность переводческих соответствий как признак референциальной безэквивалентности (на материале словарных и художественных переводов)	с.129
Козельская Н.А., Федотова Н.В. (<i>Воронеж</i>) Особенности перевода колористической лексики в рекламном тексте	с.132
Махортова Т.Ю. (<i>Волгоград</i>) Сопоставительный анализ текстов и перевод	с.135

Раздел 6.

Сопоставительные исследования в области словообразования и грамматики

Кравченко О.Н. (<i>Белгород</i>) Словообразовательные аффиксы в английском и русском языках	с.139
Гашкова М. Г. (<i>Екатеринбург</i>) Способы глагольного действия как потенциал языковой экспрессии (на материале русского и немецкого языков)	с.143
Рождественская С.В. (<i>Новочеркасск</i>) Специфика образования многокомпонентных терминов области керамики в английском и русском языках	с.147
Копров В.Ю. (<i>Воронеж</i>) Трехактантные предложения в сопоставительной типологии русского и английского языков	с.152
Козюра Т.Н. (<i>Воронеж</i>) Предложения пассивно-возвратного типа с глаголами зрительного восприятия в русском и	с.157

французском языках

Калинина Е.Э. (Глазов) Функционирование рамочной
конструкции в немецком языке и языке идиш с.160

Раздел 7.

Сопоставительные исследования в области дискурса

Филатова Е.А. (Иваново) Способы реализации речевого
воздействия в англоязычном политическом дискурсе (на
материале британского и американского вариантов
английского языка) с.165

Зотова А.Б. (Воронеж) О некоторых особенностях совмещения
экспрессивных речевых актов с другими актами (на материале
русских и английских восклицательных предложений) с.168

Раздел 8.

Сопоставительные исследования в области фонетики

Денисов К.М. (Иваново) Сопоставление композиционных и
содержательных признаков определения понятия фонемы в
некоторых отечественных и зарубежных терминологических
справочниках с.173

Зубченко М.В. (Воронеж) Проблематика исследований
спонтанной речи (на примере русского и немецкого языков) с.180

Анненкова Д.В. (Воронеж) Восприятие паралингвистических
компонентов устного сообщения в родном и неродном языках с.184

Содержание с.187